

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 17
Выпуск 2

2024
Июнь

СОЦИОЛОГИЯ

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА
ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СПбГУ. СОЦИОЛОГИЯ» ВЫХОДИТ В СВЕТ С МАРТА 2008 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

- Яшина М. Н., Шишкина Е. В., Белоусов К. Ю.* Труднодоступные респонденты:
опыт формирования выборки..... 126
- Ткаченко К. В.* Перформативный активизм или перформативность активизма:
от концептуализации к исследованиям..... 141

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Маленков В. В., Мальцева Н. В.* Профили патриотизма в сознании студенческой
молодежи Тюмени..... 159
- Мухаметов Р. С.* Почему граждане России не доверяют США: анализ данных
Всемирного исследования ценностей..... 175

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2024

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Иванов С. А., Минина В. Н., Паневина М. В., Абалян А. Г., Фомиченко Т. Г.</i> Вовлеченность российских детей в физическую активность и спорт: возможности и барьеры.....	192
<i>Попов Е. А.</i> «Молоды душой»: социальные практики «серебряных» волонтеров (кейс Алтайского края).....	216
<i>Сердюков Б. В., Ежова Л. В.</i> COVID-19 и ВИЧ: предубеждения и барьеры к прохождению вакцинации.....	232

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет
На журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 80829

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-73022
от 06 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *В. И. Дудина*, д-р социол. наук, проф.
Редактор *А. М. Никитина*
Корректор *Т. И. Селиванова*
Компьютерная верстка *О. Е. Степурко*

Дата выхода в свет 28.11.2024. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,8 Уч.-изд. л. 10,8 Тираж — 40 экз. Заказ № . Цена свободная.
Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Адрес Издательства СПбГУ: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская л., д. 5.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGY

- Yashina Maria N., Shishkina Evgenia V., Belousov Konstantin Y.* Hard-to-reach respondents: Sampling experience 126
- Tkachenko Kirill V.* Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research 141

SOCIAL PROCESSES AND SOCIAL DYNAMICS

- Malenkov Vyacheslav V., Maltseva Natalya V.* Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen 159
- Mukhametov Ruslan S.* Why Russians don't trust the USA: Analysis of World Values Survey data 175

SOCIOLOGY OF HEALTH AND MEDICINE

- Ivanov Sergei A., Minina Vera N., Panevina Maria V., Abalyan Avak G., Fomichenko Tatyana G.* Engagement of Russian children in physical activity and sport: Opportunities and barriers 192
- Popov Evgeniy A.* "Young at heart": Social practices of "silver" volunteers (case of the Altai Territory) 216
- Serdyukov Boris V., Yezhova Lyubov V.* COVID-19 and HIV: Prejudices and barriers to getting vaccinated 232

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ

УДК 308

**Труднодоступные респонденты:
опыт формирования выборки****М. Н. Яшина¹, Е. В. Шишкина¹, К. Ю. Белоусов²*¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования,

Российская Федерация, 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 11–13

Для цитирования: Яшина М. Н., Шишкина Е. В., Белоусов К. Ю. Труднодоступные респонденты: опыт формирования выборки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 126–140. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.201>

Статья посвящена описанию проблем отбора информантов-мужчин, воспитывающих детей до 18 лет, в качественном исследовании. Материал статьи основан на анализе исследовательского опыта авторов, а также на теоретической проработке категории «труднодоступная группа». Проанализирован опыт работы с тремя группами информантов — одинокие отцы, отчимы, отцы из числа выпускников детских домов. Их представители рассматриваются как труднодоступные, скрытые, уязвимые. Одинокие отцы относятся к малочисленной группе, вместе с тем она более институциализирована, чем другие группы отцов, что значительно облегчает поиск ее представителей, позволяя реализовать метод отбора на базе учреждений. Для отчимов характерна высокая гетерогенность и сложности с идентификацией. Сензитивность темы исследования предполагает высокий уровень доверия к тем, через кого устанавливается контакт. Отцы — выпускники детских домов являются малочисленными, сложно-идентифицируемыми, уязвимыми. Эти особенности нашли отражение в способах построения выборочной совокупности — с приоритетным выбором комбинированных стратегий. Авторы дают подробное описание особенностей рекрутинга и стратегий по поиску информантов, рассматривая специфику отбора на базе разных типов учреждений, целевого отбора через социальные сети исследователей, метода снежного кома. Анализируются барьеры, которые возникают при отборе разных групп информантов-мужчин, в частности количественный состав группы, физическая сосредоточенность, уровень институциализации, доверия. Дается характеристика факторов, повышающих

* Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770, <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

эффективность набора информантов для каждой из групп, и факторов риска, в том числе связанных с мотивацией участников и ролью самого исследователя.

Ключевые слова: труднодоступные группы, скрытые группы, уязвимые группы, мужчины, одинокие отцы, отчимы, отцы — выпускники детских домов, метод набора на базе учреждений, целевой отбор.

Введение

Понятие «труднодоступная группа» применительно к социологическому исследованию чаще всего ассоциируется с общностями, обладающими специфическими чертами и практиками поведения. Но в условиях возрастающей атомизированности индивидов и при наличии дополнительных технических средств защиты, позволяющих фильтровать запросы, поступающие извне, будь то телефонные обращения, интернет-коммуникация, звонки через домофоны, закрытые территории и другие способы охраны приватности частной жизни, сложности с доступом к потенциальным респондентам приобретают массовый характер. Подобные ограничения могут приводить к смещению выборочной совокупности, сложностям реализации случайного отбора, возникновению систематической ошибки из-за недостаточного учета некоторых групп населения, превалированию излишне общительных участников, которые по своим характеристикам не обязательно идентичны тем, кто не хочет участвовать в исследованиях.

Однако, когда речь заходит об изучении семей с детьми, считается, что проблем с доступом к потенциальным участникам быть не должно: генеральная совокупность большая, максимально институционализована через включение в системы образования и здравоохранения. Но как только происходит конкретизация целевой группы с заданными в рамках исследования характеристиками, иллюзия доступности исчезает.

Обсуждение семейной проблематики традиционно считается прерогативой женщин, более вовлеченных в родительские практики, мужчинам в этом вопросе отводится второстепенная роль. Развитие тренда большей физической и эмоциональной включенности мужчины в жизнь ребенка и семьи способствует переосмыслению роли отца как самостоятельного субъекта. Об этой субъектности свидетельствует опыт исследовательского коллектива, реализующего с 2019 г. проекты по тематике отцовства, в том числе вовлеченного, в современной России.

Целью статьи является анализ барьеров, которые возникают при поиске участников, обладающих заданными в рамках исследования характеристиками. В частности, рассмотрены трудности с установлением контакта с мужчинами, имеющими несовершеннолетних детей, а также предложено обсуждение проблем применения разных типов формирования выборок для этой популяции в качественных исследованиях.

Обзор научной литературы по теме исследования

Концепт «труднодоступная группа» (hard-to-reach populations) распространен в сфере общественного здравоохранения, социальной работы, социологических и демографических исследований. Специфика его применения многообразна:

от характеристики доли сообщества в генеральной совокупности до описания индивидов и групп.

В англоязычной литературе этот термин используется как обобщающее понятие наряду с такими, как «скрытая группа» (hidden populations), «уязвимая группа» (vulnerable populations), иногда к подобному типу групп относят и «редко участвующие группы» (seldom-heard populations).

Наиболее широкие коннотации связаны с прилагательным «труднодоступный». С его помощью описываются в первую очередь группы, с которыми трудно установить контакт и/или которых сложно привлечь к участию на основании некоего объединяющего сообщества критерия, способствующего причислению той или иной группы к труднодоступной, чаще всего демографического или поведенческого. Этот термин применяют также к религиозным, этническим, культурным меньшинствам, группам, не желающим демонстрировать свою идентичность, представителям маргинальных и стигматизированных групп [1–3]. В этих случаях понимание труднодоступности расширяется за счет учета дополнительных факторов и включения в него других видов групп, в том числе скрытых и уязвимых. Но любая из групп может не являться гомогенной — в ней могут существовать более доступные представители и те, с кем связаться значительно труднее [4].

Представителями скрытой группы являются те, кто не желает раскрывать свой статус. Несмотря на то что скрытые группы причисляют к труднодоступным, они обладают собственной спецификой, способной оказывать влияние на результаты исследования. Нежелание открыто демонстрировать свой образ жизни способствует тому, что представители этой группы не только отказываются участвовать в исследованиях, но также могут уклоняться от ответов на определенные вопросы, а также давать ложные ответы или намеренно лгать исследователям [5]. Основная сложность при изучении таких групп состоит в том, чтобы определить принадлежность респондента к целевой группе и установить соответствующие критерии включения в выборку исследования. Наличие скрываемых параметров становится особенно актуальной проблемой для исследователя в случаях, если он не имеет возможности физического доступа к группе или представители группы не образуют социальную сеть.

Выявление уязвимых групп представляет собой особую задачу для исследователя. Факторы, свидетельствующие об уязвимости, сильно разнятся. Ключевым выступает правовой аспект, связанный с ограничениями в реализации индивидом гарантированных ему прав. Помимо внешних условий, вызывающих состояние уязвимости, выделяют также индивидуальные особенности конкретной личности, способствующие усугублению или препятствующие развитию уязвимого положения: наличие/отсутствие дискриминации или стигматизации, бедность, риск оказаться в более тяжелых жизненных условиях по сравнению с текущей ситуацией, усилия по управлению риском [6]. В силу того, что ни один международный договор не отвечает на вопрос, что такое уязвимость, не дает нормативного определения перечисленных категорий населения как уязвимых групп и не содержит исчерпывающего перечня этих групп или критериев, позволяющих отнести группы непосредственно к числу уязвимых [7], понятие уязвимости носит оценочный характер. В этом случае исследователь вынужден выделять критерий, на основании которого индивид или группа населения могут быть отнесены к категории уязвимых.

Существует и иное видение проблемы определения труднодоступных групп, основанное на том, что их нет, но существуют сообщества, для достижения которых необходимо затратить больше материальных и временных ресурсов и проявить «креативность в работе с этими группами» [3]. При подобном подходе необходимо выделить отличительные характеристики подгрупп, которые интересуют исследователя, степень гомогенности сообщества, определить мотивацию участия в исследовании, проанализировать успешные приемы доступа в поле.

Основными маркерами, позволяющими исследователю понять, столкнется ли он с потенциальными проблемами при отборе участников из генеральной совокупности, могут быть следующие:

1. Принадлежность к мини-группе. Всю совокупность населения можно условно разделить на основные группы, составляющие более 10 % от общей численности населения, второстепенные (от 1 до 10 %) и мини-группы (менее 1 % от общей численности населения) [8]. Помимо малого количества представителей целевой общности, затруднять поиск может то, что они не выделяются из общей совокупности своими социально-демографическими признаками. Поиск по специфическим характеристикам требует дополнительных ресурсов [9].

2. Установка на сокрытие своей принадлежности к группе. В основе нежелания респондента раскрывать свой статус могут быть как психологические, так и поведенческие особенности. Дополнительным фактором, затрудняющим установление контакта с потенциальным участником, является наличие подобной установки у членов семьи или близких людей на неразглашение той или иной информации о нем [9; 10].

3. Реализация стигматизирующих практик и как результат порицание со стороны других членов общества. Наличие стигмы в обществе по отношению к той или иной группе вводит ее в разряд труднодоступных, но и само использование термина для выделения группы из схожих уже потенциально ее стигматизирует [1; 11].

4. Наличие ряда параметров, значительно усложняющих установление контакта. К ним могут относиться высокая мобильность, сверхзанятость, высокой/низкий социальный статус, отсутствие современных средств коммуникации, проживание в отдаленных местах со сложной транспортной доступностью, исключенность из социальных институтов [12; 13].

5. Демонстрация высокого уровня недоверия, наличие предубеждений в отношении изучения общественного мнения. Как правило, таких участников больше волнуют проблемы безопасности и анонимности в процессе исследования.

Дополнительными препятствиями к построению коммуникации являются: недостаточно развитый навык описания и анализа собственного опыта, сензитивность темы исследования, принадлежность к стигматизируемой группе [14; 15].

В зависимости от контекста функционирования группы и набора параметров, значимых для исследователя, потенциально любое сообщество может оказаться труднодоступным. Отнесение отцов-одиночек, отчимов и отцов из числа выпускников детских домов к труднодоступным было обусловлено несколькими причинами: малочисленность, отсутствие физической сосредоточенности, а также общего интереса — факторов, служащих для объединения группы, низкая институционализация, низкий уровень доверия к социальным институтам. Доступ к группам, в которых хотя бы один из параметров относительно высок, легче организовать, а также проще убедить их членов принять участие в исследовании.

Исследуемые типы отцов сложно идентифицировать извне, во-первых, из-за меньшей артикулированности статуса отца в семейных взаимоотношениях, во-вторых, наличия установки на нежелание раскрывать семейные нюансы ради сохранения тайны личной жизни. Это создает необходимость предварительного знакомства с историей семьи, то есть вторжения в приватность объекта, увеличивая сензитивность темы исследования. Проблема доступности может осложняться также присутствием агента социального контроля в лице членов семьи. Все эти факторы позволяют говорить о мужчинах-отцах как о скрытой группе.

Рассмотрение отцов как представителей уязвимой группы было осуществлено на том основании, что существуют вопросы юридического характера, связанные с формальными статусами в семье, которые могут иметь последствия для участников, особенно для ребенка, а также с учетом боязни мужчин подвергнуть ребенка стигматизации. Особенно остро вопросы уязвимости стояли для участников с дополнительными факторами риска, такими как низкое материальное положение, опыт миграции, постразводная ситуация.

На начальном этапе реализации исследования по проблематике вовлеченного отцовства мы исходили из условия, что сообщество отцов неоднородно, в каждой из групп отцов факторы труднодоступности, закрытости и уязвимости могут быть по-разному скомбинированы, поэтому в целом они представляют собой континуум от малодоступных до относительно доступных и открытых к общению участников. Целью было достижение гетерогенности в каждой из подвыборок, для чего использовались различные стратегии подбора информантов.

Способы формирования выборочных совокупностей в разных группах

Одинокие отцы. Первоначальными сложностями при отборе группы одиноких отцов считались ее труднодоступность из-за принадлежности к минигруппе в связи с маленьким количеством подобных семей и высокой степенью сензитивности темы, а именно с необходимостью обсудить вопросы родительских практик, учитывающих жизненный опыт информанта, связанный со смертью жены, разводом или лишением матери родительских прав. Ожидания, что смерть жены и матери является более эмоционально-травмирующим фактором для мужчины, чем развод, не оправдались. Безвременная кончина близкого является, несомненно, трагическим событием, но по истечении времени она воспринимается как свершившийся факт, тогда как постразводная ситуация для мужчин переживается эмоционально сложнее.

Нюансом в определении объектов, относящихся к исследуемой группе, стали юридические тонкости семейных взаимоотношений. В обыденном языке многие понятия, связанные с семьей, трактуются в обобщенном формате. По отношению к одиноким отцам в законодательных актах нет официального определения понятия «одинокий отец» или «одинокий родитель». Основным признаком одинокого отца является отсутствие второго родителя в случаях, когда мать умерла или признана умершей через суд, лишена родительских прав, безвестно отсутствует и т. п. Ситуации, когда родители не проживают совместно и мать не участвует в воспитании ребенка, не являются основанием для получения статуса одинокого родителя.

Также у одинокого отца не должно быть новой супруги. Он должен проживать вместе с ребенком и самостоятельно его воспитывать, а ребенок, в свою очередь, должен быть официально признан родным или усыновленным этим мужчиной. Столь строго к пониманию одинокого отца в исследовании не подходили. Критериями отбора служил в первую очередь не юридический статус, а наличие опыта воспитания ребенка/детей без матери от 1 года. Возраст отцов, подходящих для интервью, был определен до 45 лет. В результате по формальным критериям к одиноким отцам относились только половина проинтервьюированных. Остальные состояли в разводе, то есть реализовывалась практика добровольного отказа матери от родительства и установления места жительства детей после развода в пользу отцов.

Предполагалось использовать несколько стратегий набора информантов: через социальные сети, на базе учреждений, методика снежного кома. Их планировалось использовать параллельно.

Наиболее результативным стал метод отбора информантов на базе учреждений благодаря высокой включенности их в сферу социальной помощи. Ситуация потери матери или непроживания с нею является достаточно специфической и становится маркером, выделяющим ребенка среди остальных. Как правило, об изменении семейного положения становится известно достаточно быстро, особенно в ситуации смерти матери, когда отец должен собрать документы для оформления положенных льгот. Информация о семье с несовершеннолетним ребенком, оставшимся без матери, становится известной организациям, обеспечивающим образование (школа, детсад) и оказывающим социальную поддержку. Информированность образовательного учреждения о ситуации в семье ребенка отражается и в официальной статистике. Например, школы составляют «Социальный паспорт школы» с информацией о ее контингенте, в котором содержатся данные о количестве многодетных, малообеспеченных, неполных семей вследствие потери кормильца, о количестве обучающихся, находящихся под опекой.

Также мужчины могут сами обратиться в центры социальной помощи в поисках правовой и психологической помощи, что создает условия для физической сосредоточенности объекта исследования в определенном месте. Несмотря на то что одиноких отцов не так много (в Петербурге, например, в 2021 г. электронный социальный регистр зафиксировал 4079 таких отцов, в 2022 г. — 4104 семьи) [16]. В Петербурге работает несколько центров, ориентированных именно на эту группу населения, — это отделение одиноких отцов Центра социальной помощи семье и детям Московского района Санкт-Петербурга, «Папа-школа», центр «Радомир», фонд «Отцовство». Оказывается социальная поддержка и со стороны религиозных организаций.

Формирование выборки с помощью метода снежного кома и поиск через социальные сети не продемонстрировали ожидаемой результативности, несмотря на то что это часто применяемые способы рекрутинга для труднодоступных групп [17]. Мужчины, оказавшиеся в роли монородителя, не стремятся к поиску тех, кто оказался в схожей ситуации. Даже среди участников групп поддержки не возникают устойчивые связи, позволяющие реализовать метод снежного кома. Они ориентируются на внутрисемейные ресурсы, а при их недостаточности — на образовательные и социальные учреждения.

Отчимы. Опираясь на ранее полученный опыт поиска одиноких отцов, группа мужчин-отчимов на начальном этапе казалась с количественной точки зрения

более простым объектом поиска. Официально закрепленного понятия «отчим» в законодательстве нет, в повседневной жизни отчимом называется мужчина, проживающий вместе с детьми супруги. Вместе с тем «правовой статус мачехи (отчима) возникает только после заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (статья 10 Семейного кодекса РФ), что является единственным юридическим фактом, на основании которого вышеуказанные лица приобретают свой статус» [18]. Несмотря на то что факт совместного проживания один из ключевых, позволяющих рассматривать отношения как семейные [19], он не означает возникновения обязательств относительно содержания и воспитания пасынка (падчерицы), а осуществляется исключительно добровольно. От столь жесткой трактовки было решено отойти, чтобы избежать проблемы труднодоступности группы. В исследовании отчимов акцент был сделан на мужчинах в возрасте до 38 лет, состоящих в брачном союзе или сожительстве с женщиной, имеющей ребенка или детей от предыдущих отношений, и на наличии в новой семье общего ребенка или детей. Введенные ограничения переместили все же группу отчимов в труднодоступные из-за нескольких параметров. Во-первых, возраст отчимов. В исследовании было важно проанализировать феномен отцовства в молодых семьях. Вторым дополнительным ограничением стало наличие общих детей. Это связано с возрастными рамками: часто семьи не успевают обзавестись собственным ребенком, — и с особенностями реализации мужчинами родительских установок. Для части потенциальных информантов новый брак не является первым, и в предыдущих отношениях ребенок или дети уже есть. В силу этого насущной потребности у обоих родителей в совместных детях нет. В результате потенциальная генеральная совокупность заметно сузилась.

Первоначально планировалось использовать выборку на базе учреждений. Идея поиска через различные организации представлялась эффективной по нескольким причинам. Семья, в которой один или оба родителя пережили развод и имели период самостоятельного воспитания ребенка, необходимости налаживать отношения в новой семье, в том числе и с неродным ребенком, потенциально нуждается в квалифицированной помощи. Обращения в специализированные центры по работе с семьей при поиске информантов не дали ожидаемого результата. Сводные семьи не являются основным объектом их деятельности, если только семья не обладает какими-то дополнительными депривирующими характеристиками или, будучи благополучной, по собственной инициативе ищет дополнительные средства получения консультативной помощи.

Поиск через детские сады и школы оказался сложно реализуемым из-за особенностей идентификации в смешанных семьях и продемонстрировал проблему конфиденциальности участников [15]. Если в ситуации с одинокими отцами школа в достаточной мере владеет информацией о составе семьи ребенка, то в отношении смешанных семей образовательные организации их официально не видят.

Смешанные семьи обнаруживаются только через неформальные взаимоотношения при повседневном общении учителей, социальных педагогов, педагогов-психологов с ребенком. Это происходит, как правило, на начальном этапе обучения, поскольку чем младше ребенок, тем больше внимания со стороны взрослых ему требуется. Именно больший контакт с семьями в младшей школе позволяет учителю быть лучше осведомленным о семье в целом. Высокая степень информированности

педагога о специфике состава семьи обеспечивается заполненной анкетой в личном деле ребенка, а также через заявление о том, кто из близких имеет право забирать его после окончания учебных занятий в школе. На основании этой информации и знания контекста, о котором рассказывает сам ребенок или родители, соседи семьи по дому, учителя могут владеть сведениями о составе семьи. Часто именно учитель (классный руководитель) является источником этой информации. Образовательному учреждению значимо наличие официального представителя ребенка, которым чаще всего является мать. Есть ли отец у ребенка, проживает ли он вместе с семьей — второстепенная информация, получением которой школа, как правило, не занимается. Состав семьи становится предметом возможного обсуждения в ситуации нахождения ребенка в социально опасном положении или, например, при совершении им правонарушения, когда служба сопровождения школы вынуждена собирать детальную информацию о семье.

Стремление к сохранению суверенитета между образовательной системой и родителями, при котором каждая из сторон выступает элементом социального контроля по отношению к другой [20] и не приветствует перехода из формальных отношений в неформальные, создает барьер для формирования доверительных отношений. В свою очередь со стороны детских садов и школ каких-либо мер поддержки или дополнительного внимания смешанным семьям не оказывается. В этих условиях наличие информации у воспитателя и учителя о смешанных семьях не позволяет ему стать связующим звеном в установлении контакта между потенциальным родителем-информантом и исследователем. Тем более что по большей части «женский профиль» детского сада и школы не предполагает прямого контакта с отчимом, в отличие от одиноких отцов, а приглашение принять участие в исследовании воспринимается как несанкционированное вторжение в личную жизнь.

Третьим типом учреждений для осуществления рекрутинга стали районные детские поликлиники. Этот тип по сравнению с уже упоминавшимися показал большую эффективность потенциального охвата целевой аудитории. На наш взгляд, причиной является как лучшая осведомленность участковых врачей и медсестер о составе семьи из-за собираемых в дородовый период данных, так и более активное взаимодействие с ней при получении медицинской помощи. Сотрудники медицинских организаций воспринимаются семьей, в первую очередь женщиной, как ресурс оказания помощи, а не социального контроля, что создает отличную от образовательных организаций систему доверия при взаимодействии.

Вторым способом стал целевой отбор через социальные сети исследователей, позволяющий преодолеть установку семьи относительно раскрытия своих характеристик. В этом случае проблема доступности отчимов осложнялась необходимостью привлечения проводников, обеспечивающих доступ к полю. Можно выделить несколько способов рекрутинга, показавших разную эффективность. Самым результативным с точки зрения согласия на участие в исследовании были обращения непосредственно к потенциальному информанту самим исследователем или через проводника. На согласие принять участие не влиял пол того, кто именно просил информанта об интервью. Вторым способом было установление контакта с потенциальным информантом через супругу (сожительницу) или родственников, реже — общих знакомых. Именно они могли оказать влияние на решение мужчины участвовать в исследовании. Примерно в половине случаев мужчин информировали

о приглашении принять участие в исследовании, и большинство из них отвечало согласием. В остальных случаях потенциальных участников не осведомляли, так как решение принималось самим посредником в ходе предварительного диалога. Использование своеобразной «охранительной» стратегии в отношении своего супруга не означало отказа от участия в исследовании — женщины готовы были давать интервью, рассказывая и за себя, и за мужа. Интерпретируя такие отказы, мы склонны были видеть причину в том, что интервью проводилось женщинами. По мере накопления схожих ситуаций самое большое значение приобрел фактор доверия к человеку, через которого устанавливался контакт.

Отцы из числа выпускников детских домов. Группа отцов из числа выпускников детских домов также может быть отнесена к труднодоступным. Для них характерна установка на нераскрытие принадлежности к группе, с ними сложно установить контакт, они демонстрируют высокий уровень недоверия, так как члены группы скрывают / не хотят, чтобы они были идентифицированы тем или иным способом.

Выявление выпускников детских домов может осуществляться через институциональные структуры: центры помощи семье и детям, образовательные учреждения, муниципальные образования, а также через автоматизированную информационную систему электронного социального регистра населения [21]. Однако статус отцовства сужает данную систему до центров помощи семье и центров содействия семейному воспитанию (детские дома), поскольку они могут сохранять теплый контакт со своими выпускниками.

Отцы из числа выпускников детских домов — «невидимая» группа. В силу травмирующего опыта нахождения в системе большинство выпускников детских домов скрывают свой статус, внутренне отрицают принадлежность к данной группе. Поскольку точной информации о количестве отцов данной группы по Санкт-Петербургу, да и в России нет, мы исходили из установки опросить всех согласившихся на интервью выпускников. Их объединяет наличие позитивного опыта сотрудничества с центрами помощи семье и детям или некоммерческими организациями города, которые осуществляют социальное сопровождение выпускников детских домов. В ходе исследования апробирована стратегия набора респондентов через службы постинтернатного сопровождения и личные обращения через профили в социальных сетях по рекомендациям друзей, знающих о статусе сиротства. Были подготовлены официальные письма в данные организации, а также обращения в клубы выпускников детских домов.

Снежный ком как метод отбора респондентов часто не срабатывал, поскольку начало семейной жизни, а иногда и процесс начала трудовой жизни совпадает с обрывом прежних связей. Дополнительным барьером доступа к группе могла стать супруга, которая оказывала влияние на решение об условиях интервью, в том числе о его отмене даже в случае предварительной договоренности.

Попытки официальных запросов в социальные службы, занимающиеся сопровождением выпускников, не увенчались успехом из-за общей незаинтересованности в подобного рода исследованиях или непонимания практической пользы для себя / для выпускников. Из 11 писем-запросов ответ получен лишь от одной службы. Второй заход — обращение к коллегам, которые через личные контакты помогли с набором участников для проекта в силу наличия положительного опыта взаимодействия с данными структурами — оказался более действенным.

Соответственно, важно попытаться убедить проводников в поле в отсутствии вреда от исследования, и даже в пользе от него для участников изучаемой семейной ситуации. К примеру, была предложена возможность получить исследовательские отчеты, дано развернутое обоснование социально значимого результата участия в исследовании, мнения каждого выпускника детского дома, получившего опыт отцовства.

Заключение

В целом формирование выборочной совокупности у разных типов труднодоступных групп является творческой и гибкой процедурой, требующей учета нюансов и мотивации участников, а также рефлексивности и соблюдения этических норм со стороны исследователя. Несмотря на труднодоступность, уязвимость и скрытый характер проанализированных групп, можно выделить факторы, способствующие повышению эффективности набора информантов, и факторы риска, требующие внимания со стороны исследователей.

По результатам поиска информантов можно констатировать, что одинокие отцы являются труднодоступной, а в случае несоответствия юридическим тонкостям — и социально уязвимой, но не скрытой группой. Фактором, повышающим достижимость участников, является высокая степень институционализированности и легитимации, высокий уровень доверия к социальным институтам и сотрудникам учреждений, оказывающих содействие этим семьям. Помимо этого, значимую роль играют наличие проводников, признающих важной цель исследования и способствующих установлению доверительных отношений с исследователями, а также самостоятельность мужчин в вопросе принятия решения об участии в исследовании. Уровень доверия к посредникам, помогающим в установлении контактов, оказали сильное влияние на доступ к информантам, так как открытые социальные сети и мессенджеры, несмотря на позиционирование в них отцов как одиноких, не дали значимого результата из-за недоверия потенциальных респондентов к тем, кто к ним обращался.

Ограничением, сопутствующим применению метода набора на базе учреждений, является возможность распространения результатов исследований на неинституциональные группы населения. Подход, примененный при изучении одиноких отцов, на наш взгляд, не дает значительных искажений из-за того, что отбор велся через разные типы учреждений, в силу высокой институционализированности не только отцов в различных центрах помощи, но и их детей в школах, детских садах, поликлиниках. Поэтому удалось избежать смещения выборочной совокупности в сторону тех, кто получает социальную помощь. Плюсы набора через учреждения — в хорошей осведомленности о сопутствующих параметрах и возможности контролировать необходимые характеристики, приглашая к участию отцов, находящихся в разных социально-экономических ситуациях. Однозначно не охваченными остались только те семьи, которые не пользуются никакими государственными услугами для себя и своих детей.

Отчимы и отцы из числа выпускников детских домов являются представителями, в первую очередь, скрытой группы. Большинство из них не скрывают свой статус специально, но в силу меньшей легитимации семейных отношений

оказываются вне зоны видимости официальных структур и в ситуации низкого уровня доверия к ним, что влияет на готовность участвовать в исследованиях, особенно среди мужчин с невысоким социальным капиталом. В этих условиях наиболее эффективным стал целевой отбор через социальные сети исследователей.

Факторами, снижающими доступность информантов, стали гетерогенность выборочной совокупности из-за потенциальной множественности комбинаций взаимодействий между матерью, ребенком, отчимом и биологическим отцом, а также уровень дифференциации критериев отбора. Наименьшие сложности встречались при отборе семей, в которых связи с биологическим отцом не поддерживаются. При рекрутинге важно было знать только формальную информацию (возраст мужчины, наличие общего ребенка и ребенка/детей жены). В ситуации изучения более сложной системы взаимоотношений значительно возростала роль проводников, достаточно точно знающих ситуацию в семье. Как правило, это родственники или супруга, имеющие возможность использовать властный ресурс при взаимодействии с исследователем. Низкую результативность продемонстрировал метод снежного кома в исследуемых подгруппах из-за нежелания информантов раскрывать информацию о деталях семейной жизни среди своих знакомых.

Примененные способы отбора продемонстрировали смещение в сторону мужчин, которые активно участвуют в воспитании детей. Мужчины, выполняющие классическую роль добытчика в семье и отстраненные от процесса воспитания и ухода за детьми, ожидаемо не высказывали заинтересованность в участии, ссылаясь на отсутствие компетенций в изучаемом вопросе.

Фактором, повышающим достижимость информантов, стала гибкость в выборе метода сбора данных. Преимущество отдавалось личным интервью, но с учетом жизненной ситуации информантов и их уровня занятости, особенно среди отчимов, возможно было проведение опосредованного интервью с использованием телефонов и мессенджеров.

Вопросами, требующими особой рефлексивности со стороны исследователей, стали мотивирование потенциальных информантов к участию в исследовании и позиционирование самого исследователя. Стимулирование участия с помощью денежного вознаграждения является предметом обсуждения [2; 11; 22]. В целях соблюдения баланса между автономностью информанта и мотивацией к участию использовался подарок или вознаграждение, эквивалентное 500 рублям. Низкодоходные участники были мотивированы именно денежным вознаграждением, тогда как для мужчин с достатком выше среднего основной мотивацией было обсуждение семейных вопросов; наиболее явно этот мотив выражался у одиноких отцов, переживших развод. У отчимов сумма воспринималась исключительно как символическая, не являющаяся основным стимулом для участия в интервью.

В сборе данных принимали участие три исследователя — две женщины и мужчина. С точки зрения объекта исследования женщины были «сторонними» акторами, своеобразными аутсайдерами, несмотря на наличие опыта родительства и навыков проведения интервью. Особенно сильное влияние оказал пол в ситуации с разведенными отцами-одиночками, для которых половая принадлежность интервьюера выступала триггером, связанным с постразводной ситуацией. Рефлексия относительно существующих гендерных стереотипов, их проявление, а также

предварительное обсуждение целей интервью позволили снизить барьеры, связанные с гендерными различиями.

В исследованиях с участием мужчин, являющихся представителями труднодоступных групп, отмечается, что применение схожих стратегий не всегда приводит к одинаковым результатам [22], поскольку не существует универсального способа решения текущих вопросов без учета культурного и социального контекста, цели, объекта исследования, способа реализации выборочной совокупности. Успешная стратегия привлечения к участию в исследовании связана с необходимостью комбинировать приемлемые способы отбора информантов с анализом специфических характеристик целевых групп.

Литература

1. *Freimuth V. S., Mettger W.* Is there a hard-to-reach audience? // *Public Health Reports.* 1990. Vol. 105 (3). P. 232–238.
2. *Яковлева А. А.* Исследования в труднодоступных группах: опыт использования выборки, управляемой респондентом и выборки «место-время» // *Социология: методология, методы, математическое моделирование.* 2011. № 33. С. 57–79.
3. *Boag-Munroe G., Evangelou M.* From hard to reach to how to reach: A systematic review of the literature on hard-to-reach families // *Research Papers in Education.* 2012. Vol. 27 (2). P. 209–239.
4. *Brackertz N.* Who is hard to reach and why? // *ISR Working Paper.* URL: https://www.researchgate.net/publication/314283998_Who_is_hard_to_reach_and_why (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Ellard-Gray A., Jeffrey N. K., Choubak M., Crann S. E.* Finding the hidden participant: Solutions for recruiting hidden, hard-to-reach, and vulnerable populations // *International Journal of Qualitative Methods.* 2015. Vol. 33; no. 13. P. 1189–1202.
6. *Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // *Конституционное право.* 2017. № 4. С. 7–12.
7. *Алисиевич Е. С.* К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве человека // *Евразийский юридический журнал.* 2013. № 1. С. 29–33.
8. *Kalton G.* Methods for oversampling rare subpopulations in social surveys // *Survey Methodology.* 2009. Vol. 35 (2). P. 125–141.
9. *Tourangeau R., Edwards B., Johnson T. P., Wolter K. M., Bates N., eds.* *Hard-to-Survey Populations.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
10. *Davies L.* Are young fathers “hard to reach”? Understanding the importance of relationship building and service sustainability // *Journal of Children’s Service.* 2016. Vol. 11; no. 4. P. 317–329.
11. *Bamidele O., McGarvey H., Lagan B. M., Chinegwundoh F., Nasreen A., McCaughan E.* “Hard to reach, but not out of reach”: Barriers and facilitators to recruiting Black African and Black Caribbean men with prostate cancer and their partners into qualitative research // *European Journal of Cancer Care.* 2018. 1–11. Article ECC12977. <https://doi.org/10.1111/ecc.12977>
12. *Елсукова Н. А.* Методология социологического изучения труднодоступных групп населения: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Минск, 2007.
13. *Brick J. M., Williams D.* Reasons for increasing nonresponse in U. S. household surveys // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 2013. Vol. 645 (1). P. 36–59.
14. *Firchow P., Mac Ginty R.* Including hard-to-access populations using mobile phone surveys and participatory indicators // *Sociological Research & Methods.* 2017. Vol. 49 (1). P. 133–160.
15. *Ellis R.* What do we mean by a “hard-to-reach” population? Legitimacy versus precarity as barriers to access sociological methods and research // *Sociological Methods and Research.* 2023. Vol. 52 (3), August. P. 1556–1586.
16. В Санкт-Петербурге стало больше отцов-одиночек // *Федерал пресс.* URL: <https://fedpress.ru/news/78/society/3153811> (дата обращения: 15.10.2023).
17. *Gallegos D., Durham J., Rutter C., McKechnie R.* Working towards the active participation of underrepresented populations in research: A scoping review and thematic synthesis // *Health & Social Care in the Community.* 2023. Vol. 2023. Article ID 1312525. P. 1–26. <https://doi.org/10.1155/2023/1312525>
18. Суд уточнил, когда у пасынков возникает обязанность по содержанию мамах и отчимов // *Российское агентство правовой и судебной информации.* URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230515/308912100 (дата обращения: 17.10.2023).

19. *Зубарева О. Г.* Правовой статус пасынков (падчериц) и отчима (мачехи): условия реализации имущественных прав и обязанностей // Журнал российского права. 2006. № 3 (111). С. 111–120.

20. *Белоусов К. Ю., Матюшкина М. Д., Рыбаков В. В., Яшина М. Н.* Участие родителей в школьной жизни и их оценка качества образовательного процесса // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 300–316.

21. *Агапова О. В., Нам И. П., Яни И. В.* Постинтернатная адаптация выпускников детских домов // Адаптация к условиям самостоятельного проживания выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник] / под ред. Ю.Ю. Ивашкиной, О.В. Костейчука. Вып. 4. СПб.: Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. С. 104–111.

22. *Bonevski B., Randell M., Paul C., Chapman K., Twyman L., Bryant J., Brozek I., Hughes C.* Reaching the hard-to-reach: A systematic review of strategies for improving health and medical research with socially disadvantaged groups // *Medical Research Methodology*. 2014. Vol. 14, no. 1. P. 14–42.

Статья поступила в редакцию 10 января 2023 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Яшина Мария Николаевна — канд. социол. наук; mnya@mail.ru

Шишкина Евгения Владимировна — канд. социол. наук; zhenjash@yandex.ru

Белоусов Константин Юрьевич — канд. социол. наук; beloysov@mail.ru

Hard-to-reach respondents: Sampling experience*

M. N. Yashina¹, E. V. Shishkina¹, K. Yu. Belousov²

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education,

11–13, ul. Lomonosova, St. Petersburg, 191002, Russian Federation

For citation: Yashina M. N., Shishkina E. V., Belousov K. Yu. Hard-to-reach respondents: Sampling experience. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 126–140. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.201> (In Russian)

The article describes the problems of selecting male informants raising children under 18 in qualitative research. The material of the article is based on the analysis of the authors' research experience, as well as theoretical elaboration of the category “hard-to-reach group”. The experience of working with three groups of informants — single fathers, stepfathers, and fathers from orphanage graduates — is analyzed. Their representatives are considered as hard to reach, hidden, vulnerable. Single fathers belong to a small group, but it is more institutionalized than other groups of fathers, which greatly facilitates the search for its representatives, allowing for the implementation of the selection method on the basis of institutions. Stepfathers are characterized by high heterogeneity and difficulties with identification. The sensitivity of the research topic implies a high level of trust in those through whom contact is established. Fathers who are graduates from children's homes are few, difficult to identify, and vulnerable. These features were reflected in the way the sample was constructed — with a prioritized choice of combined strategies. The authors provide a detailed description of the specifics of recruiting and strategies for finding informants, considering the specifics of selection on the basis of different types of institutions, targeted

* The article was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 23-18-00770; <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

selection through social networks of researchers, and the “snowball” method. The barriers that arise in the selection of different groups of male informants are analyzed, in particular the quantitative composition of the group, physical concentration, level of institutionalization, and trust. Factors that enhance the effectiveness of informant recruitment for each group are characterized, as well as risk factors, including those related to the motivation of participants and the role of the researcher herself.

Keywords: hard-to-reach, hidden, vulnerable populations, men, single fathers, stepfathers, fathers from orphanages graduates, facility based sentinel surveillance, targeted sampling.

References

1. Freimuth, V.S., Mettger, W. Is there a hard-to-reach audience? *Public Health Reports*, 1990, vol. 105, no. 3, pp. 232–238.
2. Yakovleva, A. A. Research in hard-to-reach groups: experience with respondent-driven and place-time sampling. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli (Sotsiologia: 4M)*, 2011, no. 33, pp. 57–79. (In Russian)
3. Boag-Munroe, G., Evangelou, M. From hard to reach to how to reach: A systematic review of the literature on hard-to-reach families. *Research Papers in Education*, 2012, vol. 27, no. 2, pp. 209–239.
4. Brackett, N. Who is hard to reach and why? *ISR Working Paper*. URL: https://www.researchgate.net/publication/314283998_Who_is_hard_to_reach_and_why (accessed: 10.10.2023).
5. Ellard-Gray, A., Jeffrey, N. K., Choubak, M., Crann, S. E. Finding the hidden participant: Solutions for recruiting hidden, hard-to-reach, and vulnerable populations. *International Journal of Qualitative Methods*, 2015, vol. 33, no. 13, pp. 1189–1202.
6. Nesmeyanova, S. E., Kalinina, E. G. The concept of vulnerability of certain groups of persons: International and national experience. *Constitutionnoe Pravo*, 2017, no. 4, pp. 7–12. (In Russian)
7. Alisievich, E. S. On the definition of the concept of “vulnerable groups” in international human rights law. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 29–33. (In Russian)
8. Kalton, G. Methods for oversampling rare subpopulations in social surveys. *Survey Methodology*, 2009, vol. 35, no. 2, pp. 125–141.
9. Tourangeau, R. Edwards, B., Johnson, T. P., Wolter, K. M., Bates, N., eds. *Hard-to-Survey Populations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014.
10. Davies, L. Are young fathers “hard to reach”? Understanding the importance of relationship building and service sustainability. *Journal of Children's Service*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 317–329.
11. Bamidele, O., McGarvey, H., Lagan, B. M., Chinegwundoh, F., Nasreen, A., McCaughan, E. “Hard to reach, but not out of reach”: Barriers and facilitators to recruiting Black African and Black Caribbean men with prostate cancer and their partners into qualitative research. *European Journal of Cancer Care*, 2018, 1–11, article ECC12977. <https://doi.org/10.1111/ecc.12977>
12. Elsukova, N. A. *Methodology of sociological study of hard-to-reach population groups*: diss. thesis in sociology. Minsk, 2007. (In Russian)
13. Brick, J. M., Williams, D. Reasons for increasing nonresponse in U.S. household surveys. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2013, vol. 645, no. 1, pp. 36–59.
14. Firth, P., Mac Ginty, R. Including hard-to-access populations using mobile phone surveys and participatory indicators. *Sociological Research & Methods*, 2017, vol. 49, no. 1, pp. 133–160.
15. Ellis, R. What do we mean by a “hard-to-reach” population? Legitimacy versus precarity as barriers to access sociological methods and research. *Sociological Methods and Research*, 2023, vol. 52, no. 3, August, pp. 1556–1586.
16. Here are more single fathers in St. Petersburg. *Federal Press*. Available at: <https://fedpress.ru/news/78/society/3153811> (accessed: 15.10.2023). (In Russian)
17. Gallegos, D., Durham, J., Rutter, C., McKechnie, R. Working towards the Active Participation of Underrepresented Populations in Research: A Scoping Review and Thematic Synthesis. *Health & Social Care in the Community*, 2023, vol. 2023, article ID 1312525, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1155/2023/1312525>
18. The court clarified when stepchildren have an obligation to support stepmothers and stepfathers. *Russian Agency for Legal and Judicial Information*. Available at: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20230515/308912100 (accessed: 17.10.2023). (In Russian)
19. Zubareva, O. G. Legal status of stepsons (stepdaughters) and stepfather (stepmother): Conditions for the implementation of property rights and obligations. *Journal of Russian Law*, 2006, no. 3 (111), pp. 111–120. (In Russian)

20. Belousov, K. Yu., Matyushkina, M. D., Rybakov, V. V., Yashina, M. N. Parents' participation in school life and their assessment of the quality of the educational process. *Perspectives of Science & Education*, 2021, no. 6 (54), pp. 300–316. (In Russian)

21. Agapova, O. V., Nam, I. P., Yani, I. V. Post-international adaptation of graduates of orphanages. *Adaptation to the conditions of independent living of graduates of organizations for orphans and children left without parental care [Social services for families and children: A scientific and methodological collection]*, Yu. Yu. Ivashkina, O. V. Kosteychuk (eds). Vol. 4. St. Petersburg: SPbGBU "City information and methodological Center 'Family'", 2015, pp. 104–111. (In Russian)

22. Bonevski, B., Randell, M., Paul, C., Chapman, K., Twyman, L., Bryant, J., Brozek, I., Hughes, C. Reaching the hard-to-reach: A systematic review of strategies for improving health and medical research with socially disadvantaged groups. *Medical Research Methodology*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 14–42.

Received: January 10, 2023

Accepted: April 28, 2024

Authors' information:

Maria N. Yashina — PhD in Sociology; mnya@mail.ru

Evgenia V. Shishkina — PhD in Sociology; zhenjash@yandex.ru

Konstantin Yu. Belousov — PhD in Sociology; beloysov@mail.ru

УДК 316.25

Перформативный активизм или перформативность активизма: от концептуализации к исследованиям*

К. В. Ткаченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ткаченко К. В. Перформативный активизм или перформативность активизма: от концептуализации к исследованиям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 141–158. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.202>

Если современные теории перформативности стремятся дать объяснение тому, как исполняется (производится) реальность, учитывая в своем рассмотрении смыслы, людей и различные материальные объекты, то социальный активизм — это явление, которое хорошо демонстрирует основную интенцию перформативности — совместное исполнение и преобразование реальности (через решение социальных проблем). Чтобы узнать, как изучается социальный активизм при помощи теорий перформативности, мы направили исследовательское внимание внутрь данного предметного поля, где был обнаружен парадокс в смысловом соотношении дефиниций «перформативный активизм» и «перформативность активизма». Если термин «перформативный активизм» обретает свое смысловое содержание через акцент на оппозиции между словами (постами) и реальными действиями по решению социальных проблем, то сами теории перформативности получили развитие как раз на основе снятия оппозиции между словами и действиями. Обнаруженный парадокс использования термина «перформативность» позволил сформулировать проблему исследования как наличие неопределенности относительно особенностей концептуализации перформативного измерения социального активизма. Поэтому целью работы стал обзор литературы, направленный на выяснение того, как современные исследователи концептуализируют социальный активизм, опираясь на ресурсы научных теорий перформативности, а не на медийное понимание этого термина. На основе анализа отобранных статей ($N = 13$) были выделены следующие темы: перформативность активизма и борьба с угнетением; активизм и методология перформативности Джудит Батлер; перформативность цифрового активизма; теоретизирование о перформативности активизма. Сделан вывод о том, что указанные темы характеризуются использованием лево-прогрессивных теорий, низким вниманием к тому, как именно активисты производят новую реальность, решая социальные проблемы (зачастую исследователи приписывают им априорные позиции), а также слабым использованием эмпирических данных, что открывает перспективы для проведения более строгих социологических исследований перформативности социального активизма.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) по проекту № 22-18-00261 «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемических рисков: дискурсы, стратегии, агенты».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Ключевые слова: перформативный поворот, перформативность, социальный активизм, активизм в сфере здоровья, Джудит Батлер, цифровой активизм.

Введение

Перформативный поворот актуализирует в социогуманитарных науках новые способы изучения социальных явлений [1; 2]. Основная интенция теорий перформативности заключается в концептуализации реальности как со-исполняющегося процесса, в котором участвуют акторы самого разного толка [1, с. 230]. Иными словами, теории перформативности объясняют, как производится (исполняется) социальная реальность в процессе взаимодействия смыслов, людей и материальных объектов. Концептуализации перформативности используются в различных областях социологического знания: от объектно-ориентированной [3] до гендерной социологии [4]. Областью социальных наук, в которой может быть реализован концептуальный потенциал теорий перформативности, являются исследования социального активизма как явления, которое воплощает основную интенцию перформативности — совместное исполнение и преобразование реальности. Социальный активизм будет пониматься нами как «добровольная, инициативная, целенаправленная деятельность индивидов и ориентированная на социальные преобразования, участие в решении социальных проблем» [5].

Начав разработку темы перформативности активизма, мы обнаружили парадокс использования термина «перформативность»: исследователи концентрируются не только и не столько на перформативности активизма, то есть на том, как активисты производят новую реальность, участвуя в решении различных социально значимых проблем, но на теме так называемого «перформативного активизма» [6–10].

Перформативный активизм — это термин с негативной коннотацией, маркирующий поверхностный медийный активизм, не сопряженный с реальными действиями по решению социальных проблем [8, р. 83]. К примеру, работа автора из США под названием «Что такое перформативный активизм?» осмысляет определение, которое с 2020 г. закрепилось в западном медийном дискурсе, а после этого начало рассматриваться исследователями как самостоятельное явление. После резонансных событий, связанных с гибелью Джорджа Флойда¹, за термином «перформативный активизм» плотно закрепляется «обвинение, описывающее поверхностные, неэффективные или неискренние попытки вскочить на антирасистскую подножку, главным образом <...> чтобы продвигать и укреплять свой личный или корпоративный прогрессирующий авторитет» [8, р. 83]. Общественное понимание перформативного активизма сводится к восприятию его в качестве критического ярлыка, «который применяется к случаям поверхностной или корыстной поддержки целей социальной справедливости <...> [Это] обвинение основано на различии между тем, что говорят предполагаемые сторонники, и тем, что они на самом деле» [8, р. 83]. По сути своей перформативный активизм обозначает такой его тип, который использует репосты и значимые общественные лозунги, благодаря которым агенты включаются в информационную повестку как обеспокоенное

¹ *Беляев Д.* Убийство или передозировка? Как проходил процесс по делу Джорджа Флойда // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11135621> (дата обращения: 12.01.2024).

и «благоразумное» лицо, занимающее наиболее социально одобряемую позицию, но при этом ничего не делающее для реального продвижения тех же самых лозунгов и сопряженных с ними ценностей иными способами. Перформативный активизм создает из слов и картинок перформанс, представление, не стремясь при этом перейти к реальным действиям. Вслед за автором предположим, что изучение феномена перформативного активизма необходимо перенести в поле анализа риторики, которая скрывается за обвинениями в перформативном активизме: «... является ли это осуждением <...> или требованием большего, лучших или других формы политического исполнения?» [8, р. 85]. Возможно, к термину «перформативный активизм» следует относиться как к поиску новых форм политического участия в условиях девальвации онлайн-форм активности, учитывая, что он возник в контексте активизма, действующего через социальные сети.

Так, группа исследователей из Индонезии исследует феномен перформативного активизма в контексте изменений, продиктованных цифровым обществом [7]. Проблема исследования концентрируется на двух определениях перформативного активизма. С одной стороны, перформативный активизм — это форма борьбы, ориентированная на результативность, получающая все большее распространение благодаря учащающемуся использованию социальных сетей в выражении мнения касательно насущных социальных проблем. Такой активизм находит свое выражение в создании репостов в социальных сетях в поддержку того или иного движения либо в освещении значимых социальных проблем. Социальные сети значительно упростили диапазон участия общества в политических дискуссиях. Перформативный активизм — это то, что «на самом деле делается уже не для борьбы за права и чаяния людей, а просто для личного удовлетворения» [7]. Такое удовлетворение достигается путем публичного отклика, поста поддержки. Таким образом размываются классические представления о цели политической демонстрации с ее ярко выраженным акцентом на социальные преобразования путем донесения важных интенций до власти. Используя качественные методы, чтобы узнать отношение миллениалов к феномену перформативного активизма, авторы приходят к выводу, что, несмотря на негативный ярлык, он не лишен характера борьбы за права общества через социальные сети, имеет высокий коэффициент эффективности и может привести к позитивным эффектам при решении социально значимых проблем.

Описанный парадокс демонстрирует, что понимание перформативного активизма находится в противоречии с основными социологическими концептуализациями перформативности, ибо каждый активизм по-своему является перформативным, то есть настроенным на преобразование реальности. Если термин «перформативный активизм» обретает свое смысловое содержание через оппозицию между словами (постами) и реальными действиями, направленными на решение социальных проблем, то сами теории перформативности получили свое развитие как раз на основе снятия оппозиции между словами и действиями [11]. Обнаруженный парадокс использования термина «перформативность» позволил сформулировать проблему исследования: неопределенность относительно особенностей концептуализации перформативного измерения социального активизма. Целью работы стал обзор литературы, направленный на прояснение того, как современные исследователи концептуализируют социальный активизм, опираясь на ресурсы теорий перформативности.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели мы обратились к такому жанру обзорного исследования научной литературы, как обзор предметного поля (scoping review (ScR)). Исследования, использующие ScR-методологию, «базируются на систематическом поиске литературы по изучаемым темам с целью выявления ключевых концепций, теорий, источников доказательств, а также пробелов в научных знаниях и проводимых исследованиях <...> Для выполнения таких проектов были заимствованы и адаптированы методы и техники других видов исследований, в том числе систематических обзоров (systematic review), традиционных описательных литературных обзоров (narrative review), а также качественных (натуралистических) исследований (qualitative research)» [12, с. 211].

ScR-исследования находятся на стыке различных типов систематических обзоров, однако их основное отличие заключается в мета-характере результатов обзора, предполагающих тематизацию полученных результатов и формулирование выводов о состоянии предметного поля и его потенциальном развитии. Само слово «систематический» в контексте метода составления обзора научной литературы означает, что обзор будет осуществляться по «определенным эксплицированным правилам, которые приводят к получению воспроизводимого результата» [13, с. 9]. Мы будем следовать методологической схеме реализации качественного отбора источников, представленной в работе С. Моисеева и Д. Мальцевой [13, с. 14], предполагающей:

- 1) предварительный поиск;
- 2) формулировку ключевых слов для поиска;
- 3) поиск источников в выбранных базах данных;
- 4) отбор источников;
- 5) анализ цитирования.

Наша первоначальная задача заключалась в том, чтобы найти социологические исследования, релевантные теме перформативности активизма. По этой теме мы начали поиск статей в доступных нам базах: Google Scholar, а также по электронным ресурсам, доступным в Библиотеке им. Горького СПбГУ², в которые входит достаточно широкий круг мировых и отечественных социологических журналов. Поиск производился по ключевому словосочетанию «перформативность активизма» и связанным с ним терминам: «перформативность», «перформативный», «перформанс», «активизм», «перформативный, активизм» и аналогичные слова и словосочетания на английском языке. Интересовала вся литература, поэтому мы обозначили самые широкие критерии включения научных работ: статьи, книги, главы из книг, каталоги. В качестве критериев исключения выступили два следующих параметра. Во-первых, публикации должны осмыслять активизм через призму перформативности, во-вторых, мы должны были иметь возможность получить доступ к текстам работ. Было найдено 40 статей. Однако после фильтрации литературы при помощи критериев исключения выборка составила 12 публикаций.

² Полный перечень доступных баз находится на сайте Библиотеки им. Горького СПбГУ в разделе «социология»: Электронные ресурсы: социология // Санкт-Петербургский государственный университет; Научная библиотека им. М. Горького: [сайт]. URL: <http://cufts.library.spbu.ru/CRDB/SPBGU/browse?subject=4> (дата обращения: 11.10.2023).

Одна работа была найдена путем анализа списков литературы из уже отобранных работ. В итоговую выборку попало 13 работ. Алгоритм поиска выглядел следующим образом:

1. Поиск работ в доступных базах.
2. Составление списка публикаций, рассматриваемых на предмет возможного включения ($N = 40$).
3. Отсев публикаций по критериям исключения ($N = 28$).
4. Выявление дополнительных ссылок ручным поиском из найденных статей ($N = 1$).
5. Итоговая выборка составила 13 работ.

Структура обзора и темы публикаций

Найденные работы были сгруппированы по темам с опорой на ракурс, с которого представлено рассмотрение перформативности активизма в разных работах. В итоге получились три темы: перформативность активизма и борьба с угнетением (6 работ), в которую входит подтема: активизм и методология перформативности Джудит Батлер (J. Butler) (3 работы); перформативность активизма в цифровую эпоху (3 работы); теоретизирование о перформативности активизма (4 работы).

Перформативность активизма и борьба с угнетением

В эту тему попали статьи, вскрывающие при помощи методологии перформативности различные формы угнетения и дискурсов власти, обнаруживающиеся в самых разных сферах человеческой жизни: от телесности до культурной идентичности.

Статья, посвященная перформативной автоэтнографии или автоэтнографическому перформансу [14], рассматривает историю болезни как перформанс, в котором разворачивается индивидуальное взаимодействие пациента с врачом и с медицинским властным дискурсом. Теория перформанса в данном случае помогает создать пространство для этнографии активизма частной и публичной жизни. В качестве методологической базы используется теория этнографического описания Нормана Дензина (N. Denzin) [15], концепция тела без органов Жюлья Делёза (G. Deleuze) и Феликса Гваттари (F. Guattari) [16]. Исследователь рассматривает практики, которые помогают пациенту пережить стрессовые ситуации, вызванные проблемами со здоровьем и усиленные взаимодействием с властным медицинским дискурсом.

Работа о перформативности активизма в сфере гендерных и сексуальных отношений в современной Африке постулирует важность разрушения властных патриархальных и расистских норм путем исполнения различных культурных перформансов внутри систем высшего образования современной Африки для того, чтобы создать пространство рефлексии и выступить против старых колониальных бинарных категорий [6, p. 428].

Статья исследовательницы из Бельгии посвящена изучению практик активистов в сфере здоровья, оспаривающих общепринятые представления о полных людях [17], опираясь на понимание идентичности как результата систематического

воспроизводства различных культурных структур и практик. При помощи перформативных практик полные активисты стремятся низвергнуть господствующий дискурс об ожирении. Полнота трактуется автором как перформанс, то есть как социальный медикализованный конструкт и как перформативный акт, когда идентичность полного человека может быть переосмыслена и переопределена, чтобы противостоять властному дискурсу об ожирении [17, р. 48]. Используя понятие перформативности в связке с идентичностью и перформативными актами, исследователь постулирует первостепенную роль перформанса «в процессе становления субъекта, поскольку он раскрывает контингентные структуры и динамику власти, скрытые посредством дискурсов, производящих тела и идентичности» [17, р. 48]. Перформанс обозначается как «акт, который раскрывает властные случайные структуры через тело, и значит, и через дискурсивную практику» [17, р. 49]. Помимо этого, используется понятие перформативной практики, в основе которой лежит тело, становящееся своего рода перекрестком различного рода практик: дискурсивных, телесных и подрывных (направленных против условной нормы) [17, р. 48]. Тело и телесные нормы концептуализируются с опорой на понятие биовласти и дискурса в понимании М. Фуко (M. Foucault): «...дискурс может действовать как перформативная практика, он фактически воздействует на тело; он формирует тело через властные отношения, через нормы. Таким образом, и тело, и идентичность постоянно создаются посредством динамики власти, подкрепляемой гегемонистским знанием, то есть дискурсом о телесных нормах» [17, р. 49]. Автор приходит к выводу, что тело «все меньше и меньше должно соответствовать капиталистической и индустриальной логике контроля и дисциплины, чтобы была возможность создать социально жизнеспособное государство в неолиберальном западном обществе» [17, р. 58]. Активизм полных людей определяется как активизм, направленный «на деконструкцию гегемонистского нормативного дискурса телесных норм» [17, р. 58], борющийся, с одной стороны, с дискурсом, с другой стороны, с репрезентацией как перформативной практикой.

Активизм и методология перформативности Джудит Батлер

В группе статей о перформативности активизма и борьбе с угнетением была выделена подтема работ, использующих методологию Джудит Батлер. В нее попали статьи, посвященные изучению городского активизма [18], нормокритического активизма в трудовой сфере [19] и индигенного активизма [20].

Статья турецких исследователей обращается к исследованию гражданских перформативных городских практик сопротивления реконструкции парка Гези в Стамбуле [18]. Методологией выступило понимание перформативности в версии Джудит Батлер, развитое в работах Джиллиан Роуз (G. Rose) и Ники Грегсон (N. Gregson) [21], трактующих перформативность как набор «практик, которые создают и ниспровергают дискурс и знания и которые в то же время позволяют дисциплинировать субъектов и их действия» [18, р. 433]. Перформативность в их версии — преобразование реальности через сопротивление власти. Основная смысловая интенция статьи заключается в трактовке практик сопротивления изменению городского пространства как перформативных, то есть настроенных на сопротивление принятым властью решениям. В тексте делается акцент на ситуативности

возникновения и творческом аспекте этих практик посредством интерпретации трех кейсов городского сопротивления: «Сопrotивляющееся пианино», «Стойащий человек» и «Стол на земле» [18, р. 3]. Все кейсы и их интерпретация так или иначе связаны с овладением городским пространством, которое опредмечивается деятельностью активистов и формирует ситуативную практику сопротивления. К примеру, кейс «сопротивляющегося пианино» демонстрирует, как концерт пианиста под открытым небом стал мощным символом транснациональной солидарности, возникшей вокруг парка Гези. «Сопrotивляющееся пианино» выступило придуманным и разрушившим доминирующий символический порядок трансгрессивным перформативным действием, благодаря которому активисты отстаивают свое право на город [18, р. 3].

Статья исследователей из Дании посвящена изучению перформативного потенциала нормокритических активистов, реполитизирующих трудовые отношения ради борьбы с угнетением на примере кейсов из различных сфер трудовой деятельности [19]. В этой работе методология Джудит Батлер позволяет исследовать, «как активистские практики становятся перформативными посредством дискурсивных действий» [19, р. 468]. Основное внимание концентрируется на возникающих в момент коммуникативного и дискурсивного напряжения нормокритических ситуациях: «Во-первых, коммуникация возникает в ответ на (воспринимаемые) политические и материальные потребности. Во-вторых, коммуникация использует материальный мир в качестве своего материала. Таким образом, дискурсивные образования вписаны в тело и выполняются в конкретных практиках; как таковые, дискурс и коммуникация порождают способы быть в мире, видеть, чувствовать и действовать в нем. В-третьих, <...> дискурс и коммуникация могут в буквальном смысле создавать прочные институциональные и экономические механизмы» [19, р. 471]. Исследование начинается с изучения потребностей самих активистов, затем осуществляется переход к описанию дискурсивного напряжения, возникающего в коммуникативных практиках и материальном пространстве, и далее исследователи обращаются к перформативным усилиям активистов по дестабилизации норм, консервирующих различия между людьми [19, р. 471]. В качестве выводов постулируется тезис, что для реполитизации трудовых норм необходимо нормализовать возможность критики существующих и доминирующих организационных норм, а для реализации нормокритического потенциала в рабочем пространстве средства разговора (риторические техники) должны стать мультимодальными.

Исследователь из Перу, изучая перформативность активизма коренных народов Анд в борьбе за политическую субъектность и индигенность, также использует методологическую установку Джудит Батлер [20]. Он ретроспективно и на большом материале, обращаясь к перформативности расы и этнической принадлежности, а также к перформативности праздников коренных жителей и исполнению культуры во время протестных акций коренного населения, демонстрирует перформативность борьбы коренного населения с угнетающими нормами. Анализируется, как при помощи перформирующих нормы практик коренные народы перешли из статуса угнетаемых к политической и культурной субъектности. Концепция перформативности в версии Джудит Батлер используется для изучения процесса конструирования субъектности посредством повторяемых норм и практик. Однако, в отличие от предыдущих исследований, в методологическую установку Батлер

инкорпорируется акцент на исполнение культуры в активистской перформативной деятельности коренного населения, что, в свою очередь, позволяет проследить перформативную борьбу коренных этносов за политическую субъектность без отрыва от значимого культурного контекста [20, p. 809].

Перформативность цифрового активизма

Тема представлена тремя публикациями, посвященными перформативности цифрового феминизма во Франции [22], перформативным феминистским онлайн-практикам [23] и анализу хештегов в качестве перформативной практики [24].

Работа, посвященная исследованию современных форм цифрового феминизма во Франции, выделяет перформативный феминизм как часть современного цифрового феминизма [22, p. 141–148]. В работе описывается технокультурное производство цифрового контента, посредством которого феминистки привлекают онлайн- и офлайн-аудитории, реализуют мероприятия и кампании, а также создают практики, выражающие переплетение онлайн- и офлайн-активизма. Все перечисленные виды деятельности трактуются как дискурсивные акции прямого действия. Только по этому выводу мы можем судить о перформативности современного цифрового феминизма в трактовке автора, который оставляет за скобками вопрос методологической концептуализации перформативности цифрового активизма.

В статье, анализирующей перформативные феминистские онлайн-практики на примере движения #MeToo в Twitter (ныне социальная сеть X) [23], рассматривается использование в феминистской деятельности хештегов как особого типа перформанса, при помощи которого активисты по своему желанию могут активировать свое участие в социальных движениях, а при необходимости — исчезать из поля зрения аудитории. Методологический аспект статьи раскрывается через тезис теоретика перформанса Ричарда Шехнера, гласящий, что между театром и жизнью различия несущественны и в основном заключаются в том, насколько актеры являются сознательными [23]. Онлайн-площадка Twitter интерпретируется как место исполнения перформанса, участие в котором активируется использованием хештега #metoo. Посредством него женщины маркируют ситуации угнетения, которыми они делятся в Твиттере, что, в свою очередь, по мнению автора, повышает осознанность феминистической идентичности. Сам хештег активирует вполне конкретную аудиторию и группы лиц, принимающих участие в перформансе. Хештег создает маркер, использование которого маркирует рассказывающего историю как активиста.

В похожем ключе реализуется исследование, посвященное событиям, сопряженным с убийством Джорджа Флойда и использованием хештега #BlackLivesMatter в медийном пространстве Twitter [24]. Использование данного хештега трактуется исследователем как практика, активирующая перформативное активистское союзничество. Однако в отличие от предыдущего исследования, акцент делается на качестве таких союзов, включая в анализ использование хештега влиятельными лицами различных этносов, а также на девальвации его активистского потенциала и возможности мобилизовать и привлечь новую аудиторию в активистское пространство, артикулированное самим хештегом.

Теоретизирование о перформативности активизма

Теоретизированию о перформативности активизма посвящены четыре из отобранных работ. Статья О. Е. Столяровой из перспективы научно-технологической социологии (Sciens and Technology Studies; STS) обрисовывает общие теоретические контуры перформативного поворота, стирающего концептуальные границы между этосом науки и научным активизмом [25]. Основным теоретическим аргументом выступило концептуальное различие «перформативной идиомы» и «репрезентативной идиомы», предложенное Эндрю Пикерингом (A. Pickering) [26]: если репрезентативная идиома основывалась на предположении, что наука отражает реальность, то перформативная идиома концептуализирует науку как «поле сил, способностей и действий <...> материальных акторов» [25, с. 45]. При таком подходе перформативная концепция науки снимает жесткую границу между знанием и действием, наукой и ценностями, что позволяет относительно непротиворечиво объединить научный активизм и научный этос на уровне теоретических рассуждений. Что же касается практики, то «научный активизм и научный этос образуют вполне реальные фигуры взаимодействия» [25, с. 46].

Рассуждая об интеллектуальном активизме, автор следующей статьи находит его основания в теоретических ресурсах теории перформативности, в частности в концепции критической перформативности. Критическая перформативность определяется как «активное и подрывное вмешательство в управленческие дискурсы и практики» [27, р. 738], которое способно выйти за рамки самореферентных, строго интеллектуальных дискуссий, для того чтобы изменить мир. Указывается, что сам термин «перформативность» сигнализирует «о сдвиге в понимании знания, указывая на то, что одна из его особенностей, производство знаний, является не только репрезентативной, но и перформативной (то есть ко-конститутивной для реальности, о которой идет речь)» и сам термин «перформативность» относится к идее, «что производство знаний является “дифракционным”, а именно порождает модели различий там, где оно буквально “имеет значение” (то есть производство знаний, в самом широком смысле, участвует в создании понятных конкретных реалий)» [27, р. 738–739]. Осуществляя переход от теории перформативности к критической перформативности, а от нее — к интеллектуальному активизму, автор заключает, что, если концептуализация социального активизма через призму перформативности предполагает некоторые последствия, главным из которых является «онтологическое следствие перформативности», заключающееся в том, что мы всегда участвуем в онтологическом воспроизведении мира и его материи. «Серьезное отношение к перформативности ставит конкретные вопросы к нашей субъективности, поскольку, будучи учеными, мы всегда уже погружены в практику, где знание (его производство и распространение) имеет первостепенное значение. Эти вопросы являются этико-политическими, потому что они призывают нас занять позицию относительно того, какими субъектами мы являемся и какого мира мы хотим» [27, р. 739]. Такое восприятие перформативности имеет определенные черты сходства с концепцией «онтологической политики» Джона Ло (J. Law) [28]. Соответственно, заниматься критической перформативностью «означает занять определенную позицию по отношению к этико-политическим вопросам» [27, р. 739]. Переход от критической перформативности к интеллектуальному

активизму осуществляется в процессе работы по осмыслению онтологических вопросов и поиску ответов на них. Интеллектуальный активизм определяется как «конкретный тип критической перформативности, когда мы отвечаем на этико-политические вопросы и требования теми способами, которые вписаны в историю движений и политики за социальную, экономическую и эпистемическую справедливость и которые принимают на себя их следы и память» [27, р. 741]. Можно сказать, что автор рассматриваемой статьи работает в русле создания перформативной теории активизма, осуществляя поиск и концептуализацию теоретических оснований активизма в академической среде.

Исследователь из Нидерландов Озан Алакавуклар (O. Alakavuklar) делится своим опытом прохождения исследовательской практики в магазине бесплатных продуктов и предлагает концептуализацию активистской деятельности для ученых, приходящих «в поле», чтобы критически осмыслить некоторую социальную проблему через анализ деятельности профильных активистов [29]. На основе понятия перформативности, основная интенция которого сконцентрирована на преобразующем действии, автор предлагает концепцию активистской перформативности как некоторой синергии между научной деятельностью, социальным активизмом и обучением, с надеждой на преодоление отчуждающей критической исследовательской практики ученых через наведение мостов между указанными сферами деятельности. «Наведение мостов, или “соединение областей” рассматривается как критическое обучение, форма “активистской перформативности” и модальности академического активиста, создающей возможность реализации преобразовательного потенциала критической практики во множестве областей» [29, р. 11]. Активистскую перформативность автор определяет как «академическую практику, направленную на изменение университета (и общества) изнутри и снаружи, через стирание границы между практикой, исследованием и преподаванием, а также на привлечение внимания исследователей к широким социальным и структурным проблемам» [29, р. 7–8].

Активистская перформативность манифестируется посредством трех основных положений:

1) она построена на концептуализации критической практики, объединяющей функции исследовательской академической деятельности, критически осмысляющей действительность, преподавания и активизма, располагающегося в лакунах социальных проблем;

2) целенаправленно обращается к активистским сообществам / массовым организациям как к близким союзникам для создания перформативного эффекта в различных областях;

3) призывает к участию в повседневной практике как к источнику индивидуальной и коллективной трансформации [29, р. 7].

По мнению автора, концептуализация перформативного активизма и метафора наведения мостов может служить цели изменить ситуацию в обществе и в академической среде как части сопротивления вызовам неолиберального дискурса воздействия.

Работа Джона Флетчера (J. Fletcher) является фундаментальным исследованием, посвященным изучению современного евангелизма, в котором подробно рассматривается такое явление, как перформанс-активизм [30, р. 15–46]. Флетчер не рассматривает проект по изучению современного евангелизма только как вклад в современную

социологию религии, но помещает свое исследование в более широкий современный контекст перформативных исследований активизма, определяя самого себя как активиста-исследователя, что подчеркивает перформативный характер его работы [30, р. 16]. Флетчер выдвигает тезис о том, что, «каким бы живым и разнообразным ни был разговор об активистской деятельности, дискурс в значительной степени остается основанным на определенном (лево-прогрессивном) наборе идеологических предположений о правильном направлении социальных изменений» [30, р. 16], что, в свою очередь, вытаскивает из предметного поля современных активистских исследований (да и вообще дискурса) различные не-левые позиции, например активизм консервативных евангелистов. Такую замкнутость современного предметного поля активистских исследований на себе самом Флетчер трактует как серьезную проблему, порождающую критический солипсизм и повсеместное превалирование в современных левых исследованиях «параноидальной позиции» [31] в науке, берущей за отправную точку уверенность в «больших, угнетающих системах, действующих за кулисами <...> Когда-то паранойя, бывшая единственным критическим вариантом среди многих, по мнению Седжвик, приобрела обязательный статус, навязывая своего рода параноидальный императив в науке. Быть критичным — значит практиковать сильную герменевтику подозрения паранойи; не быть параноиком значит быть некритически доверчивым» [30, р. 28]. Флетчер аккуратно критикует такую позицию, демонстрируя ее односторонность и замкнутость на самой себе, не позволяющую ей сказать ничего больше того, что уже найдено и высказано.

В методологическом аспекте изучения активизма Флетчер следует Ричарду Шехнеру (R. Schechner) [32], постулируя перформанс как «любой дискретный выразительный акт, направленный на благо и на пользу кого-то другого» [30, р. 17], что позволяет ему вслед за Шехнером вынести теорию перформанса из сугубо театрального контекста в предметное поле понимания перформанса как любого запланированного и разыгрываемого в соответствии с этим планом события. В качестве основных аналитических категорий перформанса Флетчер выделяет:

- 1) местоположение;
- 2) жанр (формат перформанса);
- 3) схему (имеется в виду сценарий);
- 4) аудитория;
- 5) исполнителей;
- 6) театральность («напоминает ли действие повседневную жизнь или четко обособлено? Используются ли театральные элементы, такие как свет, костюмы, декорации и реквизит, и если да, то с какой целью?») [30, р. 17].

Использование такой жесткой концептуализации аналитических категорий для анализа перформанса структурно напоминает аналитические доминанты в теории социального перформанса Джеффри Александера (J. Alexander) [33]. В другом определении перформансов Флетчер утверждает, что это «спектакли, которые <...> стремятся произвести определенные эффекты посредством инициируемых транзакций, а именно фундаментальное изменение мировоззренческих и жизненных взглядов их зрителей» [30, р. 17]. Флетчер не обходит стороной определение активистского перформанса, или перформанс-активизма, который понимается им как «особый тип перформанса, в котором предполагаемые дополнительные эффекты сознательно согласуются с продвижением более широких социальных или

политических программ. Эти программы могут воплощать в себе конкретные цели, например цели политической группы...» [30, р. 18]. В то же время современный перформанс-активизм представляет собой клубок разрозненных теорий, традиций, видений и дефиниций [31, р. 18]. Широкий круг относительно рабочих дефиниций не создает одной четкой теоретической традиции и делит их в зависимости от крыла левопрогрессивных теоретико-идеологических направлений. Работа Флетчера важна не только в силу детальной проработки методологического аппарата изучения перформативности активизма, но и потому, что она отрешивается от доминирующих левых течений изучения активистского перформанса и предлагает свое внятное определение перформанс-активизма.

Обсуждение

Теперь сделаем ряд общих выводов относительно особенностей использования ресурсов перформативности для концептуализации социального активизма.

Большинство найденных работ использует перформативный подход, направленный на поиск форм угнетения и борьбу с ними. Изучение форм угнетения, основанное на методологии Дж. Батлер, как правило концентрируется на тематике сопротивления угнетающему дискурсу. В то же время каждая из рассмотренных статей имеет свои методологические особенности и использует теоретические ресурсы концепции Батлер, трансформируя их под нужды своих исследований. Исследование гражданских перформативных городских практик акцентирует ситуативность и творческий аспект практик сопротивления решениям власти относительно городского пространства [18]. Исследование нормокритического активизма рассматривает перформативность активистских практик, которые становятся таковыми благодаря дискурсивным действиям, критикующим установленные в трудовой сфере нормы, что, в свою очередь, помогает бороться с дискурсом и практиками угнетения на работе [19]. Другое исследование использует понимание перформативности в версии Батлер, делая акцент на том, что субъектность конструируется и воспроизводится благодаря повторяемым нормам и практикам [20]. Такая методологическая установка сближает этот подход с теорией социального перформанса Джеффри Александера, акцентирующей культурные представления, реализованные в деятельности и сценариях действия [33].

Работы, посвященные перформативности цифрового активизма, концентрируются на понимании активистских онлайн-практик как деятельности, которая способна менять реальность [22], а также направлены на изучение цифровых площадок как сцен для реализации перформанса [23] и на более глубокое осмысление практики использования хештегов не только как очевидной перформативной практики, но и как средства циркуляции и распределения социального капитала, оказывающего влияние на социальные движения [23; 24].

Теоретические публикации о перформативности активизма затрагивают такие вопросы, как пересечение научной деятельности и активизма [25; 29], критической перформативности [27], предлагая концепцию соединения областей и активистской перформативности [29]. Данные работы нацелены на поиск теоретических оснований для того, чтобы сделать деятельность ученых перформативной, то есть способной трансформировать реальность через решение социальных проблем.

Публикации, посвященные теме перформативного активизма, пытаются осмыслить этот феномен и понять, почему термин «перформативный» стал негативным маркером безрезультативного и настроенного на получение влияния посредством социального одобрения активизма [8]. Вдобавок исследователи пытаются выяснить отношение общества к перформативному активизму как части современной цифровой системы [7]. Если рассмотренная нами работа автора из США трактует перформативный активизм как требования к поиску новых форм действенного активизма [8, р. 85], то нам представляется, что для изучения перформативного активизма можно использовать теоретические ресурсы теорий Бруно Латура (B. Latour) и Джефффри Александера. К примеру, в теории социального перформанса Александера обнаруживаются достаточные методологические обоснования того, почему какой-то перформанс считается как убедительный и, следовательно, успешный, а какой-то, напротив, предстает как неудачный. «Неудачные спектакли — это спектакли, в которых актер, будь то индивидуальный или коллективный, не смог собрать воедино элементы спектакля, чтобы они казались неразрывно связанными» [33, р. 31–32].

Только две работы весьма подробно останавливаются на описании методологии изучения перформативности, а также дают определения социального активизма через теории перформативности. Работа Ричарда Флетчера предлагает не только понятную аналитическую схему изучения активистских перформансов, но и определение перформанс-активизма. Флетчер критикует современное исследовательское поле перформативности активизма и указывает на то, что левопрогрессивная идеологическая теория фактически захватила его. При этом она не выстраивает гомогенной традиции, потому что данное теоретическое поле само по себе является сильно дифференцированным, а также замкнутом, на что Флетчер указывает в категориях Ив Коссовски Седжвик (E. K. Sedgwick) и маркирует как параноидальную и солипсическую позицию.

Заключение

Подводя общий итог, отметим, что благодаря проведенному обзору предметного поля перформативности активизма удалось, во-первых, выявить и описать парадокс концептуализации перформативного измерения социального активизма, размежевав закрепившееся медийное понимание перформативности активизма и его научные концептуализации. И, во-вторых, описать именно то, как современные социогуманитарные исследователи концептуализируют социальный активизм, опираясь на ресурсы существующих теорий перформативности. Медийная интерпретация перформативного активизма носит оценочный характер, маркируя этим словом такой активизм, который настроен лишь на репрезентацию активистской деятельности, а не на реальные действия. Социологическая же концептуализация перформативности активизма воспринимает любой его вид в качестве перформативного, ибо каждый активизм по-своему настроен на преобразование реальности. Медийное понимание перформативного активизма отстраивает свои концептуальные основания через оппозицию между словами и реальными действиями, а социологическое понимание получило развитие как раз в результате снятия этой оппозиции.

Подчеркнем, что рассмотренные исследования в основном работают в левом теоретико-идеологическом ключе. Большинство исследований сами по себе скорее занимают определенную идеологическую перформативную позицию, нежели исследуют феномен активизма в качестве самодостаточного явления. Исследовательское пространство изучения перформативности активизма в основном настроено на априорную трактовку активизма в качестве перформативного, не задаваясь вопросом о сущности этого явления, о способах, практиках и техниках преобразования активистами реальности.

Упомянутая в начале работы интенция перформативного поворота трактует реальность как процесс со-исполнения самыми разными актерами, а это, в свою очередь, предполагает, что теории перформативности способны демонстрировать, как актеры (материальные и нематериальные) участвуют в производстве новой реальности. В то же время проанализированные работы в основном фокусируются на смыслах, а в качестве материальных объектов рассматривают только человеческие тела, упуская из вида иной материальный мир, важность изучения которого акцентируется исследованиями науки и технологий (STS) [34, с. 179]. Игнорируется и многообразие прагматик, которыми руководствуются активисты в своей деятельности. В качестве основной прагматики им априори приписывается акцент на борьбе с угнетением. По нашему мнению, теории перформативности позволяют встать на более высокий уровень описания социального активизма и задаться вопросами: какую реальность формируют активисты? что может послужить более продуктивной методологической установкой, позволяющей не только исследовать фундаментальные проблемы современного активизма, но и в полной мере использовать методологический ресурс современных теорий перформативности? Это могло бы задать вектор дальнейших исследований темы перформативности активизма.

Литература

1. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. М.: Канон+, 2011. С. 226–235.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
4. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
5. Мардарь И. Б. Трансформация социального активизма (на примере города Новочеркаска): дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
6. Shefer T. Activist performance and performative activism towards intersectional gender and sexual justice in contemporary South Africa // *International Sociology*. 2010. Vol. 34, no. 4. P. 418–434.
7. Mutiara A., Sidik C., Saumi D., Annisa F. N., Khairunnisa J. Fenomena Aktivisme Performatif di Era Digital The Phenomenon of Performative Activism in the Digital Era. URL: https://www.researchgate.net/publication/350340663_Fenomena_Aktivisme_Performatif_di_Era_Digital (дата обращения: 23.01.2024).
8. Thimsen A. F. What is performative activism? // *Philosophy & Rhetoric*. 2022. Vol. 55, no. 1. P. 83–89.
9. Cervi L., Marín-Lladó C. Freepalestine on TikTok: From performative activism to (meaningful) playful activism // *Journal of international and intercultural communication*. 2022. Vol. 15, no. 4. P. 414–434.
10. Ventzislavov R. Performative activism redeemed // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2023. Vol. 81. P. 131–140.
11. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
12. Кулакова Е. Н., Настаушева Т. Л., Кондратьева И. В. Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoring review: история, теория и практика // *Вопросы современной педиатрии*. 2021. Т. 20, № 3. С. 210–222.

13. Моисеев С. П., Мальцева Д. В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. № 47. С. 7–43.
14. O'Grady G. An autoethnographic performance: The researcher's story of hysterectomy and menopause as act of resistance and activism // International Review of Qualitative Research. 2021. Vol. 14, no. 3. P. 533–546.
15. Denzin N. K. Interpretive ethnography: Ethnographic practices for the 21st century. New York: Sage, 1997.
16. Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, 2007.
17. Ronti C. Fat activists' strategies on stage: Redefining fat identity. A comparison of Scottee, Brenda Oelbaum, and Sins Invalid // DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies. 2017. Vol. 4, no. 2. P. 47–60.
18. Ay D., Mirafitab F. Invented spaces of activism: Gezi Park and performative practices of citizenship // The Palgrave handbook of international development. London: Palgrave MacMillan, 2016. P. 555–574.
19. Plotnikof M., Muhr S., Holck L., Just S. N. Repoliticizing diversity work? Exploring the performative potentials of norm-critical activism // Gender, Work & Organization. 2022. Vol. 29, no. 2. P. 466–485.
20. Huarcaya S. Performativity, performance, and indigenous activism in Ecuador and the Andes // Comparative Studies in Society and History. 2015. Vol. 57, no. 3. P. 806–837.
21. Gregson N., Rose G. Taking Butler elsewhere: Performativities, spatialities and subjectivities // Environment and Planning D: Society and space. 2000. Vol. 18, no. 4. P. 33–452.
22. Jouët J. Digital feminism: Questioning the renewal of activism // Journal of Research in Gender Studies. 2018. Vol. 8. P. 133–157.
23. Gleeson J., Turner B. Online feminist activism as performative consciousness-raising: A #MeToo case study // # MeToo and the Politics of Social Change. Berlin: Springer, 2019. P. 53–69.
24. Wellman M. Black squares for Black lives? Performative allyship as credibility maintenance for social media influencers on Instagram* // Social Media+ Society. 2022. Vol. 8, no. 1. P. 1–10.
25. Столярова О. Е. Научный активизм и идея перформативности // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Т. 55, № 2. С. 42–48.
26. Pickering A. After representation: Science studies in the performative idiom // PSA: Proceedings of the biennial meeting of the Philosophy of Science Association. 1994. No. 2. P. 413–419.
27. Contu A. Answering the crisis with intellectual activism: Making a difference as business schools scholars // Human Relations. 2020. Vol. 73, no. 5. P. 737–757.
28. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2015.
29. Alakavuklar O. An attempt to become an-Other critical scholar: Bridging as 'activist performativity' // Management Learning. 2023. Vol. 55, no. 1. P. 1–16.
30. Fletcher J. Preaching to Convert: Evangelical Outreach and Performance Activism in a Secular Age. Michigan: University of Michigan Press, 2013.
31. Sedgwick E. Paranoid reading and reparative reading; or, You're so paranoid, you probably think this introduction is about you // Sedgwick E. (ed.). Novel Gazing: Queer Readings in Fiction. Dares: Duke University Press, 1997. P. 3–37.
32. Шехнер П. Теория перформанса. М.: V-A-C Press, 2020.
33. Alexander J. C., Giesen B., Mast J. L. (eds). Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
34. Ткаченко К. В. Перформативность как теоретическая рамка изучения социального активизма // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. СПб.: Сциентиа, 2023. С. 177–180.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Ткаченко Кирилл Владимирович — инженер-исследователь; kyrie.tkachenko@gmail.com

*Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research*

K. V. Tkachenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tkachenko K. V. Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 141–158. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.202> (In Russian)

If modern theories of performativity seek to provide an explanation of how reality is fulfilled (produced), taking into account meanings, people and various material objects in their consideration, then social activism is a phenomenon that well demonstrates the main intention of performativity — joint execution and transformation of reality (through solving social problems). To find out how social activism is studied with the help of performativity theories, we directed research attention inside this subject field, where a paradox was discovered in the semantic relationship between the definitions of performative activism and performativity of activism. If the term “performative activism” acquires its semantic content emphasizing the opposition between words (posts) and real actions to solve social problems, then the theories of performativity themselves were developed precisely on the basis of removing the opposition between words and actions. The discovered paradox of using the term “performativity” allowed us to formulate the problem of research as uncertainty about the features of conceptualization of the performative dimension of social activism. Therefore, the aim of the work was to review the literature aimed at clarifying how modern researchers conceptualize social activism, based on the resources of scientific theories of performativity, and not on the media understanding of this term. Based on the analysis of the selected articles ($N = 13$), the following topics were highlighted: the performativity of activism and the fight against oppression; activism and the methodology of performativity by Judith Butler; the performativity of digital activism; theorizing about the performativity of activism. It is concluded that these topics are characterized by the use of left-progressive theories, low attention to how exactly activists produce a new reality by solving social problems (researchers often attribute a priori positions to them), as well as weak use of empirical data, which opens up prospects for more rigorous sociological studies of the performativity of social activism.

Keywords: performative turn, performativity, social activism, health activism, Judith Butler, digital activism.

References

1. Domanska, E. Performative turn in the contemporary human and social sciences. In: *Sposoby postizheniia proshlogo* (pp. 226–235). Moscow, Kanon+ Publ., 2011. (In Russian)
2. Bahmann-Medik, D. *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russian)
3. Latur B. *Reassembling the Social — An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow, Publ. house of HSE, 2014. (In Russian)
4. Butler, J. *Notes on the Performative Theory of the Meeting*. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. (In Russian)
5. Mardar, I. B. *Transformation of social activism (by example of Novocherkassk town)*: dissertation. Moscow, 2009. (In Russian)
6. Shefer, T. Activist performance and performative activism towards intersectional gender and sexual justice in contemporary South Africa. *International Sociology*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 418–434.

* The article was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00261.

7. Mutiara, A., Sidik, C., Saumi, D., Annisa, F.N., Khairunnisa, J. *Fenomena Aktivisme Performatif di Era Digital The Phenomenon of Performative Activism in the Digital Era*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350340663_Fenomena_Aktivisme_Performatif_di_Era_Digital (accessed: 23.01.2024).
8. Thimsen, A. F. What is performative activism? *Philosophy & Rhetoric*, 2022, vol. 55, no. 1, pp. 83–89.
9. Cervi, L., Marín-Lladó, C. Freepalestine on TikTok: from performative activism to (meaningful) playful activism. *Journal of international and intercultural communication*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 414–434.
10. Ventzislavov, R. Performative activism redeemed. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 2023, vol. 81, pp. 131–140.
11. Ostin, J. How to perform actions using words. In: Ostin J. *Izbrannoe* (pp. 13–135). Moscow, Ideia-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. (In Russian)
12. Kulakova, E., Nastausheva, T., Kondrat'eva, I. Systematic review research of literature concerning methodology of *scoping review*: History, theory and praxis. *Voprosy sovremennoi pediatrii*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 210–222. (In Russian)
13. Moiseev, S., Mal'ceva, D. Selection of origins for systematic review of literature: Expert and algorithmic approaches comparison. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2018, no. 47, pp. 7–43. (In Russian)
14. O'Grady, G. An autoethnographic performance: The researcher's story of hysterectomy and menopause as act of resistance and activism. *International Review of Qualitative Research*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 533–546.
15. Denzin, N. *Interpretive ethnography: Ethnographic practices for the 21st century*. New York, Sage, 1997.
16. Deleuze, G. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., 2007. (In Russian)
17. Ronti C. Fat activists' strategies on stage: Redefining fat identity. A comparison of Scottee, Brenda Oelbaum, and Sins Invalid. *DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 47–60.
18. Ay, D., Miraftab, F. Invented spaces of activism: Gezi Park and performative practices of citizenship. In: *The Palgrave handbook of international development* (pp. 555–574). London, Palgrave MacMillan, 2016.
19. Plotnikof, M., Muhr, S., Holck, L., Just, S.N. Repoliticizing diversity work? Exploring the performative potentials of norm-critical activism. *Gender, Work & Organization*, 2022, vol. 29, no. 2, pp. 466–485.
20. Huarcaya, S. Performativity, Performance, and Indigenous Activism in Ecuador and the Andes. *Comparative Studies in Society and History*, 2015, vol. 57, no. 3, pp. 806–837.
21. Gregson, N., Rose, G. Taking Butler elsewhere: Performativities, spatialities and subjectivities. *Environment and Planning D: Society and space*, 2000, vol. 18, no. 4, pp. 33–452.
22. Jouët, J. Digital feminism: Questioning the renewal of activism. *Journal of Research in Gender Studies*, 2018, vol. 8, pp. 133–157.
23. Gleeson, J., Turner, B. Online feminist activism as performative consciousness-raising: A #MeToo case study. *# MeToo and the politics of social change*. Berlin, Springer, 2019. Pp. 53–69.
24. Wellman, M. Black squares for Black lives? Performative allyship as credibility maintenance for social media influencers on Instagram*. *Social Media+ Society*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 1–10.
25. Stolyarova, O. Science activism and idea of performacy. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 42–48. (In Russian)
26. Pickering, A. After representation: science studies in the performative idiom. *PSA: Proceedings of the biennial meeting of the Philosophy of Science Association. Philosophy of Science Association*, 1994, no. 2, pp. 413–419.
27. Contu, A. Answering the crisis with intellectual activism: Making a difference as business schools scholars. *Human Relations*, 2020, vol. 73, no. 5, pp. 737–757.
28. Low, J. *After method: Mess in social science research*. Moscow, Institute of economic policy named by E. T. Gaidar Press, 2015. (In Russian)
29. Alakavuklar, O. An attempt to become an-Other critical scholar: Bridging as 'activist performativity'. *Management Learning*, 2023, vol. 55, no. 1, pp. 1–16.
30. Fletcher, J. *Preaching to Convert: Evangelical Outreach and Performance Activism in a Secular Age*. Michigan, University of Michigan Press, 2013.

* The product of the Meta company, whose activities are recognized as extremist in the Russian Federation.

31. Sedgwick E. Paranoid reading and reparative reading; or, You're so paranoid, you probably think this introduction is about you. In: Sedgwick E. (ed.). *Novel Gazing: Queer Readings in Fiction* (pp. 3–37). Durham: Duke University Press, 1997.

32. Schechner R. *Theory of performance*. Moscow, V-A-C Press, 2020. (In Russian)

33. Alexander, J.C., Giesen, B., Mast, J.L. (eds.). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.

34. Tkachenko K. Performativity as a theoretic framework of studying social activism. *Rossiiskoe obshchestvo segodnia: Tsennosti, instituty, protsessy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–18 noiabria 2023 goda* (pp. 177–180). St. Petersburg, Scientia Publ., 2023. (In Russian)

Received: February 2, 2024

Accepted: April 28, 2024

Author's information:

Kirill V. Tkachenko — Research Engineer; kyrie.tkachenko@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 316.4

Профили патриотизма в сознании студенческой молодежи Тюмени

В. В. Маленков, Н. В. Мальцева

Тюменский государственный университет,
Российская Федерация, 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6

Для цитирования: *Маленков В. В., Мальцева Н. В.* Профили патриотизма в сознании студенческой молодежи Тюмени // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 159–174. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.203>

Актуальность изучения моделей патриотизма и особенностей их воспроизводства в сознании студенческой молодежи связана с необходимостью трансформации системы патриотического воспитания, направленной на раскрытие гражданского потенциала и формирование гражданственности. Цель статьи — описать структуру представлений студенческой молодежи о патриотизме, выявить масштабы репрезентации разных типов патриотизма, их взаимосвязь с гражданским сознанием и различными формами активности в социально-политическом пространстве общества. Эмпирическую основу исследования составили данные анкетного опроса студентов высших учебных заведений города Тюмени, проведенного в феврале — марте 2023 г. ($N = 554$). На первом этапе обработки данных использовались анализ частотных таблиц и метод ранжирования. Проведено сравнение полученных результатов с аналогичным исследованием 2019 г. ($N = 577$). На втором этапе с помощью анализа латентных классов выделены кластеры респондентов с различающимися представлениями о патриотизме. Анализ таблиц сопряженности и однофакторный дисперсионный анализ позволили выявить различия между кластерами по параметрам гражданско-патриотического сознания и гражданской активности. Наблюдается устойчивая связь с базовыми социокультурными привязанностями (родная земля, язык, традиции) как составляющими представлений студенческой молодежи о патриотизме, а также традиционно прослеживается тесная взаимосвязь между патриотизмом и государством. К ядру патриотических представлений также можно отнести стремление развивать страну, город; осознание долга и гражданских обязанностей; причастность к прошлому, настоящему и будущему страны; готовность к защите Отечества от внешних угроз. Выделено четыре содержательных профиля патриотизма: государственный, культурно-исторический, охранительный, гражданский, а также два профиля — плюральный и сингулярный,

характеризующиеся широким и узким пониманием патриотизма. Описаны сходства и различия гражданско-патриотических ориентаций и опыта гражданского участия представителей выделенных кластеров.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданский патриотизм, гражданские ценности, студенческая молодежь.

Введение

Более 20 лет назад была принята национальная доктрина образования, декларирующая воспитание патриотизма как свою ключевую задачу¹. За это время были реализованы четыре государственные программы патриотического воспитания граждан. Действие последней завершилось в 2020 г. С начала 2021 г. действует федеральный проект «Патриотическое воспитание»², являющийся частью национального проекта «Образование».

Созданная за это время организационная основа охватила множество общественных и государственных структур, интегрированных в систему образования, в том числе высшего. Данный процесс активизировался с принятием в 2014 г. правового акта, закрепляющего основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в котором воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением декларируется как национальный приоритет³.

Благодаря широкой репрезентации в различных сегментах публичного дискурса патриотизм стал одним из базовых понятий российского политического словаря, важной составляющей политики идентичности. Вследствие этого на протяжении последних 20 лет степень патриотической самоидентификации находится на высоком уровне. По данным ВЦИОМ, максимальная отметка была достигнута в 2018 и 2022 гг., когда 92 % опрошенных признали себя патриотами⁴. В апреле 2023 г. доля таковых составила 91 % в целом по выборке, но в отдельных регионах и возрастных группах даже превышала эту цифру. Так, среди респондентов в возрасте 60 лет и старше доля считающих себя патриотами составила 94 %, а в группе молодежи от 18 до 24 лет — 85 %.

Поэтому можно констатировать, что актуальность проблематики патриотизма заключена не столько в количественной, сколько в качественной плоскости — перенасыщенности одних контекстов и нивелирования других. Так, А. В. Селезнева обращает внимание на терминологическую неопределенность патриотизма, выражающуюся в сужении его до абстрактной формулы «любовь к Родине», а также содержательное смещение к традиционному доминированию милитаристской

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» (утратило силу 10 апреля 2014 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771684> (дата обращения: 17.08.2023).

² Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // Сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 17.08.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 17.08.2023).

⁴ Патриотизм: мониторинг (11 апреля 2023 г.) // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 17.08.2023).

составляющей. Эти перекосы, по ее мнению, можно преодолеть посредством наполнения понятия культурно-историческим и социально-психологическим содержанием [1, с. 204]. Очевидно также, что явно недооценена гражданская составляющая данного явления, вместе с тем актуализация именно гражданско-патриотического вектора может внести значительный вклад в развитие политической культуры и процесс нациестроительства.

Чтобы очертить теоретическую рамку нашего исследования, представляется необходимым сформулировать его ключевые методологические предпосылки.

1. Эмпирический характер, описательный подход. Теоретическое осмысление рассматриваемого феномена, в отличие от сферы социальной диагностики и социального проектирования, отличается разнообразием и глубокой концептуальной проработкой, чего нельзя сказать о сфере эмпирического описания, которое зачастую весьма фрагментарно и акцентировано на определенных узких контекстах. В то же время они существуют относительно независимо друг от друга.

2. Ориентация на конструктивистский подход и теорию социальных представлений. В основе лежит понимание патриотизма как социального конструкта, смыслы которого артикулируются в некотором публичном пространстве (пространстве дискурса), а затем воспроизводятся в социальных представлениях, социальных практиках в том или ином масштабе.

3. Количественный подход, опора на метод анализа ассоциаций как эмпирической конкретизации теории социальных представлений. Эмпирическое описание форм патриотизма, в том числе предлагаемых в рамках теоретической рефлексии типов, чаще всего осуществляется через качественный подход — дискурсивный анализ и различные форматы интервью, что позволяет делать выводы о характере, но не о масштабах их репрезентации.

4. Многомерный личностно-ориентированный подход, реализованный в форме анализа латентных классов. Замеры, реализованные в рамках количественной методологии, даже при констатации факта многогранности патриотизма сосредоточены на измерении его отдельных характеристик и проявлений у объекта исследования. Это определило выбор многомерного личностно-ориентированного подхода как оптики, позволяющей рассмотреть признаки патриотизма по отдельности и в комплексе, причем не столько в их соотношении друг с другом (например, с помощью факторного анализа, часто используемого для этих целей), сколько относительно репрезентации схожих устойчивых ассоциаций в отдельных сегментах объекта исследования (с применением кластерного анализа).

Цель данной статьи — описать структуру представлений студенческой молодежи о патриотизме, выявить масштабы репрезентации разных типов патриотизма, их взаимосвязь с гражданским сознанием и различными формами активности в социально-политическом пространстве общества.

Концептуальная рамка исследования

Пространство теоретического осмысления патриотизма, в том числе дискурс о его типах, многослойно. На самом высоком уровне данное понятие вписано в более широкий социокультурный контекст, определяется в пространстве метакатегорий, в том числе посредством бинарных оппозиций: традиционное — современное,

локальное — национальное, пассивность — активность, неполитическое — политическое, иррациональность — рациональность, и множество других.

На макроуровне патриотизм концептуализируется в контексте взаимосвязи и противопоставления с другими значимыми социальными феноменами. Например, связь с правом четко прослеживается в понятии конституционного патриотизма Ю. Хабермаса (J. Habermas) с его апелляцией к правовому государству и публичным правам граждан (политической автономии). Элементы патриотизма содержатся в теоретической конструкции политической культуры Г. Алмонда (G. Almond) и С. Вербы (S. Verba). Значительное число работ посвящено анализу сходств и различий между патриотизмом и национализмом [2–5], взаимоотношениям с политикой [6–8], демократией и авторитаризмом [9–11].

Особое место в этом ряду занимает дискурс о соотношении патриотизма и гражданственности [12–15]. С одной стороны, последняя часто выступает как некая предельная категория, с помощью которой пытаются комплексно описывать гражданскую природу тех или иных феноменов. С другой — данные понятия зачастую идут в одной связке, а их значения оказываются взаимозаменяемыми, что особенно характерно для нашей страны.

Ключевое место в типологизации патриотизма занимает субъектная составляющая, включающая параметры его функционирования на личностном уровне: когнитивные элементы, ролевые модели, ценностные ориентации, идентичность, эмоциональная и поведенческая составляющие [1, с. 201]. На этом уровне социокультурные модели, типы, репрезентируясь в дискурсах, через политику идентичности, механизмы социализации становятся частью сознания и поведения социальных субъектов.

Предложенное Р. Шац (R. Schatz), Е. Штауб (E. Staub) и Г. Лавин (H. Lavine) различие слепого и конструктивного патриотизма оказалось весьма успешной попыткой найти универсальный язык описания форм патриотизма на субъектном уровне [16]. Они трактовались как два противоположных типа национальной привязанности: первый — часто ассоциируемый с национализмом или шовинизмом, милитаристский, невежественный и послушный, а второй — осмысленный, критический, гражданский [17, с. 88]. Характерно, что предложенные типы не были чисто теоретическими конструкциями, а опирались на разработанные и апробированные шкалы [18], которые используют ученые во всем мире для описания феномена патриотизма и выявления его масштабов в разных странах.

Еще одной значимой попыткой классификации является модель патриотической идентичности, разработанная А. Палумбо (A. Palumbo) [19]. Он выделил четыре типа патриотизма. Наиболее близким к идеальному, по его мнению, является этический (ethical patriotism), который он трактовал как инклюзивный, демократичный, горизонтальный, направленный на моральную и политическую интеграцию внутри нации как макросообщества [19, с. 331]. Распространение этического патриотизма вовне превращает его в гегемонистский (hegemonic patriotism). Противоположностью этих двух форм гражданского патриотизма являются защитный патриотизм (protective patriotism) и патриотизм, известный в русском языке как квасной, ура-патриотизм (jingoistic patriotism). Они построены на принципе исключения, дистанцирования от чужих, базируются на традиционалистских формах социальной интеграции — традиционных типах идентичности (этнической, религиозной, родоплеменной и т. д.).

Осмысление патриотизма в России имеет свою специфику, обусловленную в том числе особенностями отношений общества и власти, а также трансформационными процессами, которые пережила страна в конце XX в. В этой связи С. А. Магарил выделяет три исторические формы патриотизма в России:

- 1) имперский, державно-святоотеческий патриотизм, доминировавший в до-революционный период;
- 2) советский военизированный патриотизм;
- 3) постсоветский патриотизм, представляющий противоречивую смесь предыдущих форм и зачатки гражданской демократической культуры [20, с. 144].

В ряде публикаций рассмотрена специфика дискурса о патриотизме, сложившегося в последнее десятилетие, его содержательные особенности и механизмы формирования соответствующей патриотической идентичности [21; 22]. Авторы отмечают тесную связь этого дискурса с биополитикой, репрезентацией гендерных образцов (при этом не всегда маскулинностью), массовой мобилизацией, основанной на эффекте национальной консолидации (описываемый в литературе как эффект «rally around the flag»).

Значимые коннотации и типологии можно обнаружить при анализе попыток дифференциации политики патриотической идентичности, выделении отдельных дискурсивных полей в контексте сегментации целевых групп. Так, маскулинность и милитаризм как признаки доминирующего типа патриотизма стали значимой конструкцией в проводимой во втором десятилетии XXI в. политике идентичности, направленной на реинтерпретацию нарратива о ключевой роли рабочего класса в общественно-политических процессах страны и его противопоставление креативному классу как воплощению полной противоположности [23].

В этом же ряду — обращение группы исследователей к описанию взаимосвязи политики патриотической идентичности и молодежной политики. Е. Л. Омельченко и И. В. Лисовская выделяют отдельный этап в формировании молодежной политики в России как «патриотический» (2010–2014) [24, с. 70]. Несмотря на аргументы в пользу выделения указанного этапа и достаточную обоснованность такого рода редукции, все-таки патриотизм является скорее сквозной темой, базовой для других этапов, начало которых датировано 2001 г. и которые продолжаются до сих пор. К подобным же выводам приходит Н. А. Нартова с соавторами: в описанном ими генезисе молодежной политики на каждой выделенной стадии политика формирования патриотизма проходит красной нитью, но ее содержание и форматы меняются [25].

А. В. Майборода с соавторами отмечает в качестве отличительной черты российской модели молодежной политики установку на традиционные ценности, воспитание и патриотизм [26]. Причем для последнего характерен милитаристский акцент, влияющий не только на целевую составляющую, но и выраженный в специфических формах мобилизации молодежи [27; 28].

Значительное количество работ посвящено эмпирическому анализу представлений о патриотизме с использованием качественных методов в роли ключевых и в синтезе с количественными замерами. В данных работах артикулируются некоторые типы патриотизма, например «обиженный патриотизм» [29], «мягкий патриотизм», созвучный понятию «мягкая сила» и противопоставляемый милитаристскому патриотизму [30, с. 107], локальный патриотизм как «чувство дома/места» [31].

П. Гуд анализировал репрезентацию в России основных идей патриотической политики на уровне повседневности. По результатам проведенных интервью и серии фокус-групп он делает вывод о доминировании в представлениях о патриотизме этнической составляющей над гражданской, эмоциональных определений над рациональными [32, с. 272]. По результатам другого качественного исследования авторы делают схожие выводы: аффективная привязанность («эмоциональное гражданство») среди российской молодежи превалирует над рационально-прагматическим отношением к государству [33, с. 8].

С. Ю. Асеев и Я. Ю. Шашкова используют для описания патриотического сознания старших школьников Сибирского федерального округа концепты слепого и конструктивного патриотизма. Они обнаружили, что первый наиболее характерен для национальных республик, в то время как в административных субъектах преобладает конструктивный патриотизм [34; 35]. По результатам исследования в Приволжском федеральном округе наряду с ответственностью как доминантой ключевыми типами патриотических ориентаций являются традиционный, локальный и территориальный [36, с. 69].

С. Г. Ивченков и Е. В. Сайганова, изучив саратовскую молодежь, выделили семь типов патриотических установок в зависимости от разделяемых ценностей и оценили масштабы распространения их в молодежной среде: абстрактный (32 %); традиционный (20 %); локальный (14 %); либеральный (9 %); демократический (13 %); критический (7 %); глобалистский антипатриотизм (5 %) [37, с. 118–119]. Схожие результаты получили исследователи в Орловской [38, с. 111] и Пензенской областях [39], Армавире [40, с. 32] и др.

Таким образом, в последнее время наблюдается смещение акцента в осмыслении патриотизма — переход от теоретического моделирования, построения абстрактных классификаций к эмпирическому описанию представлений, ориентаций и установок различных социальных групп. Вместе с тем инструментарий такого описания пока недостаточно разработан, а анализ полученной информации часто ограничивается одномерными методами, что не позволяет представить рассматриваемый феномен в объемном измерении.

Данные и методы

Эмпирической базой исследования является анкетный опрос, проведенный в феврале — марте 2023 г. ($N = 554$) с целью выявления ключевых параметров гражданского самосознания студентов нескольких тюменских вузов (Тюменского государственного института культуры, Тюменского государственного университета, Тюменского индустриального университета). Из них 93 % — студенты бакалавриата, 43 % — мужчины, возраст варьируется от 18 до 24 лет. В выборку не попали представители естественно-научных и технических направлений, а также отдельных творческих специальностей. Среди респондентов доминируют экономическая группа профилей («Менеджмент», «Экономика», «Экономическая безопасность»), а также «Бизнес-информатика», «Государственное и муниципальное управление», «Педагогика», «Прикладная информатика», «Сервис», «Таможенное дело», «Туризм», «Юриспруденция» (опрошено по 20–30 студентов).

В анкете предусмотрен отдельный вопрос, включающий 12 пунктов (вариантов ответа) — признаков патриотизма, из которых респондентам было предложено

выбрать наиболее соответствующие их представлениям о патриотизме. Ограничений по количеству отмеченных вариантов не было. В основе данного подхода лежит идея направленных ассоциаций, в частности методика «вынужденных» ассоциаций [41, с. 11]. При составлении возможных вариантов ответов мы опирались на результаты качественных замеров, проводимых авторами с 2005 г. Были выделены ключевые объекты и аспекты понимания патриотизма.

На первом этапе осуществлялся анализ частотных таблиц. Полученные ответы были ранжированы в соответствии с долей отметивших тот или иной вариант в целом по выборке. Количественное распределение пунктов и положение в ранговой таблице сравнивалось с данными аналогичного исследования 2019 г. ($N = 577$).

На втором этапе применялся многомерный анализ с опорой на личностно-ориентированный подход, с помощью которого была описана структура представлений о патриотизме как совокупности ассоциаций, присущих тем или иным сегментам студенческой молодежи. Для его реализации использовался анализ латентных классов [42], позволяющий выявить группы респондентов со схожей комбинацией ответов. При определении оптимального количества кластеров мы ориентировались на информационные критерии и статистики соответствия⁵, а также на показатели вероятности отнесения наблюдения к конкретному кластеру. Параллельно проводился качественный анализ структуры ответов в каждой группе.

Выделенные кластеры на третьем этапе представлялись как независимые выборки в процедурах одномерного дисперсионного анализа и анализа таблиц сопряженности, при этом в качестве зависимых переменных использовались различные показатели гражданственности — патриотическая идентичность, ценностные ориентации, опыт гражданского участия и др.

Результаты исследования

Ядром представлений о патриотизме являются такие его аспекты, как привязанность к родной земле, языку и традициям, гордость за принадлежность к государству, стремление к развитию страны, города, чувство долга, осознание своих обязанностей, — их отметили примерно половина опрошенных (см. таблицу). По сравнению с предыдущим исследованием только ассоциация с государством осталась практически на том же уровне, по остальным наблюдается рост на 5–7 %. Кроме того, зафиксированы изменения в их распределении по рангам.

Несколько актуализировалась темпоральная составляющая и трактовка патриотизма как готовности к защите Отечества от внешних угроз — прирост по этим пунктам составил 7–8 %. Чуть больше респондентов (+5 %) отметили локальную сущность явления — как привязанность к отчему дому, своей малой родине. Остальные признаки, предложенные в анкете, считают важными примерно одинаковые доли участников опросов, по некоторым из них наблюдается незначительное изменение в меньшую сторону. Так, количество считающих данное понятие устаревшим и не имеющим никакого отношения к современности, сократилось с 9 до 6 %.

По результатам применения процедуры анализа латентных классов выделено шесть кластеров, различающихся между собой по характеру и степени насыщенности ассоциативного ряда в отношении категории «патриотизм». Данные сегменты

⁵ Рассчитаны в статистическом пакете R.

Таблица. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Что такое патриотизм с Вашей точки зрения?», %

Варианты ответа	2019 год		2023 год	
	%	ранг	%	ранг
Привязанность к родной земле, языку, традициям	56	1	61	1
Гордость за принадлежность к государству	47	2	48	4
Стремление к развитию своей страны, города	46	3	53	2
Чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей	43	4	50	3
Ощущение причастности, интерес к прошлому, настоящему и будущему своей родины	36	5	44	5
Готовность к защите Отечества от внешних угроз	34	6	41	6
Чувство ответственности за происходящее в стране	33	7	31	8
Привязанность к отчужденному дому (своей малой родине)	27	8	32	7
Готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества	25	9	23	10
Гордость за спортивные достижения России	24	10	23	9
Хорошо выполнять свою работу, дело	19	11	16	11
Это устаревшее понятие и к современной жизни не имеет никакого отношения	9	12	6	12

различаются также по параметрам гражданско-патриотической идентичности, ценностным ориентациям, степени гражданской вовлеченности и участия.

В первую очередь отметим две противоположные группы, условно обозначенные как плюральный и сингулярный профили. На них приходится пятая часть респондентов (21 %). Многовариантность представлений о патриотизме в плюральном кластере (9 %) сочетается с высокими показателями гражданственности. Две трети входящих в данный кластер студентов (67 %) однозначно причисляют себя к патриотам, остальные затруднились ответить на данный вопрос. Опыт гражданского участия в этой группе выше, чем в остальных — девять из десяти имеют такой опыт за последние два года, но по активным формам участия, требующим большей включенности, уступает кластеру, в котором превалирует гражданский образ патриотизма.

Кластер, где наблюдается акцентированная трактовка патриотизма, составил 12 % от выборки. В отличие от плюрального профиля, где респонденты отметили максимальное количество ассоциаций (в среднем по кластеру 9,2), для узкого понимания патриотизма характерно выделение минимума ассоциаций (в большинстве случаев одного или двух). В данном кластере наиболее заметными являются две содержательные позитивные характеристики патриотизма — чувство ответственности за страну и стремление к ее развитию. Характерно также критическое отношение к концепту: более трети считают патриотизм устаревшим понятием, слабо согласующимся с современностью. Здесь зафиксировано наименьшее количество молодых людей, относящих себя к патриотам (21 %). Кроме того, в этой группе респондентов

Рис. Кластеры и соответствующие им содержательные профили патриотизма (по результатам опроса 2023 г.)

наблюдаются минимальные показатели гражданственности и уровня гражданской активности (38 % не имеют опыта гражданского участия за последние два года).

Содержательные профили патриотизма можно разделить на две группы. Два из них (государственный и культурно-исторический) близки по параметрам гражданственности и гражданской активности к сингулярному профилю, тогда как охранительный и гражданский ближе к плюральному (см. рисунок).

Представление о патриотизме как гордости за принадлежность к государству, сочетающейся с чувством долга и осознанием своих гражданских обязанностей, является ключевым для профиля, обозначенного как государственный (18 %). В этом кластере наблюдаются невысокие показатели гражданской самоидентификации и средний по сравнению с другими уровень активности в гражданско-политической сфере — 22 % не имеют такого опыта, но по большинству форм участия показатели близки к средним по выборке. Данная группа характеризуется сравнительно низкой степенью патриотического самосознания. В ней каждый пятый (20 %) не считает себя патриотом — это выше, чем в целом по выборке (13 %). Однозначно к патриотам себя причисляют 37 %, затруднились с ответом 43 %.

Культурно-исторический профиль (21 %) включает студентов, для которых определяющими в понимании патриотизма являются традиционалистские ассоциации — земля, язык, малая родина, отчий дом. Однако наряду с органической трактовкой респонденты также считают важными характеристиками патриотизма ощущение причастности к истории, настоящему и будущему страны, стремление развивать ее. Показатели гражданской самоидентификации в данном кластере находятся

на среднем уровне и близки к предыдущему. Однако по двум формам активности показатели выше, чем в других кластерах, а именно: участие в социальных проектах, волонтерство (52 % против 21–47 %), голосование на выборах (20 % против 4–17 %). Всего 10 % указали на отсутствие опыта участия в гражданских практиках.

Довольно малочисленной является группа (10 %), которая ассоциирует патриотизм в категориях, максимально приближенных к его гражданской сущности, — с гражданским типом патриотизма. Молодые люди, составившие данный кластер, связывают патриотизм прежде всего со стремлением развивать свою страну, город, с интересом и ощущением причастности к прошлому, настоящему и будущему своей родины, а также с такими важными для гражданского патриотизма характеристиками, как чувство ответственности, долга, осознание гражданских обязанностей.

Характерной для данной группы особенностью является более выраженная по сравнению с другими ассоциация с одним из аспектов повседневного патриотизма — необходимость хорошо выполнять свою работу, дело отметил каждый третий, тогда как в других группах этот вариант практически не выбирался. На минимуме оказались и эссенциалистские представления, основанные на органической трактовке данного явления и апеллирующие к первичным социальным привязанностям, соответствующим объектам и социокультурным подсистемам.

Гражданское самосознание в данном сегменте неоднородно. По показателям принадлежности и привязанности оно находится в среднем диапазоне и близко к двум предыдущим кластерам, а по темпоральным ориентациям и уровню вовлеченности — на высоком уровне. По большинству форм гражданского участия данный сегмент превосходит другие, исключение составляет участие в выборах. Данный опыт отметили лишь 4 %, тогда как в целом по выборке — 14 %. В других кластерах в выборах участвовало от 11 до 20 % ответивших. Показатели патриотической самоидентификации данного и предыдущего кластеров аналогичны: 50 % считают себя патриотами, 8 % не считают, остальные 42 % затруднились с ответом.

Для следующего профиля (охранительный патриотизм) характерна многовариантность характеристик патриотизма. Тем не менее «готовность к защите Отечества от внешних угроз» является определяющей. Данная группа составляет почти треть опрошенных (30 %), она наиболее приближена к целевой модели, закрепленной в действующей программе патриотического воспитания и фактически реализуемой в рамках политики по формированию патриотизма.

Данный кластер демонстрирует показатели принадлежности и привязанности выше средних по выборке и средний уровень по темпоральным ориентациям и вовлеченности. Опыт гражданского участия по большинству форм ниже, чем в целом по выборке, 22 % респондентов вообще его не имеют. В этой группе доля тех, кто считает себя патриотом и «непатриотом», больше, чем в других кластерах (58 и 13 % соответственно), а доля неопределившихся меньше (28 %).

Обсуждение и выводы

По результатам исследований наблюдается устойчивая связь с базовыми социокультурными привязанностями (с землей, языком, традициями) и государством как основа представлений студенческой молодежи о патриотизме. К ядру представлений также можно отнести стремление развивать страну, город; осознание

долга и гражданских обязанностей; причастность к прошлому, настоящему и будущему страны; готовность к защите Отечества от внешних угроз. Большинство из перечисленных позиций концептуально ближе к гражданским смыслам данного феномена. Причем наблюдается довольно заметная их актуализация по сравнению с исследованием 2019 г., при этом иные параметры, которые условно можно отнести к периферии, варьируются менее существенно.

Как показал анкетный опрос, представления о патриотизме неоднородны, значительно различаются не только по содержательному наполнению, но и по степени насыщенности образа. С помощью анализа латентных классов выделены шесть кластеров, имеющих однородную структуру представлений о патриотизме, — профили патриотизма. Не поддающиеся содержательной интерпретации профили — плюральный, характеризующий расширенное понимание, и сингулярный, акцентированный на одном-двух признаках, составили чуть больше одной пятой части выборки. Охранительный, культурно-исторический и государственный профили составляют ядро представлений (около 70 % от выборки). Они довольно схожи между собой, но имеют особые акценты. Гражданский смысл в восприятии патриотизма четко прослеживается лишь у каждого десятого опрошенного.

Описаны сходства и различия гражданско-патриотических ориентаций и опыта гражданского участия представителей выделенных кластеров. На основании результатов исследования можно также сделать вывод об отсутствии прямой связи между представлениями о патриотизме и гражданско-патриотическими ориентациями. Однако характер этой связи может существенно различаться в разных группах. Так среди тех, у кого доминирующими в образе являются гражданские и охранительные коннотации, наиболее выражены гражданско-патриотические установки и гражданское участие. Но привязка патриотизма к принадлежности государству, судя по результатам исследования, не является фактором, повышающим гражданскую активность и чувство патриотизма.

Большинство гипотез исследования не подтвердилось, что может говорить о размытости представлений о патриотизме (образа патриотизма). Например, доминирование гражданского образа патриотизма не является определяющим в гражданской активности, гражданских ценностях и идентичности.

Методика исследования, полученный в ходе его проведения эмпирический материал, а также методы анализа данных могут быть использованы в практике реализации молодежной политики, направленной на формирование гражданственности и патриотизма, прежде всего в рамках подсистемы аналитического сопровождения.

Литература

1. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200–208. <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20>
2. Ariely G. Measuring dimensions of national identity across countries: Theoretical and methodological reflections // National Identities. 2020. Vol. 22, no. 3. P. 265–282. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1694497>
3. Bitschnau M., Mußotter M. (National) pride and (conceptual) prejudice: Critical remarks on the distinction between patriotism and nationalism // Journal of Political Ideologies. 2024. Vol. 29. P. 64–78. <https://doi.org/10.1080/13569317.2022.2096301>
4. Brubaker R. In the name of the nation: Reflections on nationalism and patriotism // Citizenship Studies. 2004. Vol. 8, no. 2. P. 115–127. <https://doi.org/10.1080/1362102042000214705>

5. Huddy L., Del Ponte A., Davies C. Nationalism, patriotism, and support for the European Union // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. P. 995–1017. <https://doi.org/10.1111/pops.12731>
6. Westheimer J. Politics and patriotism in education // *Phi Delta Kappan*. 2006. Vol. 87, no. 8. P. 608–620. <https://doi.org/10.1177/003172170608700817>
7. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13, № 4. С. 31–43.
8. Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>
9. Kahne J. Patriotism good for democracy? A study of high school seniors' patriotic commitments // *Phi Delta Kappan*. 2006. Vol. 87, no. 8. P. 600–607. <https://doi.org/10.1177/003172170608700815>
10. Straughn J. B., Andriot A. L. Education, civic patriotism, and democratic citizenship: Unpacking the education effect on political involvement // *Sociological Forum*. 2011. Vol. 26, no. 3. P. 556–580. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x>
11. Smith S. B. Patriotism as loyalty // *Social Research: An International Quarterly*. 2019. Vol. 86, no. 3. P. 583–605. <https://doi.org/10.1353/sor.2019.0030>
12. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // *Гуманитарий Юга России*. 2019. Т. 8, № 2. С. 47–66. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3>
13. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11>
14. Фан И. Б. Гражданственность в публичном дискурсе России // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2021. Т. 15, № 1. С. 74–83.
15. Фан И. Б. Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии // *Дискурс-Пи*. 2013. Т. 10, № 1–2. С. 147–154.
16. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, no. 1. P. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
17. Davidov E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP // *International Journal of Public Opinion Research*. 2011. Vol. 23, no. 1. P. 88–103. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edq031>
18. Schatz R. T. A review and integration of research on blind and constructive Patriotism // Sardoc M. (ed.). *Handbook of Patriotism*. Berlin: Springer, 2018. P. 1–19. https://doi.org/10.1007/978-3-319-30534-9_30-1
19. Palumbo A. Patriotism and pluralism: Identification and compliance in the post-national polity // *Ethics & Global Politics*. 2009. Vol. 2, no. 4. P. 321–348. <https://doi.org/10.3402/egp.v2i4.2002>
20. Магарил С. А. Смыслы патриотизма — исторические трансформации // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 142–151.
21. Dausé F., Laruelle M., Huérou A. L., Rousselet K. Introduction: What does it mean to be a patriot? // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67, no. 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.986964>
22. Kalinina E. Becoming patriots in Russia: Biopolitics, fashion, and nostalgia // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45, no. 1. P. 8–24. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1267133>
23. Gavrilyuk T., Malenkov V. Russian working class youth media representation: the discourse analysis experience // *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research*. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. Ekaterinburg, 2020. P. 289–294.
24. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2. С. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.2078>
25. Нартова Н. А., Саблина А. А., Кузинер Е. Н., Петрунина Д. С. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России // *Журнал исследований социальной политики*. 2022. Т. 20, № 1. С. 7–22.
26. Майборода А., Саблина А., Ясавеев И.* Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России // *Социологическое обозрение*. 2021. № 20 (3). С. 71–97.

*Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

27. Ясавеев И. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Социологическое обозрение. 2016. № 15 (3). С. 49–67.
28. Гончарова Н. В., Ясавеев И. Г. Конструирование смыслов поисковой работы в России: лейтмотивы властей и участников экспедиций // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173>
29. Омельченко Е. Л. Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи // С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / под ред. Е. Омельченко и Х. Пилкингтон. Ульяновск: УлГУ, 2012. С. 261–310.
30. Касамава В. А., Сорокина А. А. «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 99–110.
31. Омельченко Д. А., Омельченко Е. Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 309–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317>
32. Goode P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia // Kolsto P., Blakkisrud H. (eds). Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 258–281. <https://doi.org/10.1515/9781474433877-016>
33. Krupets Ya., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. Imagining young adults' citizenship in Russia: From fatalism to affective ideas of belonging // Journal of Youth Studies. 2017. Vol. 20, no. 2. P. 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
34. Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Факторы формирования патриотических ценностей и установок у старших школьников (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 3. С. 559–578. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578>
35. Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Соотношение структуры идентичности и моделей патриотизма у старших школьников сибирских регионов // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 49–60. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60>
36. Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р., Ключева Т. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 63–78. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-63-78>
37. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643>
38. Каира Ю. В., Кондратова Е. К. Ценности патриотизма молодежи как ресурс социального развития общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 6. С. 106–123. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-106-123>
39. Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Дубина А. Ш. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 76–88. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-8>
40. Ктиторов С. Н., Пелих А. Л., Хлопкова В. М., Шнайдер В. Г. Исследование сформированности духовных ценностей, патриотизма и гражданственности у студентов и преподавателей педагогического вуза // Перспективы науки и образования. 2023. № 3 (63). С. 27–49. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.2>
41. Бовина И. Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
42. Magidson J., Vermunt J. K. Latent class models // Kaplan D. (ed.) The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences. Thousands Oakes: Sage, 2004. P. 175–198. URL: <https://pure.uvt.nl/ws/files/624151/kaplan2004.PDF> (дата обращения: 17.08.2023).

Статья поступила в редакцию 19 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Маленков Вячеслав Викторович — канд. социол. наук, доц.; vvmalenkov@gmail.com
Мальцева Наталья Владимировна — канд. социол. наук, доц.; n.v.malceva@utmn.ru

Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen

V. V. Malenkov, N. V. Maltseva

Tyumen State University,
6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russian Federation

For citation: Malenkov V. V., Maltseva N. V. Profiles of patriotism represented in students' consciousness in Tyumen. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 159–174. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.203> (In Russian)

Studying the profiles of patriotism and their representations in students' consciousness is relevant in terms of updating patriotic education aimed at developing civic potential, sustaining civicism. The aim of the article is to describe the structure of students' perceptions of patriotism, to identify the scale of different representations of patriotism, their correlation with civic consciousness and various forms of social and political activity. The empirical study is based on the questionnaire survey carried out among university students in Tyumen in February – March 2023 ($N = 554$). At the first stage, the data was processed through frequency table analysis and ranking method. The obtained results were compared to those of the 2019 study ($N = 577$). At the second stage, clusters of respondents with different ideas about patriotism were identified through latent class analysis. The analysis of contingency tables and one-way analysis of variance found differences in the ideas of civic and patriotic consciousness, and civic engagement. The results showed a strong connection with basic socio-cultural attachments (homeland, language, traditions) as components of students' perceptions of patriotism, and a traditional close correlation between patriotism and the nation/state. The core perceptions also included aspiration for the development of one's country; a sense of duty, awareness of one's civic responsibilities; a feeling of involvement in the past, the present and the future of one's homeland; readiness to defend one's homeland against external threats. The four content profiles of patriotism were identified: national, cultural and historical, protective, civic, and two profiles, i. e. plural and singular, characterised by broad and narrow understandings of patriotism. The article describes similarities and differences of civic and patriotic ideas and experience of civic engagement.

Keywords: patriotism, civicism, civic patriotism, civic values, student youth.

References

1. Selezneva, A. V. Patriotism as a political value: Political psychological analysis. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 200–208. <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20> (In Russian)
2. Ariely, G. Measuring dimensions of national identity across countries: Theoretical and methodological reflections. *National Identities*, 2020, vol. 22, no. 3, pp. 265–282. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1694497>
3. Bitschnau, M., Mußotter, M. (National) pride and (conceptual) prejudice: Critical remarks on the distinction between patriotism and nationalism. *Journal of Political Ideologies*, 2024, vol. 29, pp. 64–78. <https://doi.org/10.1080/13569317.2022.2096301>
4. Brubaker, R. In the name of the nation: Reflections on nationalism and patriotism. *Citizenship Studies*, 2004, vol. 8, no. 2, pp. 115–127. <https://doi.org/10.1080/1362102042000214705>
5. Huddy, L., Del Ponte, A., Davies, C. Nationalism, patriotism, and support for the European Union. *Political Psychology*, 2021, vol. 42, pp. 995–1017. <https://doi.org/10.1111/pops.12731>
6. Westheimer, J. Politics and patriotism in education. *Phi Delta Kappan*, 2006, vol. 87, no. 8, pp. 608–620. <https://doi.org/10.1177/003172170608700817>
7. Martynov, M. Yu., Gaberkorn, A. I. How do we measure patriotism? On the conceptualization of the concept. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 31–43. (In Russian)
8. Martynov, M. Yu., Fadeyeva, L. A., Gaberkorn, A. I. Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 2020, no. 2, pp. 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08> (In Russian)

9. Kahne, J. Patriotism good for democracy? A study of high school seniors' patriotic commitments. *Phi Delta Kappan*, 2006, vol. 87, no. 8, pp. 600–607. <https://doi.org/10.1177/003172170608700815>
10. Straughn, J. B., Andriot, A. L. Education, civic patriotism, and democratic citizenship: Unpacking the education effect on political involvement. *Sociological Forum*, 2011, vol. 26, no. 3, pp. 556–580. <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2011.01262.x>
11. Smith, S. B. Patriotism as loyalty. *Social Research: An International Quarterly*, 2019, vol. 86, no. 3, pp. 583–605. <https://doi.org/10.1353/sor.2019.0030>
12. Lubskii, A. V. Patriotism and citizenship in Russian society, or How to overcome the deficiency of citizenship in Russian patriotism. *Humanitarians of the South of Russia*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 47–66. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3> (In Russian)
13. Malenkov, V. V. Patriotism, civicism in politics and identity of youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2022, no. 67, pp. 120–131. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11> (In Russian)
14. Fan, I. B. Civic consciousness in Russian public discourse. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 74–83. (In Russian)
15. Fan, I. B. The discourse of patriotism: From diversity to monopoly. *Discourse-P*, 2013, vol. 10, no. 1–2, pp. 147–154. (In Russian)
16. Schatz, R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 1999, vol. 20, no. 1, pp. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
17. Davidov, E. Nationalism and constructive patriotism: A longitudinal test of comparability in 22 countries with the ISSP. *International Journal of Public Opinion Research*, 2011, vol. 23, no. 1, pp. 88–103. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edq031>
18. Schatz, R. T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: Sardoc M. (ed.). *Handbook of Patriotism (pp. 1–19)*. Cham, Springer, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-30534-9_30-1
19. Palumbo, A. Patriotism and pluralism: Identification and compliance in the post-national polity. *Ethics & Global Politics*, 2009, vol. 2, no. 4, pp. 321–348. <https://doi.org/10.3402/egp.v2i4.2002>
20. Magaril, S. A. Meanings of patriotism — historical transformations. *Sociological Studies*, 2016, no. 1, pp. 142–151. (In Russian)
21. Daucé, F., Laruelle, M., Huérou, A. L., Rousselet, K. Introduction: What does it mean to be a patriot? *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 1, pp. 1–7.
22. Kalinina, E. Becoming patriots in Russia: Biopolitics, fashion, and nostalgia. *Nationalities Papers*, 2017, vol. 45, no. 1, pp. 8–24.
23. Gavrilyuk, T., Malenkov, V. Russian working class youth media representation: the discourse analysis experience. In: *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan (pp. 289–294)*. Ekaterinburg, 2020. (In Russian)
24. Omelchenko, E. L., Lisovskaya, I. V. Youth as a barometer of the future? The youth agenda in contemporary Russia as viewed by youth policy experts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 2, pp. 66–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078> (In Russian)
25. Nartova, N., Sablina, A., Kuziner, E., Petrunina, D. Analysis of discursive regimes of transition to adulthood in the normative documents of youth policy in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 7–22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22> (In Russian)
26. Maiboroda, A., Sablina, A., Yasaveev, I.* The state for youth or youth for the state: Discourses of youth policy in the EU and Russia. *Russian Sociological Review*, 2021, no. 20 (3), pp. 71–97. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-3-71-97> (In Russian)
27. Jasaveev, I. Motifs of government rhetoric on youth in Russia. *Russian Sociological Review*, 2016, no. 15 (3), pp. 49–67. (In Russian)
28. Goncharova, N. V., Yasaveev, I. G. The meanings of WW2 search work in Russia in the rhetoric of state authorities and the searchers themselves. *Universe of Russia*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 153–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-153-173> (In Russian)
29. Omelchenko, E. L. How to teach to love the homeland? Discursive practices of patriotic education of youth. In: Omelchenko E., Pilkington H. (eds). *Where Does the Homeland Begin: Youth in the Labyrinths of Patriotism*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University Press, 2012, pp. 261–310. (In Russian)
30. Kasamara, V., Sorokina, A. “Where does the motherland begin”: Perceptions of patriotism among university students. *Social Sciences and Contemporary World*, 2016, no. 6, pp. 99–110.

*Recognized as a foreign agent in the Russian Federation.

31. Omelchenko, D. A., Omelchenko, E. L. In search of home. The regional identity of young Kaliningraders: Life strategies and migration intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2022, no. 6, pp. 309–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2317> (In Russian)
32. Goode, P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. In: *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity. 2010–2017*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2018, pp. 258–281. <https://doi.org/10.1515/9781474433877-016>
33. Krupets, Ya., Morris, J., Nartova, N., Omelchenko, E., Sabirova, G. Imagining young adults' citizenship in Russia: From fatalism to affective ideas of belonging. *Journal of Youth Studies*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 252–267. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>
34. Aseev, S. Yu., Shashkova, Ya. Yu. Factors in the formation of patriotic values and attitudes in high school seniors (case study of Siberian federal district). *Integration of Education*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 559–578. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578> (In Russian)
35. Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. Correlation of identity structure and patriotism patterns among high school students in Siberian regions. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, 2023, no. 2, pp. 49–60. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60> (In Russian)
36. Shinyaeva, O. V., Akhmetshina, E. R., Klyueva, T. V. Patriotism and civic positions of students of higher educational institutions in the context of social modernization. *Proceedings of Tula State University. Humanities*, 2021, no. 3, pp. 63–78. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-3-63-78> (In Russian)
37. Ivchenkov, S. G., Sayganova, E. V. Values and their influence on the perception of patriotism among young people. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2020, vol. 1, no. 2, pp. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643> (In Russian)
38. Kaira, Yu. V., Kondratova, E. K. The values of patriotism of the youth of the Russian Federation as a resource for the social development of society. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 17, no. 6, pp. 106–123. (In Russian)
39. Rozhkova, L. V., Sal'nikova, O. V., Dubina, A. Sh. The structure and dynamics of patriotic values of modern student youth. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2023, no. 1, pp. 76–88. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-8> (In Russian)
40. Ktitorov, S. N., Pelikh, A. L., Khlopkova, V. M., Schneider, V. G. The study of the formation of spiritual values, patriotism and citizenship among students and teachers of a pedagogical university. *Perspectives of Science and Education*, 2023, vol. 63, no. 3, pp. 27–49. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.3.2> (In Russian)
41. Bovina, I. B. Specific of approaches to social representations analysis. *Sociological Journal*, 2011, no. 3, pp. 5–23. (In Russian)
42. Magidson, J., Vermunt, J. K. Latent class models. In: Kaplan D. (ed.). *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences*. Thousand Oaks, Sage, 2004, pp. 175–198. Available at: <https://pure.uvt.nl/ws/files/624151/kaplan2004.PDF> (accessed: 17.08.2023).

Received: October 19, 2023

Accepted: April 28, 2024

Authors' information:

Vyacheslav V. Malenkov — PhD in Sociology; vmalenkov@gmail.com

Natalya V. Maltseva — PhD in Sociology; n.v.malceva@utmn.ru

Почему граждане России не доверяют США: анализ данных Всемирного исследования ценностей

Р. С. Мухаметов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Для цитирования: Мухаметов Р. С. Почему граждане России не доверяют США: анализ данных Всемирного исследования ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 175–191. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.204>

Данные опросов общественного мнения в России показывают, что большинство россиян отрицательно относится к США. В этих условиях представляется интересным понять истоки антиамериканских настроений в российском обществе. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить факторы, которые объясняют природу антиамериканизма в массовом сознании граждан страны. Источником информации стали данные седьмой волны «Всемирного исследования ценностей». Автор предпринял попытку эмпирической проверки ряда рабочих гипотез, сформулированных на основных положениях теории постматериалистических ценностей Р. Инглхарта, концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, а также гипотезы козла отпущения и теории относительной депривации и фрустрации. Полученные данные свидетельствуют о том, что, чем больше граждане считают Россию принадлежащей к европейской цивилизации, тем выше у них доверие к США. Статистический анализ демонстрирует, что для тех лиц, кто придерживается точки зрения, что Россия представляет собой самостоятельную/евразийскую цивилизацию, характерно негативное отношение к США. Показано, что антиамериканизм в России не зависит от ценностей, которых придерживаются граждане (традиционных или постматериалистических). Обнаружено, что тезис о том, что граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, с большей вероятностью перенесут это недовольство на Вашингтон, не получил эмпирического подтверждения. Важным результатом данного исследования является то, что уровень антиамериканизма у женщин выше, чем у мужчин. В статье подчеркивается, что лица с более высоким уровнем образования менее критично настроены в отношении Соединенных Штатов.

Ключевые слова: антиамериканизм, общественное мнение, внешняя политика США, столкновение цивилизаций, гипотеза козла отпущения.

Введение

Российские полстеры (компании, которые специализируются на проведении маркетинговых и социологических исследований, изучении общественного мнения) сообщают, что **большинство россиян относится к США плохо (71 %)**, что является наиболее высоким показателем отрицательного отношения за весь постсоветский период [1]. Откуда берутся антиамериканские настроения в российском обществе? Почему и в какой степени россияне негативно относятся к США? Цель настоящей работы состоит в том, чтобы определить факторы, которые объясняют

природу антиамериканизма в массовом сознании граждан страны. Необходимо отметить, что под антиамериканизмом в этой статье понимается набор отрицательных взглядов на американские ценности и символы, культуру в целом, экономико-политическую систему США, американский образ жизни.

Данная работа не является первым исследованием, которое стремится найти истоки антиамериканизма в России. Среди существующих объяснений можно выделить несколько подходов. Во-первых, существует группа геополитических трактовок. Природа антиамериканских настроений связана с привычными/традиционными представлениями о противоречии интересов двух государств, соревновании за ведущую роль в мире, конфронтации двух великих держав [2]. Во-вторых, есть конъюнктурные интерпретации, в рамках которых отношение россиян к США зависит от информационного фона [3]. Причины антиамериканизма в российском обществе носят ситуативный характер, эти настроения являются реакцией на внешнюю политику США или на ее отдельные проявления, их динамика зависит от состояния межгосударственных отношений двух стран [4]. Исследователи подчеркивают, что отношение граждан к США меняется параллельно с изменениями внешнеполитического курса России по отношению к заокеанскому партнеру [5]. В-третьих, практикуется социологический подход. Российский антиамериканизм представляет собой совокупность механизмов негативной идентификации — самоопределения или самоконституции от противоположного. Антиамериканизм усиливается в ситуациях кризиса легитимности господства политической системы, являясь эффективным средством мобилизации и консолидации населения вокруг власти. Антиамериканизм блокирует у россиян возможность критического обсуждения политики собственного руководства, закрывая саму возможность ставить вопрос об ответственности власти перед населением [6]. В-четвертых, существует социально-психологический подход. Ряд исследователей считает, что разочарование/фрустрация (эмоциональная и идеологическая неудовлетворенность) результатами политических и экономических реформ 1990-х тесно связаны с антиамериканскими настроениями среди российского населения. Первоначальной движущей силой российского антиамериканизма было разочарование российского населения (особенно элиты) в связи с неудачными попытками вестернизации страны, тесно связанной с Соединенными Штатами [7; 8]. Наконец, есть инструментально-рациональный подход. Как отмечают теоретики данной точки зрения, ненависть является результатом политического рынка, на котором корыстные политические предприниматели (поставщики) взаимодействуют с обычными гражданами (потребителями). Политики питают ненависть, если она дополняет их политику. Ненависть не является врожденной, а представляет собой порождение конкретных политических субъектов, которые сталкиваются со стимулами для разжигания ненависти [9]. Исследователи отмечают, что антиамериканизм используется российской правящей элитой для, во-первых, обеспечения более широкой массовой поддержки и мобилизации общественного мнения; во-вторых, обоснования проведения ограничительной, запретительной, превентивно-защитной политики [10]. Современное российское антизападничество детерминировано рациональными интересами элиты, связанными со стремлением обеспечить консервацию существующего уровня распределения власти, а также образ Запада как врага призван «канализировать страх

и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями» [11].

Таким образом, обзор литературы свидетельствует о том, что изучение российского антиамериканизма является актуальным направлением академических исследований. В то же время существующие работы обладают определенными ограничениями. Во-первых, часть из них посвящена элементарному описанию динамики изменения отношения граждан страны к США [12]. Во-вторых, основываясь на проведенных фокус-группах, предшествующие статьи показывают восприятие россиянами Соединенных Штатов. Данной работой мы вносим свой вклад в дискуссию об истоках и природе антиамериканизма в России на основе социологического опроса, проведенного в 2017 г. в рамках седьмой волны «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey).

Доверие/недоверие: концептуальные рамки

В настоящее время сложился консенсус относительно определения доверия. Описанный в сходных терминах рядом ученых термин «доверие» рассматривается как психологическое состояние, включающее намерение принять уязвимость, основанное на позитивных ожиданиях относительно намерений или поведения другого человека [13; 14]. Склонность к доверию означает степень, в которой человек демонстрирует постоянную тенденцию быть готовым зависеть от других людей в широком спектре ситуаций [15]. Доверие — это убежденность в том, что противоположная сторона может выполнять свои обязательства надежно и уверенно [16].

Гораздо меньше согласия существует относительно того, как следует концептуализировать недоверие. Большинство исследователей определяют доверие и недоверие как феномены на противоположных концах единой непрерывной конструкции. Низкое доверие рассматривается как эквивалент высокого недоверия и наоборот [17]. Недоверие рассматривается главным образом как отсутствие доверия. С этим тезисом не согласна другая часть исследователей, которые концептуализируют доверие и недоверие как отдельные, независимые, но связанные конструкции, в которых низкое недоверие не является высоким доверием, а высокое недоверие — это не то же самое, что низкое доверие [18, p. 425]. Другими словами, недоверие — это не просто отсутствие доверия, но активное ожидание того, что другая сторона будет подвергаться рискам чьи-либо благополучие и безопасность.

Высокое доверие включает надежду, веру или уверенность, высокое недоверие характеризуется страхом, подозрительностью или цинизмом. Низкое доверие лучше всего рассматривать как недостаток веры или надежды, а не как высокую подозрительность или страх. Аналогичным образом низкое недоверие рассматривается как отсутствие подозрительности или страха, а не как признак высокой веры или надежды [19]. Можно согласиться с Н. Луманом (N. Luhmann), который считает, что доверие рассматривается как «положительное ожидание благоприятного поведения партнера», недоверие — это «положительное ожидание вредных действий» [20, p. 72].

Недоверие — это вера в то, что партнер будет некомпетентен, проявит безответственное поведение, нарушит обязательства и не будет заботиться о чьем-либо благополучии или даже будет намерен причинить вред [21]. Это означает, что агент

будет действовать исключительно в своих собственных интересах, пренебрегая интересами партнера, несмотря на любое чувство вины или даже то, что обеспечение собственных интересов может включать вовлечение в поведение, наносящее ущерб партнеру [22]. По мнению П. Штомпки (P. Sztompka), культура недоверия характеризуется повсеместной, всеобщей атмосферой подозрительности, ведущей к отчуждению и пассивности [23, р. 22]. Объекту недоверия приписываются такие качества, как конфронтационность, лукавство, враждебность, отсутствие заботы и уважения к другим, а также эгоистичное и безответственное поведение [24].

Недоверие — это суждение или ожидание нежелательного поведения партнера, возникающее в результате полученной информации о его намерениях и действиях. Исследователи выделяют четыре недоверчивых убеждения, относящиеся:

1) к компетентности, то есть убеждению в том, что партнер не обладает компетенцией или властью, позволяющими им добиться успеха;

2) доброжелательности, то есть убеждению в нежелании действовать в интересах партнера;

3) честности — убеждению в том, что партнер действует недобросовестно, не говоря правды или не выполняя обещаний;

4) предсказуемости, то есть убеждению в том, что действия партнера недостаточно последовательны, чтобы быть предсказуемыми в конкретном контексте [25].

Детерминанты антиамериканизма: теоретические рамки и рабочие гипотезы

Существует несколько подходов к объяснению антиамериканских настроений у граждан.

Первый теоретический подход — это концепция постматериалистических ценностей. Термин «постматериализм» впервые был введен американским социологом Р. Инглхартом (R. Inglehart). Во второй половине XX в. в западных странах произошло изменение системы социокультурных ценностей и норм благодаря социально-экономической модернизации. До 1970-х гг. для людей были приоритетом так называемые материалистические ценности (физическое выживание, экономический рост и поддержание порядка). При низком уровне экономической безопасности важны сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильному лидеру. Низкий уровень жизни является благодатной почвой для развития ксенофобии, авторитаризма и традиционных норм. После Второй мировой войны в результате модернизации произошел сдвиг от материальных установок к постматериальным ценностям, от ценностей выживания — к индивидуальному самовыражению. Постматериалисты придают первостепенное значение таким целям, как защита окружающей среды, права человека, гендерное равенство. Высокий уровень жизни приносит более толерантный и открытый взгляд на мир [26; 27]. По мнению С. Хантингтона (S. Huntington), сегодня в США доминируют такие понятия, как глобализация, мультикультурализм (отказ от англо-протестантской культуры, утверждение многообразия культур), космополитизм (открытое общество с прозрачными границами, которое поощряет субнациональные, этнические, расовые и культурные идентичности, с элитой,

которая идентифицирует себя с глобальными мировыми институтами) [28]. Исходя из этого, антиамериканизм проистекает из реакции на вызовы, который бросает индивидуалистический/постматериалистический этос США традиционным системам господства и нормам.

Таким образом, из вышеназванных теоретических рассуждений можно заключить, что лица, которые придерживаются постматериалистических ценностей, больше доверяют США / менее критично настроены к Америке (гипотеза 1).

Второй подход связан с религиозным и культурным объяснением антиамериканизма. Данное теоретическое направление фокусируется на том, как религиозные идентичности могут быть социально сконструированы таким образом, чтобы создавать антагонистические линии разлома между США и конкретной страной или группой государств. На теоретическом уровне второй подход представлен концепцией столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Основная мысль ученого состоит в том, что в мире после холодной войны наиболее важными являются не идеологические, экономические и политические, а культурные различия между людьми. В постбиполярном мире наиболее масштабные конфликты произойдут между народами, которые принадлежат к разным цивилизациям (наивысшим культурным общностям людей, центральными элементами которых выступают религия и язык). С. Хантингтон выделяет девять цивилизаций — западную, православную, японскую, исламскую, конфуцианскую, буддийскую, индуистскую, латиноамериканскую и африканскую [29].

В России сложилось несколько внешнеполитических школ, которые различаются между собой и по вопросу о цивилизационной принадлежности страны. Важно подчеркнуть, что ни в российской, ни в западной литературе не существует общепризнанной классификации отечественных направлений внешнеполитической мысли. Так, одни специалисты говорят о двух школах (прозападная либерально ориентированная и консервативно-традиционалистская) [30], вторые — трех (западная, государственно-державная и цивилизационная) [31], другие — четырех-пяти (неоатлантисты, неоевразийцы, геополитики и реалисты, глобалисты) [32]. Эти школы подчеркивают разный уровень культурного/цивилизационного отличия России от стран ЕС и Северной Америки. Сторонники европейского выбора делают акцент на сходстве России с западными странами и рассматривают так называемый Запад, его модель политического и экономического развития в качестве примера для подражания/копирования. К противоположной точке зрения относятся те, кто позиционирует Россию либо как отдельную цивилизацию с аутентичной системой ценностей, базирующуюся на нормах православия, либо как евразийскую, основанную на органическом синтезе христианских и мусульманских культур. Приверженцы этой школы рассматривают распространение западных ценностей и норм как угрозу безопасности страны в культурно-информационной сфере.

Таким образом, исходя из теоретических соображений, изложенных выше, можно ожидать, что лица, которые считают, что Россия принадлежит европейской/западной цивилизации, больше доверяют США / менее критично настроены к Америке (гипотеза 2).

Третий подход, объясняющий антиамериканизм, основывается на концепции козла отпущения. Истоки антиамериканизма следует искать в социально-психологическом механизме, который побуждает людей переносить недовольство

положением дел в своих странах на США. Теория козла отпущения (Scapegoat Theory) относится к тенденции обвинять кого-то другого в своих собственных проблемах. «Козел отпущения» — это крайняя форма предубеждения, при которой внешняя группа несправедливо обвиняется в том, что она намеренно причинила несчастье внутренней группе. Поиск козла отпущения — это социально-психологический процесс, посредством которого человек или группа лиц перекладывает вину за свои проблемы и неудачи на других. Это акт обвинения внешней группы, когда внутренняя группа испытывает разочарование или сталкивается с непреодолимыми препятствиями в достижении цели [33]. Можно обозначить два подхода к поиску козла отпущения, которые проистекают из разных психологических теорий. Согласно первому (психодинамическому) подходу, разочарование и чувство вины являются неизбежными последствиями ограничений обществом инстинктивных побуждений индивидов, особенно в отношении секса и агрессии. Для исключения социального хаоса люди должны быть социализированы (преимущественно родителями), чтобы ограничить свои естественные импульсы и перенаправить их на социально одобряемые дела [34]. В отличие от психодинамической точки зрения, теория фрустрации — агрессии характеризовала агрессию как следствие фрустрации. Первоначальная формулировка гипотезы фрустрации — агрессии гласила, что «возникновение агрессивного поведения всегда предполагает наличие фрустрации и, наоборот, наличие фрустрации всегда приводит к той или иной форме агрессии» [35, р. 1]. Через пару лет исследователи уточнили формулировку, заявив, что «фрустрация вызывает подстрекательство к агрессии, но это не единственный тип подстрекательства, который она может вызвать» [36, р. 339].

Важно отметить, что гипотеза козла отпущения имеет сложную теоретическую основу. На психологическом уровне она базируется на теории относительной депривации. Она предполагает, что люди, которые чувствуют, что их лишают чего-то, что считается важным в их обществе (например, денег, прав, политического голоса, статуса), организуют или присоединяются к общественным движениям, направленным на получение того, чего они чувствуют себя лишенными. Т. Гарр (T. Gurr) объясняет связь между относительной депривацией и политическим насилием. Он исследует вероятность того, что механизм фрустрации — агрессии, запускаемый чувством относительной депривации (несправедливым лишением чего-то или неудовлетворенностью своим положением), является основным источником человеческой способности к насилию. Т. Гарр утверждает, что, чем дольше отдельные люди или группы подвергаются относительным лишениям, тем больше вероятность того, что их разочарование приведет к гневу и, в конечном счете, к насилию [37].

Таким образом, получается, что люди, которые удовлетворены своим социально-экономическим статусом, менее склонны обвинять США, потому что они не чувствуют необходимости проецировать свое разочарование, которого нет или которое находится на минимуме, на какую-то другую страну. Ожидается, что граждане, не удовлетворенные своим материальным положением, с большей вероятностью не доверяют США (гипотеза 3).

Методы исследования и источники данных

Проверка сформулированных в настоящем исследовании рабочих гипотез осуществляется регрессионным анализом (статистическим методом, используемым для оценки взаимосвязи между зависимой переменной и независимыми предикторами).

В академической литературе можно выделить два подхода к измерению антиамериканизма. Первая точка зрения (социологическая/перцептивная) гласит, что антиамериканизм как совокупность отрицательных взглядов можно измерить с помощью ответов людей на вопросы социологической анкеты. В этом случае лиц, которые придерживаются невысокого мнения об американских гражданах, ценностях, символах, можно рассматривать как антиамерикански настроенных индивидов. В рамках данного подхода антиамериканизм представляет собой выражение набора негативных установок в отношении экономической и политической системы США, американского образа жизни и особенностей культуры, которые переносятся на страну и общество в целом, а нередко и на характер народа [38, р. 12]. Сторонники второй точки зрения (политологическая/бихевиористская) утверждают, что негативного отношения к политике США недостаточно для определения антиамериканизма. Говорить об антиамериканских настроениях можно тогда, когда они принимают форму конкретного политического поведения (например, демонстрации, протесты и другие действия против американского народа или символов США). В данном случае антиамериканизм является выражением целенаправленной неприязни [39]. В данной работе мы придерживаемся первого подхода.

Зависимая переменная — это доверие к НАТО. Она была операционализована через ответы респондентов на следующий вопрос: «Скажите, насколько Вы доверяете Северо-Атлантическому Союзу — полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете?» Необходимо отметить два момента. Первый касается выбора изменения переменной через доверие именно к НАТО, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, в анкете отсутствует вопрос об отношении или уровне доверия конкретно к США. Во-вторых, в российском общественном мнении НАТО воспринимается как организация, которая действует по указке из Вашингтона и несамостоятельна в принятии решений. Иными словами, большинство граждан России считают НАТО международным институтом, полностью находящимся под контролем США, который защищает и продвигает интересы Вашингтона на международной арене [40; 41]. В данной работе мы исходим из следующей логики: чем выше (ниже) доверие к НАТО (США), тем меньше (больше) уровень антиамериканизма. Второй момент связан с использованием понятия доверия, а не отношения. Обычно уровень антиамериканизма измеряется путем ответа респондентов на следующий вопрос: «Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки? — очень хорошо, в основном хорошо, в основном плохо и очень плохо». В используемой нами анкете такой вопрос отсутствовал. В силу этого условия нами было принято решение операционализировать зависимую переменную через вопрос о доверии.

Выбор независимых переменных, которые определяются теоретическими подходами и поставленными гипотезами, представлен в табл. 1.

Таблица 1. Операционализация независимых переменных

Независимые переменные	Вопрос из анкеты	Тип шкалы	Теоретический подход
Индекс Инглхарта	Что Вы считаете следующим по важности?	Бинарная	Теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта
Европейская идентичность	Скажите, насколько близким Вы себя чувствуете с Европой?	Порядковая	Теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона
Удовлетворенность финансовым положением	Насколько Вы удовлетворены финансовым положением Вашей семьи?	Порядковая	Гипотеза козла отпущения / относительной депривации

В качестве контрольных переменных в работе были использованы такие социально-демографические показатели, как пол, возраст, уровень образования и доходов респондентов.

Описательная статистика по переменным представлена в табл. 2.

Таблица 2. Описательная статистика

Переменные	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Антиамериканизм	3,31	4	0,814	1	4
Индекс Инглхарта	1,73	1	1,16	1	4
Европейская идентичность	1,72	2	1,23	1	4
Удовлетворенность финансовым положением	5,60	6	2,23	1	10
Пол	1,58	2	0,494	1	2
Возраст	45,4	43	17,12	18	91
Образование	4,94	5	1,83	1	8
Доходы	4,66	5	2,18	1	10

Источником информации стали данные социологического опроса, проведенные исследователями в рамках седьмой волны Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS). WVS — это международная некоммерческая исследовательская программа, посвященная научному изучению социальных, политических, экономических, религиозных и культурных ценностей людей в мире. Обширный географический и тематический охват, бесплатный доступ к данным опросов превратили WVS в одно из наиболее авторитетных и широко используемых межнациональных исследований в социальных науках. Анкетирование респондентов в России прошло в 2017 г. На данный момент это последний опрос. Выборка составила 1453 респондента. Статистические расчеты были выполнены в прикладном пакете по обработке данных Gretl.

Результаты исследования и обсуждение

В данном разделе статьи мы тестируем влияние трех объясняющих переменных, которые отражают ценностные ориентации, отношение к европейской идентичности, а также уровень удовлетворенности респондента. Для проверки сформулированных в ходе исследования рабочих гипотез и определения наиболее значимых факторов, влияющих на отношение населения к США, была построена порядковая логистическая регрессионная модель (табл. 3). После построения модели регрессии был сделан тест на обнаружение мультиколлинеарности. Статистический анализ методом инфляционных факторов (VIF) не обнаружил присутствия мультиколлинеарности. Необходимо отметить, что результаты в табл. 3 представлены с учетом робастных оценок стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность).

Таблица 3. Результаты эмпирического анализа

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Индекс Инглхарта	0,018	0,017	1,046	0,2958
Европейская идентичность	0,083	0,019	4,380	0,000001***
Удовлетворенность финансовым положением	-0,012	0,01	-1,215	0,2246
Пол	-0,083	0,042	-1,982	0,0477**
Возраст	-0,002	0,001	-1,640	0,1013
Образование	0,022	0,011	1,906	0,0569*
Доходы	-0,056	0,011	-4,946	0,00001***
const	7,423	2,595	2,860	0,0043***

Примечания: R-квадрат — 0,39. * Значимость на уровне 0,1. ** Значимость на уровне 0,05. *** Значимость на уровне 0,01.

Итак, как видно из табл. 3, взаимосвязи между антиамериканизмом и постматериалистическими ценностями граждан не наблюдается. Результаты анализа оказались статистически незначимыми ($p = 0,2958$, $p > 0,05$). Таким образом, можно заключить, что первая гипотеза, согласно которой лица, которые придерживаются постматериалистических ценностей, больше доверяют США, не получила своего подтверждения. Данный результат требует определенной интерпретации. Необходимо отметить, что граждане неодинаково воспринимают демократию, которая входит в число постматериалистических ценностей. Исследования показывают, что люди в различных регионах мира воспринимают демократию по-разному, что является результатом множества факторов, действующих как на индивидуальном, так и на общественном уровнях [42]. В менее экономически развитых странах люди отождествляют демократию с такими социальными благами, как более высокий уровень жизни, гарантированная занятость или личная безопасность,

но не определяют ее в терминах свободы [43]. Жители этих государств склонны отождествлять демократию, например, с процветающей экономикой, улучшением материальных условий жизни [44]. Анализ общественных настроений показывает, что для россиян наиболее важными являются социальные аспекты демократии, включающие защиту от бедности и снижение неравенства [45]. Исследователи полагают, что, в то время как представители элиты склонны подчеркивать верховенство закона и порядка, граждане в своем понимании демократии отдают приоритет понятию свободы [46]. В демократических государствах доминируют либеральные представления о демократии, то есть представления о гражданских свободах, которые дают людям право на самоопределение и голоса в политике. В авторитарных странах преобладают представления о демократии как о подчинении «мудрым» правителям, чья власть не поддается конституционным проверкам, общественной критике и оспариванию на выборах [47]. Таким образом, граждане страны, которые выступают за демократию в России, могут относиться или относиться с подозрением к США и его политике.

Согласно результатам регрессионного анализа, вторая рабочая гипотеза, сформулированная на основе концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, получила свое эмпирическое подтверждение. На это указывает p -значение и знак коэффициента. Другими словами, чем больше граждане считают Россию принадлежащей к европейской цивилизации, тем выше доверие к НАТО и тем менее критично они настроены по отношению к США. Коэффициент переменной «Европейская идентичность» равен 0,083, что позволяет интерпретировать его следующим образом: *при увеличении у респондентов чувства близости с Европой на одну единицу уровень доверия к НАТО вырастает на 0,083 пунктов*. Важно подчеркнуть, что этот результат исследования совпадает с данными по другим регионам и странам [48].

Что касается третьей гипотезы, согласно которой граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, с большей вероятностью перенесут это недовольство на Вашингтон, выдвинутой на базе теории социальной депривации и концепции козла отпущения, то она не получила подтверждения. Другими словами, построенная регрессионная модель оказалась статистически незначимой. Для этого стоит обратиться к теории модернизации. Согласно преобладающему в литературе подходу, средний класс считается защитником и сторонником либеральной демократии, фактором социально-политического перехода к этому политическому режиму. Исследования показывают, что российский средний класс поддерживает В. В. Путина и при наличии выбора предпочитает поддержание политического статуса-кво [49]. Это обусловлено тем, что представители данного класса зависят от государства в плане получения средств к существованию [50]. Российский средний класс в последние два десятилетия развивается в условиях авторитарных государственных институтов и широкого участия государства в экономике. Большинство представителей российского среднего класса — это профессионалы, получающие зарплату из государственного бюджета, и государственные служащие [51]. По мнению исследователей, экономическая зависимость от государственных органов является препятствием для демократического участия из-за риска потери работы, а экономическая автономия (зарабатывание на жизнь независимо от государства) выступает предпосылкой функционирования демократических институтов [52]. В этих условиях отношение представителей среднего класса к демократии

и, следовательно, к США как олицетворению этого режима в мире зависит от политического курса государства и позиции российских властей.

В ходе исследования также были получены некоторые интересные результаты при работе с контрольными переменными, которые требуют интерпретации. Результаты показывают, что женщины в большей степени не доверяют США и, следовательно, более критично настроены в отношении Вашингтона. Так, если посмотреть вариант ответа «Не очень доверяю», то распределение выглядит следующим образом: женщины — 60,5 %, а мужчины — 39,5 %. Что касается ответа «Совсем не доверяю», то гендерное распределение следующее — 55,5 % (женщины) и 44,6 % (мужчины). Данные регрессионного анализа говорят о положительной взаимосвязи между уровнем образования и доверием к США: чем выше уровень образования респондента, тем выше его доверие и ниже степень антиамериканизма. Эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями, показывающими, что люди с высшим образованием, особенно на уровне университетов, менее авторитарны и более терпимы, чем те, у кого его нет [53]. М. Липсет (M. Lipset) подчеркивал прямую связь между демократией и образованием, указывая на наличие устойчивой демократии в странах с высоким уровнем образования. Он предполагает, что страны, имеющие хорошо образованное население, также имеют более высокий уровень поддержки демократических ценностей [54]. Более высокий уровень образования смягчает тенденцию к авторитарным предпочтениям и установкам в силу действия ряда причинно-следственных механизмов. Во-первых, лица с высшим образованием обладают определенными качествами, которые делают их естественным оплотом против авторитарных тенденций. Это независимое (критическое) мышление, уважение к разнообразию, рассмотрение различных точек зрения, а также гражданская активность. Во-вторых, более высокий уровень образования знакомит людей с различными контекстами, историями, идеями, образами жизни, религиями, укладами жизни и культурами [55; 56].

Заключение

Социологические опросы показывают высокий уровень антиамериканских настроений в российском обществе. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать причины негативного отношения граждан страны к США. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что, чем больше граждане считают Россию принадлежащей к европейской цивилизации, тем выше у них доверие к НАТО и менее критично они настроены по отношению к США. Для тех лиц, кто придерживается точки зрения, что Россия представляет собой самостоятельную/евразийскую или какую-нибудь иную цивилизацию, характерно негативное отношение к США. Другими словами, объяснение антиамериканизма в России зависит от отношения граждан к национальной идентичности. Другим выводом исследования является то, что антиамериканизм в России не зависит от ценностей, которых придерживаются граждане (традиционных или постматериалистических). Согласно статистическим расчетам, тезис о том, что граждане, неудовлетворенные своим материальным положением, более критично относятся к США, не получил подтверждения. Иными словами, эта широко распространенная точка зрения (гипотеза козла отпущения) не прошла эмпирическую проверку. Результаты опросов

также убедительно свидетельствуют о том, что уровень антиамериканизма у женщин выше, чем у мужчин. Данные настоящего исследования показывают, что лица с более высоким уровнем образования менее критично настроены в отношении Америки.

Необходимо описать ограничения исследования и сделать ряд оговорок относительно полученных результатов и возможностей их интерпретации. Во-первых, каждая из рассматриваемых теорий сводится к одной переменной, чего может быть недостаточно для серьезных выводов, поэтому результаты анализа носят только предварительный характер. Во-вторых, с целью дополнительной проверки гипотез и валидности полученных данных в будущих исследованиях необходимо использовать качественные методы исследования (глубинные интервью и фокус-группы). В-третьих, выводы данного исследования сделаны на основе социологического опроса, проведенного в 2017 г. В силу того, что общественное мнение может быть переменчивым (зависит от обстоятельств, информации и событий, происходящих в обществе), для расширения понимания истоков антиамериканизма важно анализировать временные ряды.

Литература

1. Россияне об Америке: новый «ледниковый период»? // ВЦИОМ. 2022. 06.04. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-amerike-novyi-lednikovyi-period> (дата обращения: 04.05.2023).
2. Попов Н. П. Общественное мнение в России и США о российско-американских отношениях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3. С. 53–65.
3. Жирков К. А. Антиамериканизм как ресентимент и политическая позиция: поиск универсальных закономерностей // Полития. 2014. № 3. С. 134–148.
4. Гарусова Л. Н. Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в постсоветской России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 78–86.
5. Андреев Р. В. Антиамериканизм в современной России: общие тенденции и специфические черты // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2011. № 3. С. 99–106.
6. Гудков Л. Д. Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012–2015 годов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4. С. 15–44.
7. Guriev S., Trudolyubov M., Tsyvinski A. Russian Attitudes Toward the West. 2008. (CEFIR Working Paper; no. 135). URL: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP135.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
8. Sokolov B., Inglehart R. F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American Attitudes, 1993–2009 // International Studies Quarterly. 2018. Vol. 62, no. 3. P. 534–547. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>
9. Glaeser E. L. The Political Economy of Hatred. 2002. (Working Paper; no. 9171). URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9171/w9171.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
10. Дубин Б. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 44–50.
11. Новиков Д. В. «Антизападничество» как стратегия рационального поведения современной российской элиты // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 1. С. 48–60.
12. Волков Д. А. Российский антиамериканизм в зеркале опросов общественного мнения // Социодиггер. 2022. № 12. С. 9–14.
13. Mayer R. C., Davis J. H., Schoorman F. D. An integrative model of organizational trust // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20, no. 3. P. 709–734. <https://doi.org/10.5465/AMR.1995.9508080335>
14. Rousseau D. M., Sitkin S. B., Burt R. S., Carmerer C. Not so different after all: A cross-discipline view of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23, no. 3. P. 393–404. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926617>
15. McKnight H., Chervany N. Trust and distrust definitions: One bite at a time // Trust in Cyber-societies: Integrating the Human and Artificial Perspectives. Berlin: Springer, 2001. P. 27–54.

16. *Sirdeshmukh D., Singh J., Sabol B.* Consumer trust, value, and loyalty in relational exchanges // *Journal of Marketing*. 2002. Vol. 66, no. 1. P. 15–37. <https://doi.org/10.1509/jmkg.66.1.15.18449>
17. *Bigley G. A., Pearce J. L.* Straining for shared meaning in organisational science: Problems of trust and distrust // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, no. 3. P. 405–421. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926618>
18. *Lewicki R. J., McAllister D. J., Bies R. J.* Trust and distrust: New relationships and realities // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23, no. 3. P. 438–458. <https://doi.org/10.2307/259288>
19. *Cho J.* The mechanism of trust and distrust formation and their relational outcomes // *Journal of Retailing*. 2006. Vol. 82, no. 1. P. 25–35. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2005.11.002>
20. *Luhmann N.* *Trust and Power*. Chichester: Wiley, 1979.
21. *Kramer R. M.* Trust and distrust in organizations: Emerging perspectives, enduring questions // *Annual Review of Psychology*. 1999. Vol. 50. P. 569–598. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.50.1.569>
22. *Lewicka D., Zakrzewska-Bielawska A. F.* Trust and distrust in interorganisational relations — Scale development // *PLoS ONE*. 2022. Vol. 17, no. 12. P. e0279231. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279231>
23. *Sztompka P.* Trust, distrust and two paradoxes of democracy // *European Journal of Social Theory*. 1998. Vol. 1, no. 1. P. 19–32.
24. *Welch M.* Rethinking relationship. Management, exploring the dimension of trust // *Journal of Communication Management*. 2006. Vol. 10, no. 2. P. 138–155. <https://doi.org/10.1108/13632540610664706>
25. *Moody G. D., Galletta D. F., Lowry P. B.* When trust and distrust collide online: The engenderment and role of consumer ambivalence in online consumer behavior // *Electronic Commerce Research and Applications*. 2014. Vol. 13, no. 4. P. 266–282. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2014.05.001>
26. *Вельцель К.* *Рождение свободы*. М.: ВЦИОМ, 2018.
27. *Инглхарт П., Вельцель К.* *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 2011.
28. *Хантингтон С.* *Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.
29. *Хантингтон С.* *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2003.
30. *Chebankova E.* Ideas, ideology & intellectuals in search of Russia's political future // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, no. 2. P. 76–88.
31. *Tsygankov A., Tsygankov P.* National ideology and IR theory: Three incarnations of the “Russian idea” // *European Journal of International Relations*. 2010. Vol. 16, no. 4. P. 663–686.
32. *Сергунин А. А.* *Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности*. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003.
33. *Allport G. W.* *The nature of prejudice*. Cambridge: Addison-Wesley, 1954.
34. *Glick P.* *Choice of Scapegoats // On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport*. Hoboken: Blackwell Publishing, 2005. P. 244–261.
35. *Dollard J., Miller N., Doob L., Mowrer O., Sears R.* *Frustration and aggression*. New Haven: Yale University Press, 1939.
36. *Miller N. E.* The frustration-aggression hypothesis // *Psychological Review*. 1941. Vol. 48, no. 4. P. 337–342.
37. *Гарр Т. П.* *Почему люди бунтуют*. СПб.: Питер, 2005.
38. *Katzenstein P., Keohane R.* *Varieties of Anti-Americanism: A Framework for Analysis // Anti-Americanisms in World Politics*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2007. P. 9–38.
39. *Chiozza G.* *Anti-Americanism and the American World Order*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009.
40. *Восприятие НАТО населением России. Аналитический отчет ВЦИОМ // ВЦИОМ*. 2006. URL: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).
41. *Россияне о НАТО. Аналитический отчет // ВЦИОМ*. 2013. Ноябрь. URL: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf (дата обращения: 04.05.2023).
42. *Canache D.* Citizens' conceptualizations of democracy: Structural complexity, substantive content, and political significance // *Comparative Political Studies*. 2012. Vol. 45, no. 9. P. 1132–1158.
43. *Dalton R., Sin T., Jou W.* Understanding democracy: Data from Unlikely Places // *Journal of Democracy*. 2007. Vol. 18, no. 4. P. 142–156.
44. *De Regt S.* Arabs want democracy, but what kind? // *Advances in Applied Sociology*. 2013. Vol. 3, no. 1. P. 37–46.

45. Салмина А. А. Особенности понимания демократии и их взаимосвязь с ресурсными характеристиками населения: на примере России и Германии // Социологический журнал. 2018. № 3. С. 76–97. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5994>
46. Miller A. H., Hesli V. L., Reisinger W. M. Conceptions of democracy among mass and elite in post-Soviet societies // *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27, no. 2. P. 157–190.
47. Zagrebina A. Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries // *International Political Science Review*. 2019. Vol. 41, no. 4. P. 174–191. <https://doi.org/10.1177/0192512118820716>
48. Glas S., Spierings N. Connecting contextual and individual drivers of anti-Americanism in Arab countries // *Political Studies*. 2020. Vol. 69, no. 4. P. 686–708. <https://doi.org/10.1177/0032321720923261>
49. Росс К. Российский средний класс: агент демократии или оплот консерватизма? // *Политическая наука*. 2017. № 1. С. 163–185.
50. Gontmakher E., Ross C. The middle class and democratisation in Russia // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67, no. 2. P. 269–284. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1001578>
51. Rosenfeld B. Reevaluating the middle-class protest paradigm: A case-control study of democratic protest coalitions in Russia // *American Political Science Review*. 2017. Vol. 111, no. 4. P. 1–16. <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>
52. McMann K. M. *Economic Autonomy and Democracy: Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan*. New York: Cambridge University Press, 2006.
53. Acemoglu D., Simon R., James A., Yared P. From education to democracy? // *The American Economic Review*. 2005. Vol. 95, no. 2. P. 44–49.
54. Лунцев М. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016.
55. Aleman E., Kim Ye. The democratizing effect of education // *Research and Politics*. 2015. Vol. 2, no. 4. P. 1–7. <https://doi.org/10.1177/2053168015613360>
56. Castello-Climent A. On the distribution of education and democracy // *Journal of Development Economics*. 2008. Vol. 87, no. 2. P. 179–190. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2007.10.006>

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Мухаметов Руслан Салихович — muhametov.ru@mail.ru

Why Russians don't trust the USA: Analysis of World Values Survey data

R. S. Mukhametov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
19, pr. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

For citation: Mukhametov R. S. Why Russians don't trust the USA: Analysis of World Values Survey data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 175–191. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.204> (In Russian)

Public opinion polls in Russia show that the majority of Russians have a negative attitude towards the United States. Under these conditions, it seems interesting to understand the origins of anti-American sentiments in Russian society. The purpose of this article is to identify the factors that explain the nature of anti-Americanism in the mass consciousness of the country's citizens. The source of the information was the data of the seventh wave of the World Values Survey. The author has tried to empirically test a number of working hypotheses formulated on the basis of the main provisions of the theory of post-materialistic values of R. Inglehart, S. Huntington's clash of civilizations concepts, as well as the Scapegoat theory. The data obtained indicate that the more citizens consider Russia to belong to European civilization, the higher their trust in the United States. For those who adhere to the point of view that Russia is an independent/Eurasian or some other civilization, a negative attitude towards the United

States is characteristic. It is shown that anti-Americanism in Russia does not depend on the values that citizens adhere to (traditional or post-materialistic). It was found that the thesis that citizens who are dissatisfied with their financial situation are more likely to transfer this discontent to USA has not been confirmed. An important result of the study is that the level of anti-Americanism in women is higher than in men. The article emphasizes that people with a higher level of education are less critical of Washington. The results of this study demonstrate that the Russian public is very sensitive to pro-government news content.

Keywords: anti-Americanism, public opinion, US foreign policy, clash of civilizations, Scapegoat theory.

References

1. *Russians about America: a new "ice age"?* Moscow, 2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-amerike-novy-ilednikovyi-period> (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
2. Popov, N. P. Public opinion in Russia and the USA on Russian-American relations. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2015, no. 3, pp. 53–65. (In Russian)
3. Zhirkov, K. A. Anti-Americanism as a resentment and a political position: The search for universal patterns. *Politiia*, 2014, no. 3, pp. 134–148. (In Russian)
4. Garusova, L. N. Russian-American relations and the phenomenon of anti-Americanism in post-Soviet Russia. *Rossiia i ATR*, 2010, no. 1, pp. 78–86. (In Russian)
5. Andreev, R. V. Anti-Americanism in modern Russia: General trends and specific features. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya*, 2011, no. 3, pp. 99–106. (In Russian)
6. Gudkov, L. D. The structure and functions of Russian anti-Americanism: The mobilization phase of 2012–2015. *Vestnik obshchestvennogo mneniia: Dannye. Analiz. Diskussii*, 2015, no. 3–4, pp. 15–44. (In Russian)
7. Guriev, S., Trudolyubov, M., Tsyvinski, A. *Russian Attitudes Toward the West*. 2008. (CEFIR Working Paper; no. 135). Available at: <https://www.nes.ru/files/Preprints-resh/WP135.pdf> (accessed: 10.04.2023).
8. Sokolov, B., Inglehart, R. F., Ponarin, E., Vartanova, I., Zimmerman, W. Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American attitudes, 1993–2009. *International Studies Quarterly*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 534–547. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>
9. Glaeser, E. L. *The Political Economy of Hatred*. 2002. (Working Paper; no. 9171). Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w9171/w9171.pdf (accessed: 10.04.2023).
10. Dubin, B. Anti-Americanism in European culture after the Second World War. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2002, no. 3, pp. 44–50. (In Russian)
11. Novikov, D. V. "Anti-Westernism" as a strategy of rational behavior of the modern Russian elite. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2008, no. 1, pp. 48–60. (In Russian)
12. Volkov, D. A. Russian anti-Americanism in the mirror of public opinion polls. *SocioDigger*, 2022, no. 12, pp. 9–14. (In Russian)
13. Mayer, R. C., Davis, J. H., Schoorman, F. D. An integrative model of organizational trust. *Academy of Management Review*, 1995, vol. 20, no. 3, pp. 709–734. <https://doi.org/10.5465/AMR.1995.9508080335>
14. Rousseau, D. M., Sitkin, S. B., Burt, R. S., Carmerer, C. Not so different after all: A cross-discipline view of trust. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 3, pp. 393–404. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926617>
15. McKnight, H., Chervany, N. Trust and distrust definitions: One bite at a time. *Trust in Cyber-societies: Integrating the Human and Artificial Perspectives*. Berlin, Springer, 2001, pp. 27–54.
16. Sirdeshmukh, D., Singh, J., Sabol, B. Consumer trust, value, and loyalty in relational exchanges. *Journal of Marketing*, 2002, vol. 66, no. 1, pp. 15–37. <https://doi.org/10.1509/jmkg.66.1.15.18449>
17. Bigley, G. A., Pearce, J. L. Straining for shared meaning in organisational science: Problems of trust and distrust. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 3, pp. 405–421. <https://doi.org/10.5465/AMR.1998.926618>
18. Lewicki, R. J., McAllister, D. J., Bies, R. J. Trust and distrust: New relationships and realities. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 3, pp. 438–458. <https://doi.org/10.2307/259288>
19. Cho, J. The mechanism of trust and distrust formation and their relational outcomes. *Journal of Retailing*, 2006, vol. 82, no. 1, pp. 25–35. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2005.11.002>
20. Luhmann, N. *Trust and Power*. Chichester, Wiley, 1979.

21. Kramer, R.M. Trust and distrust in organizations: Emerging perspectives, enduring questions. *Annual Review of Psychology*, 1999, vol. 50, pp. 569–598. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.50.1.569>
22. Lewicka, D., Zakrzewska-Bielawska, A. F. Trust and distrust in interorganizational relations — Scale development. *PLoS ONE*, 2022, vol. 17, no. 12, p. e0279231. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0279231>
23. Sztompka, P. Trust, distrust and two paradoxes of democracy. *European Journal of Social Theory*, 1998, vol. 1, no. 1, pp. 19–32.
24. Welch, M. Rethinking relationship. Management, exploring the dimension of trust. *Journal of Communication Management*, 2006, vol. 10, no. 2, pp. 138–155. <https://doi.org/10.1108/13632540610664706>
25. Moody, G. D., Galletta, D. F., Lowry, P. B. When trust and distrust collide online: The engenderment and role of consumer ambivalence in online consumer behavior. *Electronic Commerce Research and Applications*, 2014, vol. 13, no. 4, pp. 266–282. <https://doi.org/10.1016/j.elerap.2014.05.001>
26. Welzel, K. *The birth of freedom*. Moscow, VCIOM Publ., 2018. (In Russian)
27. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change and democracy. The sequence of human development*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. (In Russian)
28. Huntington, S. *Who are we?: Challenges of American national identity*. Moscow, AST Publ.; Tranzitkniga Publ., 2004. (In Russian)
29. Huntington, S. *Clash of civilizations*. Moscow, AST Publ., 2003. (In Russian)
30. Chebankova, E. Ideas, ideology & intellectuals in search of Russia's political future. *Daedalus*, 2017, vol. 146, no. 2, pp. 76–88.
31. Tsygankov, A., Tsygankov, P. National ideology and IR theory: Three incarnations of the “Russian idea”. *European Journal of International Relations*, 2010, vol. 16, no. 4, pp. 663–686.
32. Sergunin, A. A. *Russian foreign policy thought: Problems of national and international security*. Nizhniy Novgorod: LUNN Press, 2003. (In Russian)
33. Allport, G. W. *The nature of prejudice*. Cambridge, Addison-Wesley, 1954.
34. Glick, P. Choice of Scapegoats. *On the Nature of Prejudice: Fifty Years after Allport*. Hoboken, Blackwell Publishing, 2005, pp. 244–261.
35. Dollard, J., Miller, N., Doob, L., Mowrer, O., Sears, R. *Frustration and Aggression*. New Haven, Yale University Press, 1939.
36. Miller, N.E. The frustration-aggression hypothesis. *Psychological Review*, 1941, vol. 48, no. 4, pp. 337–342.
37. Gurr, T. R. *Why people rebel*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. (In Russian)
38. Katzenstein, P., Keohane, R. *Varieties of Anti-Americanism: A Framework for Analysis. Anti-Americanisms in World Politics*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 2007, pp. 9–38.
39. Chiozza, G. *Anti-Americanism and the American World Order*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2009.
40. *Perception of NATO by the Russian population*. 2006. Available at: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf> (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
41. *Russians about NATO. Analytical report*. 2013. Available at: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
42. Canache, D. Citizens' conceptualizations of democracy: Structural complexity, substantive content, and political significance. *Comparative Political Studies*, 2012, vol. 45, no. 9, pp. 1132–1158.
43. Dalton, R., Sin, T., Jou, W. Understanding democracy: Data from Unlikely Places. *Journal of Democracy*, 2007, vol. 18, no. 4, pp. 142–156.
44. De Regt, S. Arabs want democracy, but what kind? *Advances in Applied Sociology*, 2013, vol. 3, no. 1, pp. 37–46.
45. Salmina, A. A. Features of understanding democracy and their relationship with the resource characteristics of the population: On the example of Russia and Germany. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 76–97. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5994> (In Russian)
46. Miller, A. H., Hesli, V. L., Reisinger, W. M. Conceptions of democracy among mass and elite in post-Soviet societies. *British Journal of Political Science*, 1997, vol. 27, no. 2, pp. 157–190.
47. Zagrebina, A. Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries. *International Political Science Review*, 2019, vol. 41, no. 4, pp. 174–191. <https://doi.org/10.1177/0192512118820716>
48. Glas, S., Spierings, N. Connecting contextual and individual drivers of anti-Americanism in Arab countries. *Political Studies*, 2020, vol. 69, no. 4, pp. 686–708. <https://doi.org/10.1177/0032321720923261>
49. Ross, K. The Russian middle class: An agent of democracy or a bulwark of conservatism? *Political Science*, 2017, no. 1, pp. 163–185. (In Russian)
50. Gontmakher, E., Ross, C. The middle class and democratisation in Russia. *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 2, pp. 269–284. (In Russian)

51. Rosenfeld, B. Reevaluating the middle-class protest paradigm: A case-control study of democratic protest coalitions in Russia. *American Political Science Review*, 2017, vol. 111, no. 4, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1017/S000305541700034X>
52. McMann K. M. *Economic autonomy and democracy: Hybrid regimes in Russia and Kyrgyzstan*. New York, Cambridge University Press, 2006.
53. Acemoglu, D., Simon, R., James, A., Yared, P. From education to democracy? *The American Economic Review*, 2005, vol. 95, no. 2, pp. 44–49.
54. Lipset, M. *Political man: Social foundations of Politics*. Moscow: Mysl' Publ., 2016. (In Russian)
55. Aleman, E., Kim, Ye. The democratizing effect of education. *Research and Politics*, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 1–7. <https://doi.org/10.1177/2053168015613360>
56. Castello-Climent, A. On the distribution of education and democracy. *Journal of Development Economics*, 2008, vol. 87, no. 2, pp. 179–190. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2007.10.006>

Received: February 4, 2024

Accepted: April 28, 2024

Author's information:

Ruslan S. Mukhametov — muhametov.ru@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 316.43

Вовлеченность российских детей в физическую активность и спорт: возможности и барьеры**С. А. Иванов¹, В. Н. Минина¹, М. В. Паневина¹, А. Г. Абалян², Т. Г. Фомиченко²*¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16² Федеральный научный центр физической культуры и спорта,
Российская Федерация, 105005, Москва, Елизаветинский пер., 10

Для цитирования: Иванов С. А., Минина В. Н., Паневина М. В., Абалян А. Г., Фомиченко Т. Г. Вовлеченность российских детей в физическую активность и спорт: возможности и барьеры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 192–215. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.205>

Статья посвящена анализу факторов вовлеченности российских детей в физическую активность и спорт. Эмпирической базой исследования выступают результаты общероссийского репрезентативного опроса родителей детей 3–5 и 6–12 лет ($N = 2274$, 46 субъектов РФ), а также четырех групповых фокусированных интервью с родителями детей 3–5 и 6–12 лет в Москве, Санкт-Петербурге и Тамбове. Предметное поле исследования охватывает практики физической активности детей двух возрастных подгрупп, факторы их вовлеченности в спорт, возможности и условия для соответствующих занятий по месту жительства. Методологической основой исследования является разработанная авторами социологическая модель вовлеченности детей в физкультурно-спортивную деятельность. В результате исследования выявлено, что, по оценкам родителей, в обеих группах детей преобладают практики физической активности, а спортом занимается незначительная их доля, особенно в подгруппе 3–5 лет. Авторы делают вывод, что основным фактором, стимулирующим интерес к физкультуре и спорту как самих детей, так и их родителей является позитивное эмоциональное и рациональное восприятие систематических занятий физическими упражнениями.

* Статья подготовлена по результатам исследования «Социологический опрос для определения индивидуальных потребностей (мотивации) всех категорий и групп населения в условиях для занятий физической культурой и спортом и препятствующих им факторов», выполненного по государственному заданию ФГБУ ФНЦ ВНИИФК в рамках федерального проекта «Спорт — норма жизни» № НИОКТР АААА-А19-119042290098-5, 2023.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

При этом в родительской среде преобладает ориентация на общую физическую подготовку детей, а спорт высоких достижений интересует относительно небольшую долю родителей. Согласно полученным результатам, ключевыми побудительными мотивами вовлечения детей в физическую активность выступают совместные спортивные занятия родителей с ребенком и личный пример отца, заметно опережающие в этом рейтинге передачи по телевидению, советы тренеров, врачей и прочее. Основными барьерами, препятствующими вовлечению детей в занятия физической культурой и спортом, выступают недостаток у родителей необходимых знаний для самостоятельных занятий физическими упражнениями с ребенком, а также отсутствие мотивации к этим занятиям. Отмечено, что при достаточно высоком уровне развития спортивной инфраструктуры по месту жительства россиян, доминирующим видом этих объектов остаются простые открытые спортивные площадки, находящиеся к тому же в состоянии, не всегда располагающем к занятиям на них детей, особенно в раннем возрасте.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, дети, родители, вовлеченность, мотивация, практики, условия, возможности для занятий.

Введение

Создание условий для занятий населения физической культурой и спортом выступает одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации. Согласно национальной цели «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» развития Российской Федерации на период до 2030 г., доля россиян, систематически занимающихся физической культурой и спортом, должна достичь 70 % к 2030 г. [1]. Вместе с тем результаты исследования последних лет свидетельствуют о том, что уровень вовлеченности населения в сферу спорта все еще недостаточен. По данным государственной статистики, доля россиян, систематически занимающихся физической культурой и спортом, составляла: в 2019 г. — 43,0 %, в 2020 г. — 45,4 %, в 2021 г. — 49,4 %, в 2022 г. — 52,9 %, в 2023 г. — 53,1 % [2].

Проблема развития физической культуры и спорта в стране носит комплексный характер. С одной стороны, ее решение требует финансовых и материальных ресурсов для строительства и обеспечения функционирования спортивных объектов, а также для развития соответствующей инфраструктуры. С другой стороны, эта проблема имеет очевидный социально-культурный контекст. Вовлеченность населения в сферу спорта зависит от того, какое место физкультура и спорт играют в жизни общества, от мотивации людей, наличия у них свободного времени, от ценностных установок на ведение здорового образа жизни. Выбор предпочтительного вида спорта зачастую определяется также материальными возможностями людей.

В центре проблематики развития физкультуры и спорта в современной России стоят вопросы формирования культуры и ценностей здорового образа жизни как основы устойчивого развития общества и качества жизни населения, создания необходимых условий для развития сферы физической культуры и спорта [3]. И это не случайно. Как справедливо отмечают авторы книги «Социология спорта и физической культуры» (Sociology of Sport and Physical Activity), «спорт — это своего рода зеркало общества, которое отражает его базовые ценности, показывает, чему это общество привержено, каковы его устремления» [4, р. 5].

Физкультура и спорт в своем развитии отражают процессы изменения общественной жизни и общества в целом. Как отмечает Д. Моррис (D. Morris), «спорт

в его современном понимании родился как культурная практика, заменившая охоту, которая была важной частью человеческого образа жизни на протяжении многих тысячелетий нашей прежней истории» [5, р. 10]. По словам О. Крокинской и Н. Немировой, «примерно с середины XIX века — в ходе развития городской цивилизации и индустриального общества — спорт из элитарного занятия и культурного факультатива превратился в занятие массовое и многосторонне связанное с социетальным целым. Одновременно спортивные достижения перешли из ранга личных достоинств в ранг важных символов государственного и международного значения» [6, с. 35].

В СССР развитие физкультурно-спортивного движения началось в 1918 г., после выхода Декрета ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству». С этого момента физическая культура не только решала задачу формирования здорового поколения советских людей, но и играла важную идеологическую и воспитательную роль. В середине 1920-х гг. были введены обязательные уроки физкультуры в общеобразовательных школах, затем в педагогических и медицинских вузах. С начала 1930-х гг. занятия физической культурой стали обязательными во всех вузах Советского Союза, а в 1934 г. был введен комплекс ГТО.

В реализации задачи развития массового спорта использовались самые разные инструменты государственной спортивной политики: от всесоюзной трансляции по радио производственной гимнастики до организации массовых спортивных мероприятий для детей, молодежи и взрослого населения: «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Веселые старты», «Папа, мама, я — спортивная семья» и пр.

Однако уже во второй половине XX в. советский спорт разделился, как пишет Л. П. Матвеев, «на два раздела — спорт высоких достижений и общедоступный спорт (он же ординарный, массовый). При этом выделенные ресурсы (материальные, кадровые, инфраструктурные и др.) распределялись в ущерб общедоступному спорту в пользу спорта высших достижений. Спортивные функционеры начали рассматривать вовлеченных в спорт как своего рода материал для пополнения резерва спорта высоких достижений, детский спорт сосредоточился исключительно на проблеме селекции» [7, с. 15].

Эта трансформация произошла не в последнюю очередь под влиянием Международного олимпийского комитета, который, будучи главным регулятором мирового спорта, обладающим к тому же соответствующими ведомствами (WADA — Всемирное антидопинговое агентство, CAS — Международный спортивный суд и пр.), ориентировал национальные олимпийские комитеты и спортивных чиновников на приоритетное выращивание новых рекордсменов, установление новых спортивных рекордов. Успехи спортсменов, особенно олимпийцев, работали на престиж страны, повышали ее рейтинг, конкурентные преимущества на мировой арене спортивных состязаний. Отсюда, по мнению Д. В. Михеля, «берет начало практика распределения денежных средств на развитие национального спорта, при которой все большая их доля уходит на элитный спорт с его зрелищными формами, тогда как спорту для всех — студенческому, детскому, народному — достаются крохи» [8, с. 272].

В настоящее время ценностные ориентиры российского общества смещаются в сторону поиска баланса между массовым и профессиональным спортом, между физической культурой и спортом высоких достижений, что особенно важно для

детского спорта, воспитания физической культуры подрастающего поколения. Сегодня в эту сферу вовлечено подавляющее большинство детей: по данным заместителя председателя правительства России Дмитрия Чернышенко, по состоянию на сентябрь 2022 г. в России регулярно занимались спортом 88,5 % детей [9].

Поиск этого баланса и выбор приоритетов детей и их родителей определяется множеством факторов: мотивацией и стереотипами восприятия спорта, ценностными ориентирами, привычками, состоянием здоровья и наличием свободного времени, и наконец, финансовыми возможностями населения.

Перечисленные выше аспекты проблематики детского спорта обусловили постановку исследовательских задач данной статьи: выявление практик вовлеченности детей (3–12 лет) в занятия спортом, а также отношения родителей к различным формам участия их детей в спорте, определение факторов, способствующих и препятствующих развитию детского спорта.

Результаты исследования вносят свой вклад в понимание современных установок в массовом сознании в отношении вовлеченности детей в систематические занятия физической активностью, влияния физкультуры и спорта на их физическое и социальное развитие, а также в определение факторов, способствующих и препятствующих молодому поколению россиян заниматься спортом, в том числе в контексте достижения целевых ориентиров национального проекта «Спорт — норма жизни».

Проблематика вовлеченности людей в занятия физкультурой и спортом в социологической литературе

В социологии сформировалась самостоятельная область исследований, получившая название «социология спорта». Более того, она активно развивается, о чем свидетельствует наличие большого количества публикаций, в том числе учебной литературы, а также специальных журналов, прежде всего зарубежных¹. Джон Хорн (J. Horne) составил систематизированный список монографий, сборников статей, учебников, журналов и проч. по социологии спорта, изданных на английском языке, который включает краткое описание содержания источника. В этот список вошли свыше 50 различного рода публикаций и изданий (журналы)².

В рамках социологии спорта изучается широкий спектр вопросов, касающихся влияния спорта на такие важнейшие процессы, происходящие в обществе, как социальная адаптация и социализация, культурная идентификация, формирование социальных институтов, повышение уровня и качества жизни граждан, обеспечение их социального благополучия и др. Исследователи чаще всего включают в предметное поле социологии спорта изучение таких взаимосвязей и отношений, как молодежь и спорт, личность в спорте, спорт и общество, ценностные установки в спорте, спорт и образ жизни людей, спорт и девиации, спорт и физическое развитие людей, спорт и окружающая среда, спорт и социально-экономическое развитие [4; 10, с. 122]. В зарубежной литературе большое внимание уделяется

¹ См., например, журналы *Sociology of Sport Journal*; *International Review for the Sociology of Sport*.

² Horne J. (Sociology of) Sports Bibliography. URL: https://www.academia.edu/10191540/_Sociology_of_Sports_Bibliography (дата обращения: 02.04.2024).

изучению проявлений в сфере спорта различных форм социального неравенства, насилия, особенно это заметно по публикациям в журналах *Sociology of Sport Journal* и *International Review for the Sociology of Sport*.

Российские авторы уделяют особое внимание социологическому осмыслению развития физической культуры и спорта, включая отражение этого развития в научных публикациях социально-гуманитарного профиля в разные исторические периоды [11–14]. Предметом таких исследований выступает институционализация социологии спорта в структуре социологического знания и образования.

Изучение тематических публикаций свидетельствует о том, что в социологической литературе преобладают макро- и мезоуровни анализа социальных явлений и процессов, происходящих в сфере спорта. Чаще всего разрабатываются такие направления, как выявление и описание социальных функций спорта, его взаимосвязи с социальными институтами (спорт — семья, спорт — образование, спорт — государство); социокультурные аспекты спорта (спорт — здоровый образ жизни, спорт в системе международных отношений) [15, с. 140], а также противоречия, возникающие в системах отношений «спорт и экономика», «спорт и политика», «спорт и религия» и проч. [16]. Значительно меньше публикаций посвящено исследованиям микроуровня, поведенческим аспектам спорта, в том числе проблематике вовлеченности индивидов и социальных групп в систематические занятия физической активностью.

На наш взгляд, исследование вовлеченности социальных групп и различных категорий граждан в занятия спортом представляет не только научный, но и практический интерес, особенно с точки зрения разработки в нашей стране социальной политики в области физкультуры и спорта, а также инструментов ее реализации, таких как национальные проекты и целевые программы.

Анализ публикаций в журналах *Sociology of Sport Journal* и *International Review for the Sociology of Sport* за 2020–2024 гг. показал, что такой объект исследования, как вовлеченность индивидов и социальных групп в систематические занятия физкультурой и спортом, не входит в их тематическое поле.

В российских социологических журналах не так много публикаций, посвященных данному направлению исследований. В качестве примера можно привести статью М. А. Гуревич и Т. Ю. Радиловской, опубликованную в журнале «Социологические исследования» в 2003 г. [17]. Большинство статей, представляющих различные аспекты вовлеченности людей в занятия спортом, нередко выходящие за рамки социологического анализа, сконцентрированы в журнале «Теория и практика физической культуры» [10]. Частично результаты социологических исследований вовлеченности различных социальных групп в сферу спорта публикуются в журналах несоциологической направленности, а также размещаются на интернет-ресурсах.

С методологической точки зрения заслуживает внимания исследование вовлеченности населения в сферу массового спорта, выполненное Центром социального проектирования при поддержке Министерства спорта Российской Федерации. Судя по материалам доклада «Как сформировать среду для спортсменов-любителей и стимулировать физическую активность во всех возрастах», категория «вовлеченность» операционализировалась через такие субкатегории, как осознание роли физкультуры и спорта в формировании здорового образа жизни; практики

любительского спорта и физкультуры; потребности, мотивация к занятиям спортом; факторы, способствующие и препятствующие вовлеченности в физкультуру и спорт [18].

В проекте АНО «Новые социальные технологии», посвященном изучению вовлеченности жителей Москвы в занятия спортом, сделан акцент на таком факторе вовлеченности, как удовлетворенность людей условиями для соответствующих занятий [19]. При этом авторы проекта рассматривали эти условия через призму обеспеченности горожан спортивной инфраструктурой, имеющимися в городе возможностями для участия в физкультурно-спортивных мероприятиях, а также информированности граждан о наличии спортивно-оздоровительной инфраструктуры.

В исследовании Н. А. Восколович и Р. И. Юнусова [20] анализируются деструктивные факторы («провалы») вовлеченности россиян в спортивные занятия. Авторы пришли к выводу, что деструктивную роль в вовлеченности населения в сферу спорта играют ограниченный доступ к объектам спортивной инфраструктуры и недостаточность информации об этих объектах.

Что касается публикаций, отражающих результаты анализа вовлеченности детей в занятия спортом, то следует отметить, что нам не удалось обнаружить книг или статей, в которых бы данный процесс выступал в качестве самостоятельного объекта исследования. Чаще всего встречаются статьи, где представлены отдельные аспекты данного процесса. В частности, есть работы, посвященные влиянию спорта, причем как позитивному, так и негативному, на физическое и личностное развитие детей, их социализацию, отношения в семье [21]. Есть работы, в которых акцентируется внимание на нарушении прав детей и молодых людей, вовлеченных в сферу спорта [22], на причинах ухода молодых спортсменов из спорта [23], на проблемах социального самочувствия воспитанников спортивных школ [6]. В ряде публикаций отражаются результаты изучения отношения школьников и студентов к спорту и их мотивации к физической активности [24–26].

В данной статье предпринята попытка восполнить имеющийся пробел.

Методология исследования вовлеченности детей в занятия физкультурой и спортом

Мы понимаем под вовлеченностью людей в занятия физической культурой и спортом процесс, отражающий их положительное эмоциональное отношение к данной деятельности, динамику их потребностей и готовности к систематическому выполнению физических упражнений, к физическим нагрузкам. Вовлеченность можно описать с помощью четырех стадий:

- 1) осознание ценности, значимости физкультуры и спорта в жизни человека;
- 2) мотивация к физической активности;
- 3) формирование привязанности к конкретному виду спорта;
- 4) преданность ему.

Что касается детей, то на первой стадии данного процесса родители и близкие родственники выступают теми, кто определяет значимость физкультуры и спорта в физическом развитии, социализации своих детей. В литературе отмечается, что

дети чаще всего ориентируются на установки родителей в отношении занятий физической активностью [27].

Опираясь на результаты имеющихся исследований вовлеченности различных категорий и групп населения в сферу спорта, мы сформулировали общую методологическую рамку социологического анализа данного феномена. Коротко ее можно описать с помощью следующих тезисов:

- вовлеченность индивидов и социальных групп в сферу спорта — это совокупность практик их физической активности, а поскольку данные практики по своей природе динамичны, то вовлеченность характеризуется не как состояние, а как процесс;
- уровень вовлеченности — это результат действия объективных и субъективных факторов; при этом объективные факторы связаны с условиями и возможностями для занятий спортом, а также с социальным одобрением/неодобрением и поддержкой данной активности; субъективные факторы — это личностные особенности человека (пол, возраст, состояние здоровья, культурный бэкграунд), его жизненные обстоятельства и мотивация;
- мотивация — это сложный процесс побуждения человека к занятиям спортом, в его основе лежит структура мотивов, формируемых исходя из индивидуальных потребностей людей и социального контекста, в который они погружены.

Эмпирическая база исследования

В качестве объекта исследования выступали родители детей двух возрастных групп: 3–5 и 6–12 лет. Выделение двух категорий детей обусловлено прежде всего возрастным порогом приобщения детей к систематическим занятиям спортом, а также особенностями их развития в разные периоды. Так, на пятом году жизни у ребенка приближаются к взрослым нормам и пропорциям внутренние органы, вес мозга ребенка достигает примерно 90 % веса мозга взрослого человека, устанавливаются связи между правым и левым полушариями.

Выбор рубежа градации детей на группу 3–5 лет и группу более старшего возраста обусловлен также тем, на этом рубеже у ребенка появляются необходимые свойства тела, в частности гибкость, являющиеся одним из факторов выбора вида спорта. Считается, что, если не развивать гибкость, то к 8 годам она уменьшается примерно на четверть. Поэтому именно с 6 лет определяются предпочтительные для детей виды спорта, и ребенок более активно и сознательно занимается физическими упражнениями. В ряде видов спорта с 6 лет начинается присвоение спортивных разрядов.

Важным фактором выделения детей 3–5 лет является также то, что с 6 лет начинается уже так называемый младший школьный возраст. Во многих странах мира (США, Канада, страны Европы, Япония, Израиль и др.) дети идут в школу с 6 лет. И именно с этого возраста у детей начинаются активные занятия спортом, в том числе обязательные занятия в образовательных учреждениях.

Кроме того, стоит отметить, что выделение детей в возрасте 3–5 лет при анализе занятий физической культурой и спортом используется ВЦИОМом и Федеральным

научным центром физической культуры и спорта³ и другими исследователями, в том числе зарубежными⁴.

Вопрос о раннем возрасте вовлечения детей в систематические занятия определенным видом спорта широко дискутируется среди педагогов, психологов, специалистов детской медицины и пока остается открытым. Поэтому важным является определение отношения родителей данных групп детей к спорту, к регулярным занятиям физическими упражнениями детей в целом. Предметом исследования стали факторы, оказывающие влияние на динамику вовлеченности детей в сферу спорта.

Для сбора первичной информации использовались общероссийский репрезентативный опрос родителей детей в возрасте 3–5 и 6–12 лет, а также групповое фокусированное интервью с родителями детей в возрасте 3–5 и 6–12 лет. Выборка репрезентирует генеральную совокупность по федеральным округам, типу населенного пункта, полу и возрасту ребенка. Регионы выбирались случайным образом, основным критерием отбора была их представленность в федеральных округах, не менее 50 % в каждом. Для квотирования по связанным признакам региональной принадлежности, полу и возрасту ребенка в качестве основания использовались данные переписи населения 2020 г. Для определения мест проведения фокус-групп в качестве флагманов были взяты Санкт-Петербург и Москва, Тамбов был отобран случайным образом из общего списка средних городов России.

Опрос родителей детей 3–5 лет и 6–12 лет был проведен в мае — июле 2023 г. Общий объем выборки составил 2274 респондента, в том числе родителей детей 3–5 лет — 1193 человека, родителей детей 6–12 лет — 1081 человек. Опрос проводился в 46 субъектах Российской Федерации. Техника опроса — личное формализованное интервью по месту жительства с использованием планшетных компьютеров, предусматривающих полную запись интервью и фиксацию мест опроса.

В ходе исследования родителей спрашивали о практиках физической активности детей, включая обязательные и дополнительные занятия, организованные занятия и занятия с родителями в свободное время. Также их спрашивали о том, в какой мере детям нравятся занятия, что их побуждает посещать кружки и секции, какие виды спорта их привлекают, а если они не занимаются физической активностью, то с чем это связано и в какой мере родители готовы приобщать детей к спорту.

Кроме того, задавались вопросы об удовлетворенности родителей условиями для занятий спортом детей, о наличии спортивной инфраструктуры в образовательных организациях и по месту жительства.

Групповые фокусированные интервью (фокус-группы) проводились в трех городах: Москве (родители детей 6–12 лет; родители детей 3–5 лет); Санкт-Петербурге (родители детей 6–12 лет); Тамбове (родители детей 3–5 лет). Техника проведения фокус-групп — онлайн- или офлайн-режим с аудио- и видеозаписью.

³ См.: Россия — спортивная страна! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana-> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ См.: Understanding parents' motives for, and beliefs about, enrolling three-to-five-year-old children into organised sporting programs. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2159676X.2022.2152082> (дата обращения: 02.04.2024).

На фокус-группах обсуждались такие темы, как представления о роли физкультуры и спорта в развитии детей, приверженность спорту и барьеры вовлечения детей в сферу спорта, ценность спорта и мотивация к систематическим занятиям им, роль различных институтов в вовлечении детей в сферу спорта, удовлетворенность состоянием спортивной инфраструктуры и мерами государственной и социальной поддержки детского спорта.

Практики физической активности российских детей в возрасте 3–12 лет

Данные опроса родителей свидетельствуют о достаточно высоком уровне вовлеченности российских детей в физическую активность: 90,6 % родителей детей 6–12 лет и 74,8 % родителей детей 3–5 лет сообщили, что их ребенок занимается физической культурой и спортом, учитывая все формы занятий.

Как видно из данных табл. 1, подавляющее большинство опрошенных родителей ответили, что их дети посещают обязательные занятия физкультурой и спортом в образовательных учреждениях, будь то школа или детский сад.

Таблица 1. Распределение утвердительного ответа родителей, имеющих детей 3–12 лет, на вопрос: «Посещает ли Ваш ребенок следующие занятия физкультурой и спортом?», %

Виды занятий	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Обязательные занятия физкультурой и спортом в образовательном учреждении	97,2	97,7	97,5
Дополнительные платные занятия физкультурой и спортом в образовательном учреждении	16,0	13,5	14,6
Дополнительные бесплатные занятия физкультурой и спортом в образовательном учреждении	14,0	21,2	17,9
Бесплатные занятия физкультурой и спортом в секциях/клубах (вне образовательного учреждения)	7,6	15,4	11,7
Платные занятия физкультурой и спортом в секциях/клубах (вне образовательного учреждения)	20,6	27,4	24,1
Самостоятельные занятия физкультурой и спортом дома или на улице (под присмотром родителей, других родственников)	72,6	68,0	70,2

Дополнительно в образовательных учреждениях занимаются физкультурой и спортом как на бесплатной, так и на платной основе 30,0 % детей 3–5 лет и 34,7 % детей 6–12 лет. В возрастной группе 3–5 лет 28,2 % детей посещают спортивные секции, кружки вне образовательного учреждения. В возрастной группе 6–12 лет эта доля выше — 42,8 %. О физической активности детей под присмотром родителей или родственников сообщили 72,6 % опрошенных родителей детей 3–5 лет и 68,0 % родителей детей 6–12 лет.

В целом, согласно данным опроса, практики физической активности большинства детей 3–12 лет включают обязательные занятия в образовательных

учреждениях, дополнительные занятия в кружках и секциях как в образовательных учреждениях, так и вне их, а также самостоятельные занятия под присмотром родителей или родственников. При этом наиболее часто упоминаемыми видами физической активности в обеих возрастных группах детей были общая физическая подготовка (48,8 и 41,4 % соответственно) и пешие прогулки (31,7 и 21,7 % соответственно), то есть те, которые относятся скорее к физической культуре.

Среди видов спорта в пятерку чаще других отмечаемых родителями детей 3–5 лет вошли танцы (15,9 %), плавание (13,9 %), велоспорт, велотуризм (13,4 %), футбол (12,4 %) и аэробика, фитнес, ритмика (12,2 %). Родители детей 6–12 лет чаще других называли такие виды спорта, как футбол (20,2 %), велоспорт, велотуризм (17,2 %), плавание (15,3 %), бокс, единоборства (14,6 %) и танцы (13,7 %). Нетрудно заметить, что футбол, плавание, велоспорт и танцы — это те виды спортивных занятий, которые выбирают родители для детей обеих возрастных групп.

Названные выше виды физической культуры и спорта попадают в перечень видов физической активности детей и подростков, рекомендуемых специалистами в области детского здоровья для обеспечения сбалансированного развития детского организма.

В соответствии с рекомендациями ВОЗ дети и подростки в возрасте 5–17 лет для поддержания здоровья должны ежедневно заниматься физическими упражнениями от умеренной до высокой интенсивности не менее 60 минут⁵.

Судя по данным опроса родителей, представленным в табл. 2, рекомендациям ВОЗ отвечают занятия примерно трети (32,8 %) детей 3–5 лет и примерно двух пятых (42,8 %) детей 6–12 лет. Чуть больше четверти (27,2 %) детей 3–5 лет и четверть (25,2 %) детей 6–12 лет занимаются физическими упражнениями от 26 до 51 минуты в день, а 32,2 % детей 3–5 лет и 29,2 % детей 6–12 лет — от 9 до 26 минут в день. Менее часа в неделю занимаются физкультурой и спортом 4,0 % детей 3–5 лет и 1,2 % детей 6–12 лет.

Таблица 2. Распределение ответов родителей, имеющих детей 3–12 лет, на вопрос: «В целом сколько времени в неделю обычно Ваш ребенок занимается физкультурой и спортом, учитывая все формы занятий?», %

Варианты ответов	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Менее 1 часа в неделю	4,0	1,2	2,6
От 1 до 1,5 часов	11,1	7,5	9,2
Больше 1,5, но меньше 2 часов	7,4	5,1	6,2
От 2 до 2,5 часов	7,9	6,9	7,4
Больше 2,5, но меньше 3 часов	5,8	5,7	5,8
От 3 до 4 часов	11,9	12,0	11,9
Больше 4, но меньше 5 часов	7,6	8,6	8,1
Больше 5, но меньше 6 часов	7,7	8,6	8,2
Больше 6 часов	32,8	42,8	38,0
Затрудняюсь / Нет ответа	3,8	1,6	2,6

⁵ Нормы физической активности для поддержания здоровья. Рекомендации ВОЗ. URL: <https://feez.io/blog/27032019com#> (дата обращения: 09.01.2024).

Несмотря на то что у значительной части детей интенсивность занятий физическими упражнениями ниже рекомендованной ВОЗ, большинство родителей обеих групп детей считают, что их ребенок посвящает спорту и физической культуре достаточно времени («вполне достаточно» и «скорее достаточно»). В табл. 3 представлены оценки интенсивности физической активности детей, данные опрошенными родителями.

Таблица 3. Распределение ответов родителей, имеющих детей 3–12 лет, на вопрос: «Как Вы оцениваете, в настоящее время Ваш ребенок достаточно или недостаточно времени посвящает спорту, физической культуре?», %

Варианты ответов	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Вполне достаточно	56,2	51,5	53,7
Скорее достаточно	25,0	22,4	23,6
Скорее недостаточно	15,0	20,5	17,9
Совершенно недостаточно	3,0	4,8	3,9
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	0,8	0,8	0,8

Показателем вовлеченности детей в сферу спорта является наличие у них спортивного разряда. По требованиям Единой всероссийской спортивной классификации юношеские разряды в художественной гимнастике и спортивной гимнастике у девочек и в фигурном катании начинают присваивать с 6 лет. Судя по данным опроса, представленным в табл. 4, в группе 6–12 лет имеют тот или иной спортивный разряд 7,2 %, в то же время подавляющее большинство детей не имеют спортивного разряда: в группе детей 6–12 лет их доля составляет 91,5 %.

Таблица 4. Распределение ответов родителей, имеющих детей 6–12 лет, на вопрос: «Имеет ли Ваш ребенок спортивный разряд? Если да, то какой?», %

Варианты ответов	Дети в возрасте 6–12 лет
Нет спортивного разряда	91,5
Юношеский спортивный разряд	4,7
Спортивный разряд	2,3
Мастер, кандидат в мастера спорта России (КМС)	0,2
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	1,3

Резюмируя данные опроса о практиках вовлеченности детей 3–12 лет в сферу спорта, можно заключить, что в родительской среде преобладает ориентация на общую физическую подготовку детей, а спорт высоких достижений интересует относительно небольшую их долю. Интенсивность занятий физическими упражнениями у большинства детей 3–12 лет ниже рекомендуемой специалистами в области детского здоровья.

Возможности родителей и семей в развитии детского спорта

Важнейшим фактором, стимулирующим интерес к физкультуре и спорту, является позитивное эмоциональное и рациональное их восприятие. Как показали результаты опроса родителей, их детям в большинстве своем нравится физическая активность, причем в самых разных формах. В среднем трем из четырех детей 3–5 лет (75,9 %) и примерно стольким же детям 6–12 лет (72,3 %), которые занимаются самостоятельно на улице или дома, эти занятия очень нравятся.

Доля детей 3–5 лет, испытывающих позитивные эмоции от посещения дополнительных платных занятий в образовательных учреждениях, составляет 79,6 %, а среди детей 6–12 лет она значительно ниже (47,7 %). Это обусловлено тем, что в более старшем возрасте расширяется круг интересов детей, в том числе связанных с занятиями спортом, а предлагаемые в образовательных учреждениях кружки и секции далеко не всегда отвечают запросам детей и их родителей. Среди детей 3–5 лет, посещающих платные занятия в секциях вне образовательного учреждения, 77,9 % эти занятия очень нравятся. Среди детей 6–12 лет эта доля составила 76,3 %.

Родители позитивно относятся к занятиям своих детей физкультурой и спортом, видят в этом пользу для их здоровья, социализации и личностного развития. Большинство респондентов, имеющих детей 3–12 лет, считают, что занятия физкультурой и спортом улучшают общее здоровье и физическое развитие ребенка. О позитивном влиянии спорта на воспитание дисциплины и развитие уверенности в себе заявили чуть менее трети опрошенных родителей, а каждый четвертый респондент отметил, что занятия физкультурой и спортом воздействуют на формирование характера и волевых качеств ребенка. Сведения об отношении родителей к вовлеченности их ребенка в сферу спорта представлены в табл. 5.

Таблица 5. Распределение ответов родителей детей 3–12 лет на вопрос: «Как Вы считаете, в чем польза для Вашего ребенка, когда он занимается физкультурой и спортом?», %

Варианты ответа	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Улучшают здоровье и общее физическое развитие ребенка	64,2	62,2	63,2
Способствуют воспитанию дисциплинированности	31,4	32,3	31,8
Развивают уверенность в себе	31,0	31,5	31,3
Воздействуют на формирование характера и волевых качеств	23,9	26,7	25,2
Укрепляют отношения с другими детьми	22,1	23,4	22,7
Развивают умение общаться в коллективе	23,4	20,0	21,8
Содействуют гармоничному развитию ребенка	22,5	20,4	21,5
Содействуют реализации спортивных способностей, таланта	13,9	14,5	14,2
Развивают творческие способности	9,0	8,6	8,8
Содействуют рациональному использованию личного времени	6,4	8,5	7,4
Дают возможность сравнить свои способности с другими	6,1	8,0	7,0
Укрепляют отношения с родителями, родственниками	6,3	4,8	5,6
Другое	0,3	0,4	0,4
Не вижу никакой пользы / Нет пользы	0,8	0,4	0,6
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	1,0	0,7	0,9

В приобщении детей 3–5 лет к спорту, судя по данным опроса, первостепенную роль играет семья, что вполне ожидаемо. Так, 31,4 % родителей ответили, что на развитие интереса их ребенка к спорту повлияли совместные семейные занятия. Личный пример отца как побудительный мотив к занятиям ребенка спортом и физкультурой отметили 28,2 % респондентов, а личный пример матери — 23,6 %.

Для детей 6–12 лет семья также играет значимую роль. В то же время в этой группе возрастает влияние примера друзей на вовлеченность в занятия спортом. Этот фактор отметили 24,2 % родителей детей 6–12 лет против 17,9 % родителей детей 3–5 лет. Кроме того, как видно из данных табл. 6, в группе детей 6–12 лет значительно ярче проявляет себя такой фактор, как любимый вид спорта: на его значимость указали 16,5 % родителей детей 6–12 лет против 8,3 % родителей детей 3–5 лет. Также с возрастом увеличивается роль тренера в развитии интереса к спорту и одновременно снижается роль работников образовательных учреждений, что обусловливается более осознанным отношением детей из старшей возрастной подгруппы к занятиям физической активностью.

Таблица 6. Распределение ответов родителей, имеющих детей 3–12 лет, на вопрос: «Что, по Вашему мнению, повлияло на развитие интереса и приобщение к занятиям физкультурой и спортом Вашего ребенка?», % — ранжированный ряд по колонке «В целом»

Ответы	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Личный пример отца	28,2	24,2	26,1
Совместные занятия с ребенком	31,4	20,5	25,7
Пример друзей	17,9	24,2	21,2
Личный пример матери	23,6	16,6	20,0
Рекомендации работников образовательного учреждения	15,8	11,2	13,4
Любимый вид спорта	8,3	16,5	12,6
Советы родственников	6,6	9,6	8,2
Интернет	6,6	6,8	6,7
Советы тренера	3,4	8,7	6,1
Советы врача	5,8	6,1	6,0
Передачи по телевидению	6,1	3,9	5,0
Соревнования	1,9	7,3	4,7
Пока ничто не повлияло	10,6	10,1	10,4
Другое	3,8	6,4	5,2
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	2,3	2,9	2,6

Важно — и это подтверждают результаты опроса, — что пример родителей возглавляет тройку ведущих факторов, оказывающих влияние на мотивацию детей раннего возраста (3–5 лет) заниматься спортом: на него указали 67,3 % опрошенных родителей.

Вторым по значимости фактором стало «удобное расположение и транспортная доступность спортивных сооружений» (63,2 %), а третьим — «возможность расширить круг общения ребенка, завести новые знакомства» (56,7 %). Чуть более половины (51,9 %) респондентов из этой группы считают, что на мотивацию их ребенка заниматься физкультурой и спортом влияет возможность делать это совместно с родителями.

По мнению родителей, имеющих детей более старшего возраста (6–12 лет), в первую тройку факторов, которые сильно влияют на мотивацию их ребенка заниматься физкультурой и спортом и которые отражают особенности данной возрастной категории детей, входят «удобное расположение и транспортная доступность спортивных сооружений» (68,6 %), «возможность участвовать в соревнованиях и занимать призовые места» (61,3 %) и «возможность заниматься с друзьями, знакомыми, в компании» (59,9 %).

Такие факторы, как «пример родителей» и «возможность заниматься ребенку одновременно с родителем», отметили, согласно данным табл. 7, соответственно 58,5 и 39,9 % из данной группы респондентов, что также свидетельствует о достаточно значимой роли семьи в вовлечении детей в сферу спорта.

Таблица 7. Оценка родителями, имеющими детей в возрасте 3–12 лет, факторов, которые сильно влияют на мотивацию детей возраста их ребенка заниматься физкультурой и спортом, % — ранжированный ряд по колонке «В целом»

Оцениваемые факторы влияния	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Удобное расположение и транспортная доступность спортивных сооружений	63,2	68,6	65,8
Пример родителей	67,3	58,5	63,1
Возможность участвовать в соревнованиях и занимать призовые места	54,0	61,3	57,5
Возможность расширить круг общения ребенка, завести новые знакомства	56,7	57,6	57,2
Возможность заниматься с друзьями, знакомыми, в компании	53,8	59,9	56,7
Возможность заниматься ребенку одновременно с родителем	51,9	39,9	46,2
Возможность улучшить фигуру, телосложение	38,9	45,8	42,2
Рекомендации врачей	42,7	40,8	41,8
Пример известных людей, профессионалов, спортсменов, публичных личностей	27,9	35,8	31,7

Приведенные данные свидетельствуют о том, что семья играет ключевую роль в вовлеченности детей 3–12 лет в сферу спорта. В связи с этим важно оценить реальные возможности родителей в исполнении отводимой им роли.

Согласно оценкам родителей детей 3–5 лет, 57,4 % матерей с разной степенью интенсивности занимаются физкультурой и спортом, из них 22,2 % — на систематической основе. Не занимаются спортом 42,2 %. В группе отцов детей 3–5 лет занимаются физкультурой и спортом 54,3 %, из них 23,2 % — на систематической основе. Не занимаются физкультурой и спортом 38,6 %.

Судя по оценкам родителей детей 6–12 лет, с той или иной степенью интенсивности занимаются физкультурой и спортом 53,7 % матерей, из них 18,2 % регулярно. Не занимаются 45,8 %. Среди отцов занимаются с разной степенью интенсивности физкультурой и спортом 61,3 %, из них 23,7 % регулярно. Не занимаются 39,2 %.

В целом полученные результаты говорят о том, что большая часть опрошенных родителей могут своим примером демонстрировать детям вовлеченность в сферу спорта, прежде всего массового.

В то же время 62,8 % родителей детей 3–5 лет и 65,8 % родителей детей 6–12 лет считают, что их знаний недостаточно («скорее недостаточно» и «совершенно недостаточно») для самостоятельных занятий с ребенком с учетом его возрастных особенностей. Только треть (34 %) родителей детей 3–12 лет, как видно из данных табл. 8, оценивают уровень своих знаний как достаточный («вполне достаточно» и «скорее достаточно»).

Таблица 8. Распределение ответов родителей, имеющих детей в возрасте 6–12 лет, на вопрос: «Как Вы считаете, достаточно или недостаточно у Вас знаний для того, чтобы самостоятельно заниматься физкультурой и спортом с ребенком, с учетом его возрастных особенностей?», %

Варианты ответов	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Вполне достаточно	16,9	17,0	17,0
Скорее достаточно	18,3	15,6	17,0
Скорее недостаточно	42,9	42,9	42,9
Совершенно недостаточно	19,9	22,9	21,4
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	1,9	1,5	1,7

Выходом для родителей, не имеющих достаточной подготовки для самостоятельных занятий спортом с детьми, являются организованные занятия в кружках и секциях, чаще всего платных, которые далеко не всем доступны по финансовым соображениям. И, как отметила одна из участниц фокус-группы в Тамбове, «если у вас нет определенных денег, вы своего ребенка никуда не повезете, потому что будет не на что» (Ж., 38 лет, ребенку 5 лет). Для значительного количества семей оплата детского спорта тяжелым бременем ложится на семейный бюджет: «Финансовая часть тоже для нас кусачая, для нашей семьи, а куда деваться» (Ж., 33 года, ребенку 9 лет, Санкт-Петербург).

Результаты опроса родителей показывают, что в группе детей 3–12 лет примерно у половины (48,6 %) семей бюджет не позволяет оплачивать занятия спортом, особенно теми его видами, которые требуют дорогостоящей экипировки и больших затрат на тренировочный процесс. И это выступает одним из барьеров развития детского спорта в стране. В табл. 9 приведены данные об оценке родителями материального положения своей семьи.

Для большинства родителей, дети которых в возрасте 3–5 лет не занимаются физкультурой и спортом (65,3 %), основной объяснительной причиной стал ответ «Рано еще». В группе родителей детей 6–12 лет эта доля существенно ниже — 16,7 %. Такой разрыв в оценках можно объяснить неопределенностью, которая существует

Таблица 9. Распределение ответов родителей, имеющих детей в возрасте 3–12 лет, на вопрос: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?», %

Варианты ответов	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты	1,9	2,0	2,0
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения	7,5	8,7	8,0
Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования вызывает затруднения	36,3	41,1	38,6
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи, например автомобиль	42,8	39,1	41,1
Мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи — квартиру, дачу и многое другое	6,1	4,6	5,4
Не хочу говорить / Затрудняюсь ответить	5,4	4,4	4,9

среди специалистов в области детского спорта, в отношении минимального возраста вовлечения детей в систематические занятия спортом. Более привычной для родителей практикой является приобщение детей к спорту через систематические занятия в секциях, спортивных школах и кружках в школьном возрасте. Об этом свидетельствуют и высказывания родителей на фокус-группах: «Такой диссонанс между осознанным выбором ребенка и возрастными нормами, которые предполагает вход в любой вид спорта. А ребенок еще не может. Что он в 3–5?» (Ж., 48 лет, ребенку 5 лет, Москва).

В качестве основных барьеров, мешающих ребенку начать заниматься спортом, родители обеих групп детей назвали следующие факторы: отсутствие спортивной инфраструктуры рядом с домом / местом учебы (23,1 и 25,9 % соответственно), недостаток свободного времени у родителей (17,8 и 18,6 % соответственно), отсутствие доступных занятий по любимому ребенком виду спорта (14,8 и 14,7 % соответственно).

На фокус-группах дополнительно отмечались такие барьеры, как отсутствие адекватной пропаганды детского спорта, недостаточное информирование родительского сообщества о наличии и доступности спортивных секций, неудобные сайты для подачи заявок в спортивные секции: «Очень у Мос.ру навигация сложная в плане записаться <...> У меня два высших, но мне, чтобы подать заявку, мне нужно вспомнить всю свою молодость, когда я училась» (Ж., 38 лет, ребенку 3 года, Москва).

В целом можно сделать вывод, что основными факторами, ограничивающими возможности семьи в развитии детского спорта, выступают недостаток у родителей знаний для самостоятельных занятий физическими упражнениями с ребенком с учетом его возрастных особенностей, ограниченность семейного бюджета для оплаты занятий детей в спортивных кружках и секциях, недостаток свободного времени у родителей, особенно когда до объектов спортивной инфраструктуры сложно добираться, недостаточная информированность родителей о том, где

расположены секции детского спорта, как записаться на бесплатные занятия, как приспособить свой график к графику работы спортивных объектов, интересных для их детей.

Условия для развития детского спорта: мнение родителей детей 3–12 лет

Базовым условием для развития детского спорта, как массового, так и спорта высоких достижений, является наличие соответствующей инфраструктуры и особенно той, которая расположена в местах проживания семей с детьми. Максимальное приближение спортивных объектов, их транспортная доступность расширяют возможности семей с детьми активно проводить свободное время, занимаясь физическими упражнениями на улице или в специально оборудованных помещениях и секциях.

Как показали результаты опроса родителей детей 3–12 лет, большинство семей проживает в условиях, когда вблизи их дома уже имеется та или иная спортивная инфраструктура. Правда, в основном идет речь о спортивных площадках с турниками или тренажерами (соответственно 52,3 и 48,8 %), еще примерно у двоих из пяти опрошенных (40,8 %) недалеко от дома имеется открытый стадион / футбольное поле.

Крытые сооружения, такие как спортивные или тренажерные залы, фитнес-центры, бассейны, вблизи места жительства имеет, судя по результатам опроса, примерно пятая часть семей с детьми в возрасте 3–12 лет. Еще реже встречаются хоккейные коробки (14,2 %), каток / ледовая арена (13,9 %), беговые дорожки (12,8 %), велодорожки (9,9 %).

О том, что по месту их жительства нет никаких объектов спортивной инфраструктуры (из числа представленных в опросном листе), заявили примерно 15 % респондентов из числа родителей, имеющих детей как 3–5, так и 6–12 лет.

В табл. 10 приведены данные о наличии по месту жительства родителей детей 3–12 лет тех или иных объектов спортивной инфраструктуры.

То, что лишь примерно 15 % респондентов указали на отсутствие вблизи их дома каких-либо объектов спортивной инфраструктуры, не означает, что остальные родители довольны этими сооружениями и площадками. Как отмечалось на фокус-группах, наличие около дома спортивных площадок еще не означает, что спортивные объекты доступны детям. Часто площадки заняты детьми более старшего возраста или взрослыми. По словам одной из участниц, они «бывают заняты гастарбайтерами» (Ж., 40 лет, ребенку 4 года, Москва). А некоторые из площадок травмоопасны: «Все железное, я как-то зашел на одну детскую площадку, железная. Я понимаю, что да, можно, конечно, травмироваться...» (М., 44 года, ребенку 12 лет, Санкт-Петербург). Не случайно поэтому 55,9 % родителей детей 3–5 лет и 58,7 % родителей детей 6–12 лет высказали мнение, что в настоящее время по месту их жительства скорее недостаточно или совершенно недостаточно спортивных сооружений для занятия детей физкультурой и спортом. И лишь около половины опрошенных (48,4 %) смогли сказать, что они в той или иной мере удовлетворены количеством физкультурно-оздоровительных и спортивных объектов в районе проживания.

Таблица 10. Доля респондентов из числа родителей, имеющих детей в возрасте 3–12 лет, указавших на наличие тех или иных спортивных сооружений по месту жительства (недалеко от дома), где ребенку можно заниматься физкультурой и спортом, % — ранжированный ряд по колонке «В целом»

Варианты ответа	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Спортивная площадка с турниками	52,6	52,1	52,3
Спортивная площадка с тренажерами	48,3	49,3	48,8
Стадион / футбольное поле	37,1	44,8	40,8
Фитнес-центр / спортивный зал / тренажерный зал	20,3	21,0	20,6
Бассейн	19,5	19,1	19,3
Хоккейная коробка	12,9	15,7	14,2
Каток / ледовая арена	13,2	14,6	13,9
Беговые дорожки	11,0	14,9	12,8
Велодорожки	9,2	10,6	9,9
Другое	3,0	1,8	2,4
Не имеется ничего из перечисленного	14,4	15,4	14,9
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	1,5	0,5	1,0

Тем не менее более половины опрошенных родителей детей 3–12 лет выразили удовлетворение многими другими условиями, включенными в перечень оцениваемых в ходе исследования. По таким аспектам, как удобное расположение и транспортная доступность спортивных объектов и безопасность их посещения, доля позитивных оценок («удовлетворен» и «скорее удовлетворен») превысила две трети от общего числа опрошенных: 68,1 и 66,1 % соответственно. Исключение составили два аспекта: количество физкультурно-оздоровительных и спортивных объектов в районе проживания, а также стоимость занятий, удовлетворенность которой выразили лишь 42,7 % опрошенных, при этом чаще всего это были родители детей 6–12 лет.

В табл. 11 приведены данные об удовлетворенности родителей детей 3–12 лет отдельными условиями для занятий детей физкультурой и спортом по месту жительства.

В целом можно констатировать, что большинство семей с детьми 3–12 лет проживают в условиях, когда вблизи их дома уже имеется та или иная спортивная инфраструктура, позволяющая детям заниматься физической культурой и спортом. Однако чаще всего речь идет о простейших спортивных объектах типа площадок с турниками или тренажерами. Значительно меньше людей могут похвастаться наличием по месту жительства капитальных сооружений (фитнес-центр, спортивный зал, тренажерный зал, бассейн), в которых могут работать спортивные секции. И даже при наличии таких сооружений вблизи дома или их хорошей транспортной доступности проблемой для многих родителей детей 3–12 лет остаются «возможность выбора занятий в соответствии со своими интересами» (удовлетворены этим аспектом 57,5 %); «удобное расписание предоставления услуг» (57,5 %);

Таблица 11. Уровень удовлетворенности родителей отдельными условиями для занятий физкультурой и спортом детей в возрасте 3–12 лет по месту жительства (доля ответов «удовлетворен» и «скорее удовлетворен»), % — ранжированный ряд по колонке «В целом»

Оцениваемые условия	Дети		
	3–5 лет	6–12 лет	в целом
Удобное расположение и транспортная доступность спортивных объектов	66,4	69,9	68,1
Безопасность посещения спортивных объектов	64,4	68,0	66,1
Оформление, санитарно-гигиеническое состояние мест занятий	58,7	60,0	59,3
Возможность выбора занятий в соответствии со своими интересами	56,5	58,7	57,5
Удобное расписание предоставления услуг	53,2	62,3	57,5
Доступность информации о проводимых физкультурно-спортивных мероприятиях	54,1	59,4	56,6
Материально-техническая оснащенность мест занятий (наличие и состояние спортивного оборудования и инвентаря)	52,3	54,1	53,1
Профессионализм и отношение тренерского состава	48,4	56,9	52,5
Количество физкультурно-оздоровительных и спортивных объектов в районе проживания	47,9	49,0	48,4
Стоимость занятий	40,1	45,5	42,7

«материально-техническая оснащенность мест занятий — наличие и состояние спортивного оборудования и инвентаря» (53,1 %); «профессионализм и отношение тренерского состава» (52,5 %). Основным фактором недовольства родителей выступает высокая стоимость спортивных занятий для детей. Названные проблемы — это своего рода барьеры для развития детского спорта в нашей стране.

Заключение

Проведенное исследование показало, что большинство детей 3–12 лет вовлечено в тот или иной вид физической активности. Среди родителей преобладает ориентация на занятия детей физической культурой. Они рассматривают ее как способ укрепления здоровья и форму социализации своего ребенка. Практики вовлеченности большинства детей, посещающих образовательные учреждения, в сферу спорта характеризуются их участием как в обязательных, так и в дополнительных занятиях. Те или иные спортивные секции, по оценкам родителей, посещают 60,0 % детей 3–12 лет. Однако спортивный разряд имеют всего 7,2 % от общей численности детей 6–12 лет, что косвенно свидетельствует об ориентации большинства родителей на общефизическую подготовку их детей, а не на спорт высоких достижений.

Роль родителей и семьи в приобщении детей к систематическим занятиям физкультурой и спортом трудно переоценить. Особенно велика она в раннем возрасте (3–5 лет). В более старшей возрастной группе (6–12 лет) усиливается влияние таких

факторов, как социальное окружение (пример друзей, совместные занятия с ними) и социальное признание (участие в соревнованиях, призы и награды).

Вместе с тем следует признать, что в настоящее время возможности семей с детьми 3–12 лет в занятиях детским спортом ограничены. По мнению опрошенных родителей, основными барьерами выступают недостаточность знаний для самостоятельных занятий физкультурой и спортом с детьми с учетом их возрастных особенностей, нехватка средств для оплаты спортивных секций и кружков, а также времени для сопровождения детей на занятия, недостаточная информированность родителей о расположении спортивной инфраструктуры в местах их проживания и возможностях записаться на бесплатные занятия с удобным графиком посещения.

Наличие развитой спортивной инфраструктуры как в образовательных учреждениях, так и по месту жительства выступает одним из ключевых факторов повышения уровня вовлеченности детей 3–12 лет в сферу спорта, в том числе спорта высоких достижений. В то же время проведенное исследование показало, что существующая спортивная инфраструктура создает главным образом условия для массовых занятий физической культурой. Спортивных объектов, ориентированных на вовлечение детей в систематические занятия определенными видами спорта, особенно зимними, явно недостаточно. В связи с этим в рамках национального проекта «Спорт — норма жизни» необходимы целевые программы по строительству и оптимальному размещению капитальных спортивных объектов, таких как спортивные комплексы, бассейны, стадионы с хоккейными коробками, лыжные трамплины и др.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020. № 159 (8213) от 22 июля.
2. Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом // ЕМИСС: Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61635> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года». URL: <https://static.government.ru/media/files/> (дата обращения: 09.04.2023).
4. *Sociology of Sport and Physical Activity*. 3rd edition / G. B. Cunningham, M. A. Dixon (eds). College Station: Texas A&M University; Center for Sport Management Research and Education, 2019.
5. *Morris D.* The soccer Tribe. London: Jonathan Cape, 1981.
6. Крокинская О. К., Немирова Н. В. Воспитанники детской спортивной школы олимпийского резерва: социальное самочувствие и жизненные стратегии // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 34–54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5712>
7. Матвеев Л. П. Спорт для всех и спорт не для всех // Спорт для всех. 1999. № 1–2. URL: <http://lib.sportedu.ru/Press/SFA/1999N1-2/p15-18.htm> (дата обращения: 25.12.2023).
8. Михель Д. В. Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым энтузиастом триатлона. Рецензия на книгу: Адельфинский А. С. (2018). Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС // Социология власти. 2018. Т. 30, № 2. С. 270–281.
9. Дмитрий Чернышенко: В России 88,5 % детей регулярно занимаются спортом. URL: <http://government.ru/news/46629/> (дата обращения: 22.12.2023).
10. Михайлова Т. А., Студеникина Е. С. Проблемы спорта и физической культуры в российских социологических исследованиях: история и перспективы развития // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 4. С. 121–136.

11. Мильштейн О. А. Социология физической культуры и спорта в СССР: обзор основных направлений и аннотированный указатель литературы (1918–1974 гг.). М.: Физкультура и спорт, 1974.
12. Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта / сост. В. И. Столяров, Н. Н. Чесноков, Е. В. Стопникова. М.: Физическая культура, 2005. Ч. 1–2.
13. Быховская И., Мильштейн О. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 2. С. 284–319. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-284-319>
14. Столяров В. И. Социология физической культуры и спорта. М.: Автор, 2004.
15. Sharkov F. I., Silkin V. V. *Sociology of sports and the space of sports practices: Social genesis and sociological theories* // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 1. С. 137–144. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-137-144>
16. Coakley J. *Sport in Society: Issues & Controversies*. 13th edition. New York: McGraw Hill LLC, 2021.
17. Гуревич М. А., Радилловская Т. Ю. Физическая культура в уральском регионе // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 89–93.
18. Как сформировать среду для спортсменов-любителей и стимулировать физическую активность во всех возрастах. Доклад Центра социального проектирования. URL: <https://pltf.ru/2023/02/14/kak-sformirovat-sredu-dlya-sportsmenov-lyubitelaj-i-stimulirovat-fizicheskuyu-aktivnostvo-vseh-vozrastah/> (дата обращения: 28.08.2023).
19. Мониторинг удовлетворенности жителей города Москвы условиями для занятий физической культурой и спортом в столице. Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования. М.: Новые социальные технологии, 2019.
20. Восколович Н. А., Юнусов Р. И. Проблемы вовлечения российского населения в занятия спортом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 3. С. 31–41. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-3-31>
21. Bean C. N., Fortier M., Post C., Chima K. Understanding how organized youth sport may be harming individual players within the family unit: A literature review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2014. Vol. 11. P. 10226–10268. <https://doi.org/10.3390/ijerph111010226>
22. Turkeri-Bozkurt H., Bulgu N. Is injury part of sports? A children's rights perspective // *International Review for the Sociology of Sport*. 2020. Vol. 55 (1). P. 98–114. <https://doi.org/10.1177/1012690218778536>
23. Eliasson I., Johansson A. The disengagement process among young athletes when withdrawing from sport: A new research approach // *International Review for the Sociology of Sport*. 2021. Vol. 56 (4). P. 537–557. <https://doi.org/10.1177/1012690219899614>
24. Полишкене Й., Низаметдинова З. Х., Носик О. В., Акулова Т. Н. Отношение студентов к занятиям оздоровительной гимнастикой в университетах гуманитарного и технологического профиля // *Теория и практика физической культуры*. 2022. № 7. С. 41–43.
25. Пухов Д. Н., Малинин А. В. Мотивационные предпочтения школьников в видах занятий физической культурой и спортом // *Теория и практика физической культуры*. 2020. № 7. С. 36–38.
26. Черкасов А. Ю., Мерзликин Д. М. Мотивация студенческой молодежи к занятиям физической культурой (по материалам социологического исследования) // *Автономия личности*. 2020. № 3 (23). С. 44–53.
27. Eccles J. S. School and family effects on the ontogeny of children's interests self perceptions, and activity choices // J. Jacobs (ed.). *Developmental perspectives on motivation: Vol. 40 of the Nebraska symposium on motivation*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1993. P. 145–208.

Статья поступила в редакцию 26 января 2024 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Иванов Сергей Анатольевич — д-р экон. наук, доц., ведущий эксперт; ivanov.san@hse.ru
Минина Вера Николаевна — д-р социол. наук, проф., ведущий эксперт; vn.minina@hse.ru
Паневина Мария Викторовна — mvpanevina@hse.ru
Абалин Авак Геневич — д-р педагог. наук, доц.; info@vniifk.ru
Фомиченко Татьяна Германовна — д-р педагог. наук, доц.; fomichenko.t.g@vniifk.ru

Engagement of Russian children in physical activity and sport: Opportunities and barriers*

S. A. Ivanov¹, V. N. Minina¹, M. V. Panevina¹, A. G. Abalyan², T. G. Fomichenko²

¹ HSE University,

16, ul. Soyuzna Pechatnikov, St. Petersburg, 190008, Russian Federation

² Federal Scientific Center for Physical Culture and Sports,

10, Elizavetinsky per., Moscow, 105005, Russian Federation

For citation: Ivanov S. A., Minina V. N., Panevina M. V., Abalyan A. G., Fomichenko T. G. Engagement of Russian children in physical activity and sport: Opportunities and barriers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 192–215. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.205> (In Russian)

The article analyzes the factors of Russian children's engagement in physical activity and sport. The empirical basis of the study is the results of the all-Russian representative survey of parents with children 3–5 and 6–12 years old ($N = 2274$, 46 subjects of the Russian Federation), as well as four focused groups with parents of children 3–5 and 6–12 years old in Moscow, St. Petersburg and Tambov. The subject field of the study covers physical activity practices of children of two age subgroups, factors of their involvement in sports, opportunities and facilities for appropriate activities in the community. The methodological basis of the study is the sociological model of children's involvement in physical and sport activity developed by the authors. The study found that according to parents' assessments, physical activity practices were predominant in both groups of children, with a small proportion of them practicing sports, especially in the 3–5 year old subgroup. The authors conclude that the main factor stimulating interest in physical activity and sport, both children and their parents, is a positive emotional and rational perception of systematic physical activity. At the same time, parents are predominantly focused on general physical training of their children, while a relatively small share of parents are interested in high-performance sports. According to the results obtained, the key motivators of children's involvement in physical activity are joint sports activities of parents and children and the father's personal example, which is noticeably ahead of TV programs, advice from coaches, doctors and others. Parents lack the necessary knowledge to engage in physical activities with their child, as well as lack of motivation for these activities are the main barriers to the involvement of children in physical activity and sport. It was noted that despite a fairly high level of development of sports infrastructure at the place of residence of Russians, the dominant type of these facilities are still simple outdoor sports grounds, which are in a condition that does not always dispose children, especially at an early age, to practicing on them.

Keywords: physical activity, sport, children, parents, involvement, motivation, practices, conditions, opportunities for practicing.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 no. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030". *Rossiiskaia gazeta*, 2020, no. 159 (8213) of July 22. (In Russian)

* The article was prepared based on the results of the study "Sociological survey to determine the individual needs (motivation) of all categories and groups of the population in the conditions for physical education and sports and factors hindering them", carried out on the state assignment of the Federal State Budgetary Institution Federal Scientific Center of Physical Culture and Sport of the All-Russian Research Institute of Physical Culture within the framework of the federal project "Sport is the Norm of Life". NMO Report. No. NIOKTR AAAA-A19-119042290098-5, 2023.

2. Share of citizens systematically engaged in physical culture and sports. *EMISS: State Statistics*. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/61635> (accessed: 14.01.2023). (In Russian)
3. Order of the Government of the Russian Federation from November 24, 2020 no. 3081-r "On Approval of the Strategy for the Development of Physical Activity and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030". Available at: <https://static.government.ru/media/files/> (accessed: 09.04.2023). (In Russian)
4. *Sociology of Sport and Physical Activity*. 3rd edition. G. B. Cunningham, M. A. Dixon (eds). College Station, Texas A&M University, Center for Sport Management Research and Education, 2019.
5. Morris, D. *The soccer Tribe*. London, Jonathan Cape, 1981.
6. Krokinskaya, O. K., Nemirova, N. V. Schoolchildren of the children's sports school of Olympic reserve: Social well-being and life strategies. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 34–54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5712> (In Russian)
7. Matveev, L. P. Sport for all and sport not for all. *Sport dlia vsekh*, 1999, no. 1–2. Available at: <http://lib.sportedu.ru/Press/SFA/1999N1-2/p15-18.htm> (accessed: 25.12.2023). (In Russian)
8. Michel, D. V. Mass sport from the inside: An experience of included observation presented by a scholarly triathlon enthusiast. Book review: Adelfinsky, A. S. (2018). *Spite the Records*. Experience of mass sport research, Moscow: Delo Publishing House RANEPa. *Sotsiologiya vlasti*, 2018, vol. 30, no. 2, pp. 270–281. (In Russian)
9. Dmitrii Chernyshenko: In Russia 88.5 % of children are regularly engaged in sports. Available at: <http://government.ru/news/46629/> (accessed: 22.12.2023). (In Russian)
10. Mikhailova, T. A., Studenikina, E. C. Problems of sport and physical activity in Russian sociological studies: History and prospects of development. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 121–136. (In Russian)
11. Milstein, O. A. *Sociology of physical activity and sport in the USSR: A review of the main directions and annotated index of literature (1918–1974)*. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1974. (In Russian)
12. *Textbook on sociology of physical activity and sport*, compiled by V. I. Stoliarov, N. N. Chesnokov, E. V. Stopnikova, parts 1–2. Moscow, Fizicheskaja kul'tura Publ., 2005. (In Russian)
13. Bykhovskaya, I., Minshtein, O. Soviet sociology of sport: Start and... start again (Subjective notes with a claim to objectivity). *Sociologicheskoe obozrenie*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 284–319. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-284-319> (In Russian)
14. Stolyarov, V. I. *Sociology of physical activity and sport: textbook*. Moscow, Avtor Publ., 2004. (In Russian)
15. Sharkov, F. I., Silkin, V. V. Sociology of sports and the space of sports practices: Social genesis and sociological theories. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 137–144. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-137-144>
16. Coakley, J. *Sport in Society: Issues & Controversies*. 13th edition. New York, McGraw Hill LLC, 2021.
17. Gurevich, M. A., Radilovskaya, T. Yu. Physical activity in the Ural region. *Sociologicheskie issledovaniia*, 2003, no. 3, pp. 89–93. (In Russian)
18. *How to shape the environment for recreational athletes and encourage physical activity at all ages*. Report of the Center for Social Design. Available at: <https://pltf.ru/2023/02/14/kak-sformirovat-sredu-dlya-sportsmenov-lyubitelej-i-stimulirovat-fizicheskuyu-aktivnost-vo-vseh-vozzrastah/> (accessed: 28.08.2023). (In Russian)
19. *Monitoring of Moscow residents' satisfaction with the conditions for Physical Activity and Sport in the capital. Information and analytical report on the results of the sociological survey*. Moscow, Novye social'nye tehnologii Publ., 2019. (In Russian)
20. Voskolovich, N. A., Yunusov, R. I. Problems of involvement of the Russian citizens in sports activities. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2020, no. 3, pp. 31–41. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-3-31> (In Russian)
21. Bean, C. N., Fortier, M., Post, C., Chima, K. Understanding how organized youth sport may be harming individual players within the family unit: A literature review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2014, no. 11, pp. 10226–10268. <https://doi.org/10.3390/ijerph111010226>
22. Turkeri-Bozkurt, H., Bulgu, N. Is injury part of sports? A children's rights perspective. *International Review for the Sociology of Sport*, 2020, vol. 55 (1), pp. 98–114. <https://doi.org/10.1177/1012690218778536>
23. Eliasson, I., Johansson, A. The disengagement process among young athletes when withdrawing from sport: A new research approach. *International Review for the Sociology of Sport*, 2021, vol. 56 (4), pp. 537–557. <https://doi.org/10.1177/1012690219899614>
24. Polishkene, J., Nizametdinova, Z. H., Nosik, O. V., Akulova, T. N. Attitude of students to health gymnastics in universities of humanitarian and technological profile. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury*, 2022, no. 7, pp. 41–43.

25. Pukhov, D.N., Malinin, A.V. Motivational preferences of schoolchildren in types of physical activity and sport. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury*, 2020, no. 7, pp. 36–38.
26. Cherkasov, A. Yu., Merzlikin, D.M. Motivation of student youth to physical activities (on the materials of sociological study). *Avtonomiia lichnosti*, 2020, no. 3 (23), pp. 44–53.
27. Eccles, J.S. School and family effects on the ontogeny of children's interests self perceptions, and activity choices. In: J. Jacobs (ed.). *Developmental perspectives on motivation: Vol. 40 of the Nebraska symposium on motivation* (pp. 145–208). Lincoln, University of Nebraska Press, 1993.

Received: January 26, 2023

Accepted: April 28, 2024

Authors' information:

Sergei A. Ivanov — Dr. Sci. in Economics, Associate Professor, Leading Expert; ivanov.san@hse.ru

Vera N. Minina — Dr. Sci. in Sociology, Professor, Leading Expert; vn.minina@hse.ru

Maria V. Panevina — mvpanevina@hse.ru

Avak G. Abalyan — Dr. Sci. in Pedagogics, Associate Professor, General Director; nfo@vniifk.ru

Tatyana G. Fomichenko — Dr. Sci. in Pedagogics, Associate Professor; fomichenko.t.g@vniifk.ru

«Молоды душой»: социальные практики «серебряных» волонтеров (кейс Алтайского края)

Е. А. Попов

Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Для цитирования: Попов Е. А. «Молоды душой»: социальные практики «серебряных» волонтеров (кейс Алтайского края) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 216–231. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.206>

Статья связана с проблематикой активной старости россиян. Деятельность «серебряных» волонтеров в Алтайском крае стала объектом исследования, а предметом — их социальные практики, направленные на самореализацию, сплоченность вокруг общего дела, связь поколений, интеграцию в социум и т. д. Основной акцент при рассмотрении данного вопроса сделан на концептуализации активной старости. Такой подход позволяет на теоретическом уровне идентифицировать ценностные установки конкретной референтной группы, показать ее социальную активность и включенность в межпоколенческие отношения. Активная старость при этом рассматривается как концепт, акцентирующий внимание на совокупности конкретных социальных практик, участие в которых влияет на социальное самочувствие старшего поколения и на их жизненные стратегии. В основе статьи — результаты интервью с «серебряными» волонтерами ($N = 22$). Цель — выявление отношения пожилых людей к социальной активности в целом, волонтерству как социальному феномену и конкретным социальным практикам, связанным с активной старостью и волонтерской деятельностью. Используемый самими «серебряными» волонтерами лозунг «молоды душой» проанализирован с точки зрения его смысловой концептуализации и включенности в активные жизненные стратегии субъектов. Как установлено, общее дело становится одним из важных факторов активности волонтеров, их сплоченности, достижения результатов в оказании помощи и поддержки другим людям, а также в смысловой реализации. Были выявлены наиболее значимые социальные практики в деятельности «серебряных» волонтеров — творческие, инклюзивные, патриотические. Данные практики направлены не только на развитие коммуникативных связей «серебряных» волонтеров, но и на повышение их активности и включенности в социальную жизнь.

Ключевые слова: «серебряные» волонтеры, активная старость, социальная практика, «молоды душой», социальная сплоченность.

Введение

Для современных быстро стареющих обществ важнейшей проблемой является вовлечение пожилых людей в активную социальную деятельность. В этом проявляется не только забота о старшем поколении с точки зрения одной из ключевых ценностных установок человеческого бытия, а также продвижение тренда либерализации старения, связанного с открытием «новых идентичностей, основанных на прожитых годах, опыте, недоступном в более раннем возрасте» [1, с. 66],

но и вполне рациональная задача, направленная на поддержание активного долголетия и снижение экономических затрат государства на оказание медицинской помощи пожилым людям, развитие сети интернатов и т. д. Между тем в предлагаемой статье я не рассматриваю варианты социальной поддержки пожилых людей; предметом исследования является одна из форм активной деятельности «серебряных» волонтеров — оценка возможностей конкретных социальных практик в обеспечении активной старости индивидов. Референтной группой являются так называемые «серебряные» волонтеры — в мировом опыте социальных исследований такое название является устоявшимся.

Цель статьи — определить отношение «серебряных» волонтеров к активной социальной деятельности, в частности выраженной в ряде социальных практик, чтобы продемонстрировать их влияние не только на сохранение возможностей «для социальной самореализации пожилого человека, для расширения участия населения старших возрастов в решении социальных проблем» [2, с. 63], но и для осознания своей значимости в социальной интеграции общества.

Новизна предложенного ракурса исследования видится в соотнесении жизненных стратегий пожилых людей с социальными практиками, направленными на продление активной старости и формирование соответствующих ценностных установок. В результате такого соотнесения проясняется ценностно-смысловая концептуализация межпоколенческих связей «серебряных» волонтеров и молодежи, влияющая на продление активной старости людей старшего возраста. В основании такой концептуализации лежит общее дело, объединяющее ценностные установки разных поколений.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая рамка исследования направлена на два основных ракурса: концептуализация волонтерства как социального феномена и оценка возможностей конкретных социальных практик для укрепления тренда активной старости в обществе. В первом случае будет сделан акцент на «серебряном» волонтерстве, которое имеет свою специфику по сравнению с другими видами рассматриваемого феномена, во втором случае активная деятельность пожилых людей, реализуемая через социальные практики, идентифицируется как способ сплоченности социальной общности и продления активной старости.

В 1995 г. был принят Федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹, который определяет правовой статус волонтеров; в документе не дается определение волонтерству, однако из обобщения содержащихся в нем норм следует, что органы власти должны гарантировать и поддерживать данный вид деятельности граждан. В то же время в нашей стране действует федеральная программа по развитию «серебряного» волонтерства «Молоды душой»² — она является частью принятой Стратегии действий в интересах

¹ См.: Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 15.08.2023).

² См.: «Серебряное» добровольчество: программа. URL: <https://srebro.dobro.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ в феврале 2016 г.³ В одном из разделов Стратегии, в частности, определено, что «общество не может быть успешным, если люди не могут рассчитывать на достойную старость, наполненную смыслом и возможностью реализации»⁴. В данном нормативном акте не содержится информации о субъектности волонтерства пожилых людей, поскольку акцент сделан на направленности действий со стороны волонтеров по отношению к пожилым. Вместе с тем важным моментом следует признать акцент на необходимости накопления опыта по стимулированию активной социальной деятельности пожилых.

Согласно данным сайта «Серебряное» добровольчество», в России существует более 60 региональных центров «Молоды душой», с 2016 г. проведено более 10 тыс. мероприятий с участием «серебряных» волонтеров, семь всероссийских форумов, а всего по стране насчитывается более 70 тыс. «серебряных» волонтеров⁵. Приведенные данные свидетельствуют о популярности волонтерства среди пожилых людей. В качестве основных причин называются следующие моменты:

- формирование и укрепление межпоколенческих связей;
- обеспечение преемственности традиций, опыта, ценностей;
- повышение востребованности в обществе;
- улучшение качества жизни лиц старшего возраста и их ресоциализация⁶.

Практики «серебряного» волонтерства расширяются по всей стране и привлекают все больше заинтересованных людей.

Между тем отечественный опыт исследования «серебряного» волонтерства представлен несколькими ключевыми направлениями. Прежде всего обращает на себя внимание темпоральный подход к идентификации возрастной общности: так, П. А. Амбарова и Г. Е. Зборовский предлагают «рассматривать волонтерство с позиций темпорального подхода как способ конвертации временных ресурсов в какие-либо значимые для общности блага» [3, с. 41], также они дают оценку традиционной темпоральной стратегии поведения лиц пожилого возраста [4, с. 19] и затрагивают проблему определения социальных и иных факторов, ограничивающих «жизненную активность и жизненные возможности человека» в рамках концепта «преодоление возраста» [5, с. 128]. Для этих и других авторов характерно обращение к стратегии общего дела как к одному из ключевых детерминантов в развитии «серебряного» волонтерства [3, с. 41], при этом с общим делом связывается оценка экономической, социальной и социокультурной полезности волонтеров «серебряного» возраста для общества [6–9; и др.]. Большое значение для понимания роли «серебряного» волонтерства в социальных отношениях имеет обобщение межпоколенческого взаимодействия старшего и младшего поколений для транслирования социального опыта, социальных образцов и практик. Исследователи склонны полагать, что приобретение и расширение опыта такого социального взаимодействия способно обеспечить прочную связь между

³ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwllE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения 15.08.2023).

⁴ Там же. С. 21.

⁵ «Серебряное» добровольчество. URL: <https://serebro.dobro.ru> (дата обращения: 15.08.2023).

⁶ Там же.

поколениями и, кроме того, обозначить активную гражданскую позицию индивидов [1; 10, с. 117, 119]. О необходимости комплексного изучения феномена волонтерства и связанных с ним социальных практик заявляют М. В. Певная [11], Т. А. Быкова [12] и другие.

Зарубежные исследования «серебряного» волонтерства делают акцент на возможностях самореализации человека и дополнительных возможностях раскрытия его личностного потенциала [13–15; и др.]. Кроме того, апеллируя к понятию активной старости, они придерживаются идеи о том, что она способствует укреплению социальной сплоченности: «...человек уже не остается один, в кругу активных пожилых людей он чувствует себя нужным, социальные связи между людьми еще больше укрепляются» [16, р. 81].

В целях настоящей статьи я буду использовать определение волонтерства как социальной общности, идентифицируемой через «взаимосвязь, объединение людей, оказывающих социально значимую помощь без расчета на материальное вознаграждение, обладающих для этого необходимыми ресурсами, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов» [3, с. 36]. Как отмечают авторы, «старшим возрастным общностям потенциально доступен максимальный спектр видов и сфер деятельности» [4, с. 17]. В то же время под «серебряными» волонтерами я буду понимать, вслед за некоторыми исследователями, общность «лиц, завершивших прежнюю профессиональную деятельность, но имеющих ресурсы свободного времени и желающих быть полезными обществу» [6, с. 232]. Возрастной диапазон рассматривается как основной формальный признак «серебряного» волонтера — возраст от 55 лет [6, с. 231].

Стоит также подчеркнуть, что существующие исследования волонтерства, в том числе и его «серебряной» формы, так или иначе имеют выход на достаточно широкую проблематику активной старости. Показательным в этом смысле является включенность волонтерства в раскладку Индекса активного старения (Active Ageing Index, домен «Участие в жизни общества») ⁷, который генерирует в том числе данные о занятости людей возрастной категории 55–74 года. В этой связи, как отмечают исследователи, «стратегической задачей, на решение которой направлена концепция активного старения, является возврат людей старшего возраста на рынок труда и потребления» [17, с. 179]. Данный тезис о необходимости продолжения социально-экономической активности людей старшего возраста вполне убедительно согласуется с изменениями соответствующих жизненных стратегий, определяемых включенностью субъектов в социальную жизнь. В целом, как полагают Н. Ф. Кузнецова и Е. А. Кочина, «обзор зарубежных публикаций свидетельствует о том, что участие в волонтерской деятельности пожилых людей способствует улучшению их физического и психического здоровья, повышает их социальную активность, а следовательно, и помогает их социальной интеграции в общество» [2, с. 64].

Концепт (или тренд) активной старости обсуждается уже почти полвека сразу в нескольких направлениях. Во-первых, особое значение приобретает социально-экономический ракурс, поскольку активная старость предполагает и улучшение

⁷ См., например: Electronic Platform for Adult Learning in Europe. URL: [https://epale.ec.europa.eu/sites/default/files/reportece-wg-33.pdf#:~:text=The%20Active%20Ageing%20Index%20\(AAI\),%20their%20capacity%20for%20active%20ageing](https://epale.ec.europa.eu/sites/default/files/reportece-wg-33.pdf#:~:text=The%20Active%20Ageing%20Index%20(AAI),%20their%20capacity%20for%20active%20ageing) (дата обращения: 15.01.2024).

экономических показателей старения, например увеличение трудового потенциала. Так, ученые затрагивают вопрос повышения качества жизни субъектов в связи с активной старостью [17; 18; и др.]. Между тем качество жизни, как известно, соотносится с другими понятиями — удовлетворенностью жизнью, социальным благополучием, поэтому исследователи обращают внимание на взаимную детерминированность активной старости и данных характеристик социальной жизни [19; 20; 21, с. 118–120]. В то же время, как полагают некоторые авторы, экономика должна быть адаптирована к старению населения, и не всегда это происходит равномерно и с учетом как потребностей и желаний пожилых людей, так и возможностей самой экономики [22, с. 11–13; 23].

Во-вторых, самостоятельным неэкономическим исследовательским направлением является оценка либерализации старения, связанной с изменением отношения к старости. С этой позиции рассматривается социальное восприятие старости в социуме; при этом внимание акцентируется не только на позитивных изменениях отношения общества к старению, но и на их «стимулирующем» характере, поскольку либерализация старости влияет на повышение уровня социальных связей, преодоление одиночества, приобретение новых компетенций и навыков и деятельности и т. д. В этом плане старость воспринимается уже не как момент ухода человека из активной жизни, а напротив, как новый позитивный этап в его коллективной и индивидуальной жизнедеятельности. В одной из своих работ я затронул проблематику активной старости женщин [24]. На этот аспект проблемы также обращают внимание многие исследователи [25–29; и др.]. Они, в частности, подчеркивают, что современное общество предоставляет различные возможности самоидентификации для пожилых людей, увеличивая продолжительность периода активной старости. Вместе с тем основной критический взгляд на данный подход связан с попытками «вменения обществу правильной модели старения», что нередко приводит даже к распространенности тренда «гламурной старости» (полагаю, преимущественно в западном обществе) [30; 31].

В-третьих, в исследованиях присутствует социокультурный ракурс изучения активной старости. В этом ключе рассматривается роль межпоколенческих связей для продления активного старения и поддержания соответствующих ценностных установок, лежащих в основании построения соответствующих жизненных стратегий. Такие отношения значительно смягчают восприятие пожилыми людьми своего собственного возраста, а у молодежи способствуют закреплению уважительного отношения к старости и пожилым людям. Таким образом, возникает эффект перевода старения в плоскость гуманного отношения к человеку [32]. Кроме того, субъект-субъектные взаимодействия (например, пожилой — молодой) определяют активную старость, драйвером которой может выступать передача накопленного в течение жизни социального и социокультурного опыта от одного поколения другому [33–35].

Особого внимания в социокультурном ракурсе исследований заслуживает концепт «молоды душой», который применительно к деятельности «серебряных» волонтеров расширяет возможности идентификации данной общности. С точки зрения Л. Е. Сикорской, для волонтеров характерны «самовыражение и самоопределение, позволяющие человеку выразить свое внутреннее “Я” и утвердиться в жизненных ценностях, возможность общения, дружеского взаимодействия

с единомышленниками» [10, с. 214]. Определение «молоды душой», применимое к «серебряным» волонтерам, вполне согласуется с предложенной характеристикой: их активная деятельность, реализуемая в конкретных социальных практиках, ценностные установки, жизненный опыт, желание быть полезными обществу обеспечивают возрастной градиент как объективный признак старения, позволяют пожилым людям ощущать себя «не на свой возраст», быть деятельными в повседневном индивидуальном и социальном бытии.

Следует при этом учитывать, что активная старость отражает формирование сплоченности «серебряных» волонтеров; происходит это за счет инклюзии и соответствующих социальных практик. Идея социальной сплоченности в социогуманитарном знании представлена во многих исследованиях. Между тем я выделяю работы авторов, указывающие на возрастание сплоченности в коллективе в связи с активной жизненной позицией его участников. При этом такое взаимодействие имеет двусторонний характер: с одной стороны, сплоченность определяет дальнейший уровень социальных связей внутри общности (например, за счет эффективных социальных практик), с другой стороны, конкретная деятельность членов коллектива способствует росту сплоченности. Данное обстоятельство, в частности, рассматривается в работах В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой, В. В. Семеновой, Э. Дохерти (А. Doherty) и А. Кэррона (А. Carron) и других [36–41].

Таким образом, для идентификации социальной общности «серебряных» волонтеров имеют значение следующие два ключевые момента:

1) «серебряное» волонтерство является одним из действенных способов продления активной старости субъектов, связанной в том числе и с трансляцией ценностной установки «молоды душой»;

2) сплоченность общности и ее интегрированность в социум обеспечиваются эффективными социальными практиками, определяющими ответную реакцию социума на активную деятельность «серебряных» волонтеров.

Эмпирическая база исследования

Основным методом исследования является полуструктурированное интервью, проведенное в 2022–2023 гг. с «серебряными» волонтерами из различных городов и районов Алтайского края — Барнаула, Рубцовска, Бийска, Павловского, Первомайского и других районов ($N = 22$; 12 женщин и 10 мужчин). Средний возраст участников составил 62 года, в диапазоне от 59 до 72 лет, все были неработающими пенсионерами. Выбор информантов был случайным, однако в их когорту вошли активисты, являющиеся руководителями районных и городских организаций волонтеров, а статус «серебряных» волонтеров подтверждался их участием в двух последних краевых слетах «серебряных» волонтеров Алтая (V и VI, 2022–2023 гг.). Обработка результатов осуществлялась на базе Алтайского госуниверситета; после их получения проводилась транскрипция, составлялись соответствующие кодировочные таблицы.

Основная гипотеза исследования состояла в том, что используемые «серебряными» волонтерами социальные практики обеспечивают формирование устойчивых жизненных стратегий, в частности, например, стратегии межпоколенческой трансляции социального опыта.

Гайд интервью состоял из четырех основных блоков вопросов, направленных на оценку активной старости «серебряных» волонтеров и связанных с данным концептом социальных практик:

- 1) отношение к старости и поддержание активной жизненной позиции;
- 2) осознание необходимости сплоченности людей для решения актуальных задач развития общества;
- 3) признание ценности межпоколенческих связей и социальной полезности волонтерства;
- 4) реализация жизнеутверждающих и гражданских возможностей в конкретных социальных практиках волонтерства.

Основные результаты и обсуждение

«Молоды душой» — это концепт, сложившийся в сознании «серебряных» волонтеров как своеобразный отклик на возможный скепсис социума относительно их социальной активности, несмотря на возраст и известные ограничения в труде, быту, а также сложности во взаимодействии между поколениями, наличие заболеваний и физических отклонений. Кроме того, данный концепт представляет собой восприятие собственного «я», самооценку душевного состояния и социальной активности. Заявленный тренд активности и сплоченности представлен в федеральной программе по развитию «серебряного» волонтерства «Молоды душой», продвигается в социальных сетях, например во «ВКонтакте»⁸, актуализирован в мнениях информантов. Так, на вопрос о том, насколько тренд активной старости соответствует жизненным принципам «серебряных» волонтеров, все участники исследования выразили свое согласие с ним и признали, что «мы с душой подходим к делу» (и-10, М.)⁹; «наши дела говорят о том, что мы решаем проблемы, как и раньше, в молодом возрасте» (и-12, Ж.); «молоды душой — это принцип жизни, он очень помогает жить» (и-17, Ж.). При этом участники интервью оценивали старость в двояком смысле, но в основном в позитивном ключе:

1) старость как значимый переходный этап в жизни, позволяющий переосмыслить многие принципы и устои бытия: «Старость — это серьезно для меня, но есть другая сторона медали — молодость в душе» (и-2, Ж.); «Пришла старость — ну и что? Я зато смогла взглянуть на многие вещи по-другому, если можно так сказать: по-молодому» (и-4, Ж.);

2) старость как возможность продолжать активную социальную жизнь: «Наша старость — наша молодость, я бы так сказал, и поэтому нас рано списывать со счетов: мы готовы приносить пользу и дальше» (и-9, М.); «Мы серебряные, но в то же время и золотые: всегда активны и способны удивить» (и-17, Ж.).

Негативные отклики в большинстве случаев были связаны с диссонансом восприятия активной старости и состоянием здоровья — информанты полагали, что активность может отвлечь их от проблем со здоровьем. В то же время вовлеченность пожилых людей в активные практики связывалась и с грузом семейных

⁸ См.: Молоды душой: сообщество. URL: <https://vk.com/serebro.russia> (дата обращения: 20.08.2023).

⁹ Далее по тексту в скобках указывается код информанта и его половая принадлежность.

проблем и отвлекала от конфликтов с детьми и внуками, недостатка денежных средств и т. д.

Между тем смысл активной старости осознается информантами как возможность индивидуального и коллективного участия в социальной жизни, при этом особо подчеркивается желание помочь Родине и молодому поколению «встать на верный путь»: «Я не сомневался, что могу стать добровольцем, мне есть что сказать молодежи, которая прежде всего должна любить Родину, свой народ» (и-1, М.); «Не было сомнений, что я смогу быть активной, а теперь сложился наш коллектив — мы вместе, как молодая гвардия» (и-16, Ж.). Критика отношения молодежи и россиян к своей стране в основном была продиктована сложившейся международной политической ситуацией: «Всем сегодня сложно, но не все готовы понять, что происходит в мире и у нас в стране, поэтому им и все равно, что будет» (и-20, Ж.); «Нужно стремиться встать на верный путь в жизни, а у молодежи мы видим, что они готовы даже уехать из страны» (и-21, М.). На вопрос об отношении к патриотизму как национальной идее России все участники исследования признали необходимость воспитания у молодежи и сохранения у всех россиян любви к Родине; в оценках патриотичности звучали такие определения, как «только все вместе», «мы на своей земле» и т. д. Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что пожилые люди воспринимают активную старость как уход от повседневных проблем и одновременно возможность оценить происходящие социальные события с точки зрения социальной реальности — не только в идейно-политическом и социально-экономическом ключе, но и ценностно-смысловом или социокультурном.

Между тем некоторые вопросы в интервью были связаны с идентификацией сплоченности людей для решения актуальных задач развития общества. Так, например, на вопрос «Готовы ли общество и государство принимать позицию активной старости и в этой связи поддерживать предлагаемые пожилыми людьми гражданские инициативы?» были получены ответы, позволяющие обобщить мнение информантов: общество и государство, признавая необходимость поддержки активной старости, предоставляют возможность реализовывать важные для «серебряных» волонтеров инициативы. Данное мнение подтверждается проводимыми на регулярной основе слетами «серебряных» волонтеров на Алтае — всего проведено шесть таких мероприятий, на них рассмотрены и признаны эффективными осуществляемые пожилыми волонтерами социальные практики¹⁰. Вопрос «Насколько важна в обществе сплоченность людей и проявляется ли она среди “серебряных” волонтеров?» вызвал два варианта ответов:

1) общество обеспечивает сплоченность, но и само нуждается в нем: «Мы часть общества, сплоченность нам важна, но и оно само испытывает проблемы — люди живут сами по себе, поэтому нужно объединиться» (и-15, Ж.);

2) «серебряное» волонтерство демонстрирует наилучший вариант сплоченности: «Это сплачивает нас больше всего, мы как одна команда» (и-4, М.); «Не только возраст имеет значение, но и наш душевный настрой, он позволяет нам быть вместе» (и-5, Ж.).

¹⁰ «Дорогою добра»: В Алтайском крае состоялся краевой слет «серебряных» волонтеров / Минсоцзащиты Алт. края. URL: <https://www.aksp.ru/news/news/49921/> (дата обращения: 20.08.2023).

Вместе с тем встречались и критические отклики, в основном касающиеся слабой интеграции людей, разобщенности и отчужденности в обществе: «Сплоченность слабая, пожилые люди одиноки, поэтому вот и занимается» (и-3, Ж.).

Кроме того, следует подчеркнуть, что участники исследования в качестве основных форм сплоченности называли две основные: общее дело и желание помогать людям. Концептуализация общего дела проходит в ценностно-смысловом направлении: информанты, выстраивая свои ценностные приоритеты, в числе ключевых называли добро, достоинство, здоровье, желание жить и др. По мнению Д. М. Рогозина, на «триаде — здоровье, труд и знания — может быть выстроен либеральный образ активной старости, самодостаточной в поиске ресурсов и средств, необходимых для реализации собственных идей и целей» [1, с. 66]. Между тем общее дело идентифицируется как возможность сплоченности для решения актуальных вопросов; как отмечается исследователями, волонтерство может представлять собой способ конвертации ресурсов «в какие-либо значимые для общности блага» [3, с. 41]. Желание помогать людям можно рассматривать как фактор активной старости, основанный на определенных ценностных установках: помощь людям дает дополнительные возможности для осознания своей полезности социуму и другим людям и т. д. Таким образом, сплоченность в данном случае может рассматриваться и с точки зрения социальной обусловленности, и с позиций ценностно-смысловой определенности социальной жизни.

При обсуждении с «серебряными» волонтерами ценности межпоколенческих связей и социальной полезности волонтерства обозначился подход, который исследователи назвали «самоорганизующая сила поколений», имея в виду, что старшее поколение способно само генерировать позитивные жизненные стратегии без какой-либо опоры на другие поколения, например на молодежь [14, р. 69–70]. Возникает своеобразная «темпорально-смысловая дистанция» между поколениями (термин В. Н. Ярской [36]), которая, однако, значительно сокращается, если поколения универсализируют общее дело — именно оно становится ключевой универсалией для связи между ними. В интервью с «серебряными» волонтерами данное положение подтвердилось. Так, в межпоколенческих связях информанты видят возможность передачи социального опыта от старших младшим: «Среди молодежи тоже много волонтеров, но у них свои задачи, а нам важно научить их чему-то полезному» (и-8, М.), а также считают общее дело главным связующим звеном разных поколений: «У наших поколений могут быть разные идеи, но если есть общее дело, тогда нас это объединяет» (и-16, Ж.); «Помочь нашим солдатам — вот и общее дело» (и-22, Ж.). В этом смысле самоорганизующую силу поколений можно трактовать как возможность сплочения вокруг конкретного общего дела. В этом отношении вопросы социальной полезности волонтерства его участники связывали прежде всего с общим делом: «Маленькое дело я и сама решу, но есть и другое — наше общее, поэтому тут мы только вместе, ну и польза другая — есть надежда, что все решится» (и-5, Ж.).

Понятие общего дела становится для «серебряных» волонтеров основой развития социальных практик в их совместной деятельности. С точки зрения влияния этих практик на концептуализацию смысла лозунга «молоды душой» они определяют жизнеутверждающие возможности пожилых волонтеров. К числу таких действий можно отнести творческие практики. Их диапазон довольно широк; особый пласт таких творческих практик — это познавательные мероприятия для школьников

и молодежи. Здесь жизнеутверждающий потенциал проявляется в том, что они совпадают с тремя ключевыми ценностями пожилых — здоровье, труд, знание (познание), и обеспечивают таким образом самореализацию людей, повышают градус активности, мобилизуют силы на креативность и в целом «вдохновляют к жизни». Как отмечают информанты, «надо работать с молодежью, ее надо воспитывать, лучшее — это говорить о сохранении здоровья» (и-12, Ж.); «у нас есть чем удивить молодых, у нас много идей» (и-17, Ж.). Примечательно, например, что Министерство культуры РФ выпустило специальные методические рекомендации на этот счет — «Сборник волонтерских практик в сфере культуры» — с целью обобщения опыта творческих практик, связанных с сохранением традиционных ценностей и норм в российском обществе¹¹.

Не менее значимы в деятельности «серебряных» волонтеров и инклюзивные практики. Они позволяют поддерживать людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а также вовлекать их в волонтерство — так расширяется круг общения, укрепляется концептуализация смысла лозунга «молоды душой», а также проявляется направленность на общее дело. На Алтае в 2021 г. прошла вторая школа инклюзивного волонтерства, в которой приняли активное участие «серебряные» волонтеры, участвуя в реализации проекта «Такой как мы» для детей с ОВЗ¹². Информанты признают, что инклюзивные практики важны для них с точки зрения возможности поддержать силы, сохранить ощущение «молодости души», передать опыт позитивных жизненных стратегий детям и взрослым с ОВЗ: «Мы помогаем деткам, но и они нам помогают — мы видим эти силы и стремление быть как все» (и-22, Ж.); «Наш опыт дает силы, и, конечно, у нас есть общее дело — жить и быть полезными людям» (и-9, М.). Вместе с тем информанты нередко критикуют недостаточное внимание государства к людям с ОВЗ, но подчеркивают при этом, что многое зависит и от самих людей: «Нужно добиваться правды — или каждому по отдельности, или всем сразу» (и-17, Ж.).

Забота о людях проявляется и в других практиках волонтеров. Патриотические социальные практики стали значимыми в последнее время в связи со специальной военной операцией (СВО) России. Они еще более закрепили тренд на общее дело — поддержку военнослужащих в зоне спецоперации. Спектр конкретных действий «серебряных» волонтеров достаточно широк — пошив одежды и постельного белья, сбор предметов обихода и т. д. Волонтеры поддерживают концепт «молоды душой» как вектор единения поколений: «Наши мужчины стойкие, но и мы тоже», «Нас объединило это событие, оно укрепило наш патриотизм», «Мы верим своей стране, нашим защитникам, и мы их тоже будем защищать» и т. д. В целом патриотические ценности (любовь к стране, уважение традиций, признание силы народа и др.) прочно закрепились в представлениях пожилых людей и осуществляемых ими социальных практиках. Негативных отзывов о СВО не было (как известно, это сложный вопрос для восприятия в обществе), а в структуре общего дела «серебряных» волонтеров он занял прочную позицию, определив ценностную установку на поддержание действий государства в зоне СВО.

¹¹ См.: Сборник волонтерских практик в сфере культуры: методические рекомендации. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/f15/f1568fba6b5f17542744c0326752d00e.pdf?ysclid=llx4uzmcsr613857172> (дата обращения: 16.05.2023).

¹² См.: Такой как мы: сообщество. URL: <https://vk.com/wall-167943229?ysclid=llx3cx9u6f894538045> (дата обращения: 17.05.2023).

Заключение

Активная старость в среде «серебряных» волонтеров поддерживается рядом эффективных социальных практик, направленных на обретение общего дела, а также связанными с ним концептуализацией смысла лозунга «молоды душой», усилением сплоченности и интеграции в социум; проведенное исследование показало, что пожилые люди активно вовлечены в волонтерство, которое обеспечивает формирование и закрепление соответствующих жизненных стратегий, связанных, например, с поддержанием межпоколенческих связей или передачей социального опыта. Таким образом, выдвинутая гипотеза нашла подтверждение. Изучение соответствующих социальных практик показало, что, во-первых, они носят интегративный характер, обеспечивая продление активной жизненной позиции субъектов, закрепляя в социальной группе «серебряных» волонтеров не просто позитивное настроение, но и оптимистичный взгляд в будущее, релевантный концепту «молоды душой»; во-вторых, такие социальные практики откликаются на происходящие в обществе и стране изменения, включая, например, ситуацию с СВО, — данное обстоятельство в значительной степени повышает уровень внутренней самоорганизации волонтеров, способствует формированию понимания значимости своей роли в актуальных событиях; в-третьих, включенность «серебряных» волонтеров в указанные социальные практики стимулирует межпоколенческие связи, а значит, ключевые идеи социальной жизни становятся общими для молодежи и пожилых людей и, таким образом, могут стать маркерами социализации и инкультурации индивидов.

Волонтерство как социальный феномен нередко становится объектом современных социологических и междисциплинарных исследований, однако полученный научный материал в представленном ракурсе, когда идентифицируется целевая социальная группа («серебряные» волонтеры) и дается оценка ее включенности в конкретные социальные практики, соотносимые с концептуализацией активной старости, позволяет рассчитывать на новое исследовательское направление.

Между тем следует отметить, что основным ограничением выполненного исследования являются локус исследования — конкретный российский регион. Однако есть предположение, что рассмотренные социальные практики волонтерства могут как носить универсальный характер, так и отличаться некоторыми специфическими региональными чертами. В то же время для исследования имеет значение оценка системного характера «серебряного» волонтерства, когда включенность в соответствующие практики становится атрибутивной (постоянной) или же носит временный характер, возможно, воспринимаемый субъектами как досуговая деятельность.

Литература

1. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
2. Кузнецова Н. Ф., Кочина Е. А. «Серебряное волонтерство» как форма социальной активности старшего поколения: проблемы и перспективы развития (на материалах исследований в Республике Хакасия) // Siberian Socium. 2022. Т. 6, № 1 (19). С. 62–73. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-62-73>
3. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 35–47. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.4.3>

4. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Темпоральные противоречия возрастных общностей: типологический анализ стратегий преодоления // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 2. С. 8–27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5157>
5. *Амбарова П. А.* Родятся дети, и жизнь повторится сначала... пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 127–134.
6. *Карманов М. В., Золотарева О. А.* «Серебряные» волонтеры как объект прикладных исследований // Научные труды Волюного экономического общества России. 2020. Т. 222, № 2. С. 226–240. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-226-240>
7. *Анисимова М. А.* Серебряные волонтеры как феномен волонтерского движения // Вестник современных исследований. 2018. № 5.3 (20). С. 327–329.
8. *Ульянова Е. В.* Модели взаимодействия государственного сектора и общественных организаций в сфере волонтерской деятельности: социально-культурный анализ // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 174. С. 116–121. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-174-116-121>
9. *Зальцман Т. В.* Проблемы изучения добровольческой деятельности пожилых людей // Международный форум «Старшее поколение» (11–14 апреля 2012 г., г. Санкт-Петербург): материалы. СПб.: Вектор, 2012. С. 52–53.
10. *Сикорская Л. Е.* Педагогический потенциал добровольческой деятельности студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 213–217.
11. *Певная М. В.* Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. 434 с.
12. *Быкова Т. А.* Социальная политика в отношении граждан пожилого возраста: опыт и перспективы развития // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы конференции (7–8 декабря 2017 г.) / отв. ред. Ю. Ю. Шурыгина. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 3–4.
13. *Morrow-Howell N., Hinterlong J., Rozario P. A., Tang F.* Effects of volunteering on the well-being of older adults // The Journals of Gerontology: Series B. 2003. Vol. 58, no. 3. P. 137–145. <https://doi.org/10.1093/geronb/58.3.S137>
14. *Berčan M., Ovsenik M.* Intergenerational learning: A cornerstone of quality aging // Journal of Educational and Social Research. 2019. Vol. 9, no. 2, May. P. 67–71. <https://doi.org/10.2478/jesr-2019-0014>
15. *Grip Ya., Hanson L. M., Vantilborg T., Janssen L., Jones S. K., Hyde M.* Can volunteering in later life reduce the risk of dementia? A 5-year longitudinal study among volunteering and non-volunteering retired seniors // PLoS ONE. 2017. Vol. 12, no. 3. P. 1–14. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0173885>
16. *Chen L., Minzhi Ye, Yilin W.* Shaping identity: Older adults' perceived community volunteering experiences in Shanghai // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2020. Vol. 49, no. 1, March. P. 77–91. <https://doi.org/10.1177/0899764020911205>
17. *Григорьева И., Богданова Е.* Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>
18. *Григорьева И. А.* Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 3. С. 131–145.
19. *Andersson L. B., Marcusson J., Wressle E.* Health-related quality of life and activities of daily living in 85-year-olds in Sweden // Health & Social Care in the Community. 2014. Vol. 22 (4). P. 368–374. <https://doi.org/10.1111/hsc.12088>
20. *Башкирева А. С., Богданова Д. Ю., Билык А. Я., Шишко А. В., Качан Е. Ю., Кулапина М. Э.* Возможности управления качеством жизни в пожилом возрасте на основе концепций активного долголетия // Клиническая геронтология. 2019. № 25 (3–4). С. 70–79. <https://doi.org/10.26347/1607-2499201903-04070-079>
21. *Альперович В. Д.* Проблемы старения: демография, психология, социология. М.: Астрель; АСТ, 2004.
22. *Васильева Е. В.* Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. 190 с.
23. *Adams K. B., Leibbrandt S., Moon H.* A critical review of the literature on social and leisure activity and wellbeing in later life // Ageing & Society. 2022. No. 31. P. 683–712.
24. *Mendoza-Núñez V. M., Martínez-Maldonado M. D. L., Vivaldo-Martínez M.* What is the onset age of human aging and old age? // International Journal of Gerontology. 2022. No. 10 (1). P. 120–135. <https://doi.org/10.1016/j.ijge.2015.06.004>

25. Попов Е. А. Активная старость женщин в российских домах престарелых // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 139–144. <https://doi.org/10.31857/S013216250015999-1>
26. Соловьев А. К. Социальные последствия повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 23–31. <https://doi.org/10.31857/S013216250004275-5>
27. Szebehely M., Meagher G. Nordic eldercare — weak universalism becoming weaker? // Journal of European Social Policy. 2018. No. 28 (3). P. 294–308.
28. Moberg L. Marketisation of Nordic eldercare — is the model still universal? // Journal of Social Policy. 2017. No. 46 (3). P. 603–621.
29. Iecovich E. Aging in place: From theory to practice // Anthropological notebooks. 2014. Vol. 20. P. 21–33.
30. Шмерлина И. А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 165–175; № 4 (116). С. 71–83.
31. Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 109, № 3. С. 52–81.
32. Oswald F., Wahl H.-W. Creating and sustaining homelike places in own home environments // Rowles G. D., Bernard M. Environmental Gerontology. New York: Springer, 2013. P. 53–77.
33. Серова Е. А., Клюева Н. В. Межпоколенческие различия в ценностях и выборе видов волонтерской деятельности у молодых и «серебряных» волонтеров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 4. С. 454–461. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-454-461>
34. Серова Е. А. Социально-психологические особенности ценностных ориентаций молодых и «серебряных» волонтеров // Человеческий капитал. 2023. № 1 (169). С. 175–181. <https://doi.org/10.25629/НС.2023.01.20>
35. Доброхлеб В. Г. Активное долголетие как проблема современной молодежи // Народонаселение. 2012. № 4. С. 87–91.
36. Григорьева И. А., Видясова Л. А., Дмитриева А. В., Сергеева О. В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя, 2015.
37. Ярская В. Н. Теория темпоральности в исследовательской оптике виртуальных сетей: анализ сплоченности // Вестник СГТУ. 2015. Вып. 81, № 4. С. 120–128.
38. Ярская В., Пашинина Е., Медведев К. Социальная сплоченность виртуальных сообществ в фокусе качественных методов онлайн-исследования // Вестник СГТУ. 2014. Вып. 77, № 4. С. 149–157.
39. Ярская-Смирнова В. Н., Печёнкин В. В., Решетников Д. С. Визуализация сетевой структуры групповых отношений в контексте анализа социальной сплоченности // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 40–61.
40. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.
41. Doherty A., Carron A. Cohesion in volunteer sport executive committees // Journal of Sport Management. 2003. Vol. 17 (2). P. 116–141. <https://doi.org/10.1123/jsm.17.2.116>

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Попов Евгений Александрович — д-р филос. наук, проф.; popov.eug@yandex.ru

“Young at heart”: Social practices of “silver” volunteers (case of the Altai Territory)

E. A. Popov

Altai State University,
61, pr. Lenina, Barnaul, 656049, Russian Federation

For citation: Popov E. A. “Young at heart”: Social practices of “silver” volunteers (case of the Altai Territory). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 216–231. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.206> (In Russian)

The article is related to the problem of active old age of Russians. The activities of the “silver” volunteers in the Altai Territory have become the object of research, and the subject is their social practices aimed at self-realization, cohesion around a common cause, intergenerational connection, integration into society, etc. The main focus when considering this issue is on the conceptualization of active old age. This approach makes it possible to identify the value attitudes of a particular reference group on a theoretical level, to show its social activity and involvement in intergenerational relations. At the same time, active old age is considered as a concept that focuses on a set of specific social practices, participation in which affects the social well-being of the older generation and affects their life strategies. The article is based on the results of interviews with “silver” volunteers ($N = 22$). The aim is to identify the attitude of older people to social activity in general, volunteering as a social phenomenon and specific social practices related to active old age and volunteering. The trend “young at heart” used by the “silver” volunteers themselves is analyzed from the point of view of its semantic conceptualization and involvement in the active life strategies of the subjects. As it is established, a common cause becomes one of the important factors of volunteer activity, their cohesion, achieving results in helping and supporting other people, as well as in meaningful life realization. The most significant social practices in the activities of the “silver” volunteers were identified — creative, inclusive, patriotic. These practices are aimed not only at developing the communication ties of the “silver” volunteers, but also at increasing their activity and involvement in social life.

Keywords: “silver” volunteers, active old age, social practice, “young at heart”, social cohesion.

References

1. Rogozin, D. M. Liberalization of aging, or labor, knowledge and health in old age. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2012, no. 4, pp. 62–93. (In Russian)
2. Kuznetsova, N. F., Kochina, E. A. “Silver volunteering” as a form of social activity of the older generation: Problems and prospects of development (based on research materials in the Republic of Khakassia). *Siberian Society*, 2022, vol. 6, no. 1 (19), pp. 62–73. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-62-73> (In Russian)
3. Ambarova, P. A., Zborovsky, G. E. Volunteers of the “silver age”: Regulation of temporal strategies of behavior of the age community. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2017, no. 4, pp. 35–47. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.4.3> (In Russian)
4. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A. Temporal contradictions of age communities: Typological analysis of coping strategies. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 8–27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5157> (In Russian)
5. Ambarova, P. A. Children will be born, and life will repeat itself from the beginning... elderly parenthood as a strategy for “overcoming age”. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki*, 2016, no. 4 (44), pp. 127–134. (In Russian)
6. Karmanov, M. V., Zolotareva, O. A. “Silver” volunteers as an object of applied research. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2020, vol. 222, no. 2, pp. 226–240. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-222-2-226-240> (In Russian)
7. Anisimova, M. A. Silver volunteers as a phenomenon of the volunteer movement. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, 2018, no. 5.3 (20), pp. 327–329. (In Russian)
8. Ulyanova, E. V. Models of interaction between the public sector and public organizations in the field of volunteer activity: Socio-cultural analysis. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 23, no. 174, pp. 116–121. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-174-116-121> (In Russian)
9. Saltzman, T. V. Problems of studying volunteer activity of elderly people. In: *The International Forum “The Older Generation”*. St. Petersburg, Vector Publ., 2012, pp. 52–53. (In Russian)
10. Sikorskaya, L. E. Pedagogical potential of volunteer activity of student youth. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2011, no. 2, pp. 213–217. (In Russian)
11. Pevnaya, M. V. *Volunteer management: International experience and local practices*. Yekaterinburg, UrFU Press, 2016. (In Russian)
12. Bykova, T. A. Social policy towards elderly citizens: Experience and development prospects. In: *Forms and methods of social work in various spheres of life: Materials of the conference*, ed. by Yu. Yu. Shurygin. Ulan-Ude: VSGUT Press, 2017, pp. 3–4. (In Russian)

13. Morrow-Howell, N., Hinterlong, J., Rosario, P. A., Tan, F. The impact of volunteering on the well-being of the elderly. *Gerontological journals: Ser. B*, 2003, vol. 58, no. 3, pp. 137–145. <https://doi.org/10.1093/geronb/58.3.S137>
14. Berčan, M., Ovsenik, M. Learning between generations: The cornerstone of qualitative aging. *Journal of Educational and Social Research*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 67–71. <https://doi.org/10.2478/jesr-2019-0014>
15. Grip, Y., Hanson, L. M., Vantilborg, T., Janssen, L., Jones, S. K., Hyde, M. Can volunteering reduce the risk of developing dementia in later life? 5-year longitudinal study among pensioners working on a voluntary basis and not being volunteers. *PLoS ONE*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0173885>
16. Chen, L., Minzhi, Ye, Yilin, W. Identity formation: Elderly people's perception of the experience of volunteering in the Shanghai community. *Quarterly Journal of the Non-profit and Voluntary Sector*, 2020, vol. 49, no. 1, pp. 77–91. <https://doi.org/10.1177/0899764020911205>
17. Grigorieva, I., Bogdanova, E. The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2020, no. 12 (2), pp. 187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211> (In Russian)
18. Grigorieva, I. A. Priorities of social policy: Elderly people. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2005, vol. 8, no. 3, pp. 131–145. (In Russian)
19. Andersson, L. B., Marcusson, J., Wressle, E. Health-related quality of life and activities of daily living in 85-year-olds in Sweden. *Health & Social Care in the Community*, 2014, vol. 22 (4), pp. 368–374. <https://doi.org/10.1111/hsc.12088>
20. Bashkireva, A. S., Bogdanova, D. Yu., Bilyk, A. Ya., Shishko, A. V., Kachan, E. Yu., Kulapina, M. E. Possibilities of quality of life management in old age based on the concepts of active longevity. *Klinicheskaia gerontologiya*, 2019, no. 25 (3–4), pp. 70–79. <https://doi.org/10.26347/1607-2499201903-04070-079> (In Russian)
21. Alperovich, V. D. *Problems of aging: Demography, psychology, sociology*. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2004. (In Russian)
22. Vasilyeva, E. V. *The concept of active longevity: Opportunities and limitations of implementation in Russia*. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN Press, 2022. (In Russian)
23. Adams, K. B., Leibbrandt, S., Moon, H. A critical review of the literature on social and leisure activity and wellbeing in later life. *Ageing & Society*, 2022, no. 31, pp. 683–712.
24. Mendoza-Nunes, V. M., Martinez-Maldonado, M. D. L., Vivaldo-Martinez, M. What is the age of the onset of human aging and old age? *International Journal of Gerontology*, 2022, no. 10 (1), pp. 120–135. <https://doi.org/10.1016/j.ijge.2015.06.004>
25. Popov, E. A. Active old age of women in Russian nursing homes. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, no. 5, pp. 139–144. <https://doi.org/10.31857/S013216250015999-1> (In Russian)
26. Soloviev, A. K. Social consequences of raising the retirement age. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2019, no. 3, pp. 23–31. <https://doi.org/10.31857/S013216250004275-5> (In Russian)
27. Szebehely, M., Meagher, G. Scandinavian care for the elderly — is weak universalism getting weaker? *Journal of European Social Policy*, 2018, no. 28 (3), pp. 294–308.
28. Moberg, L. Marketing of Nordic Eldercare — is the model still universal? *Journal of Social Policy*, 2017, no. 46 (3), pp. 603–621.
29. Ietsovich, E. Aging in place: From theory to practice. *Anthropological notebooks*, 2014, vol. 20, pp. 21–33.
30. Shmerlina, I. A. Liberalization of aging: Theoretical illusions and empirical anomalies. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2013, no. 3 (115), pp. 165–175; no. 4 (116), pp. 71–83. (In Russian)
31. Levinson, A. G. Institutional framework of old age. *Vestnik obshchestvennogo mneniia: Dannye, analiz, diskussii*, 2011, vol. 109, no. 3, pp. 52–81. (In Russian)
32. Oswald, F., Wal, H.-U. Creating and maintaining comfort in your own home environment. In: Rawls G. D., Bernard M. *Ecological gerontology* (pp. 53–77). New York, Springer, 2013.
33. Serova, E. A., Klyueva, N. V. Intergenerational differences in values and choice of types of volunteer activity among young and “silver” volunteers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 454–461. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-454-461> (In Russian)
34. Serova, E. A. Socio-psychological features of value orientations of young and “silver” volunteers. *Chelovecheskii kapital*, 2023, no. 1 (169), pp. 175–181. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.01.20> (In Russian)
35. Dobrokhleb, V. G. Active longevity as a problem of modern youth. *Narodonaselenie*, 2012, no. 4, pp. 87–91. (In Russian)

36. Grigorieva, I. A., Vidyasova, L. A., Dmitrieva, A. V., Sergeeva, O. V. *Elderly in modern Russia: Between employment, education and health*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2015. (In Russian)
37. Yarskaya, V. N. The theory of temporality in the research optics of virtual networks: Cohesion analysis. *Vestnik SGTU*, 2015, vol. 81, no. 4, pp. 120–128. (In Russian)
38. Yarskaya, V., Pashinina, E., Medvedev, K. Social cohesion of virtual communities in the focus of qualitative methods of online research. *Vestnik SGTU*, 2014, vol. 77, no. 4, pp. 149–157. (In Russian)
39. Yarskaya-Smirnova, V. N., Pechenkin, V. V., Reshetnikov, D. S. Visualization of the network structure of group relations in the context of social cohesion analysis. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2014, no. 39, pp. 40–61. (In Russian)
40. Semenova, V. V. *Social dynamics of generations: Problem and reality*. Moscow, Rosspen Publ., 2009. (In Russian)
41. Doherty, A., Carron, A. Cohesion in volunteer sports executive committees. *Journal of Sports Management*, 2003, vol. 17 (2), pp. 116–141. <https://doi.org/10.1123/jsm.17.2.116>

Received: December 5, 2023

Accepted: April 28, 2024

Author's information:

Evgeniy A. Popov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; popov.eug@yandex.ru

COVID-19 и ВИЧ: предубеждения и барьеры к прохождению вакцинации

Б. В. Сердюков¹, Л. В. Ежова²

¹ Центр социальных технологий и прикладных исследований «СФЕРА»,
Российская Федерация, 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 47

² Благотворительный фонд «Гуманитарное действие»,
Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 63

Для цитирования: Сердюков Б. В., Ежова Л. В. COVID-19 и ВИЧ: предубеждения и барьеры к прохождению вакцинации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 232–256. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.207>

Несмотря на смену глобальных эпидемиологических тенденций, угроза распространения ВИЧ по-прежнему сохраняет высокую актуальность как для РФ, так и для мира в целом. Вспыхнувшая в 2019 г. пандемия коронавируса COVID-19 и вызванные ею институциональные изменения системы здравоохранения оказали существенное влияние на людей, живущих с ВИЧ, и на представителей наиболее уязвимых к ВИЧ групп населения, обострив проблему неравного доступа к медицинским услугам. Большой поток тестирования на COVID-19 сократил объем обследований по другим заболеваниям, в том числе по ВИЧ. В некоторых регионах России из-за нехватки медицинского персонала инфекционисты СПИД-центров были перепрофилированы исключительно на работу с пациентами, инфицированными COVID-19, что привело к нарушению доступа к диспансерному наблюдению ВИЧ-инфицированных. Согласно данным СПб БФ «Гуманитарное действие», среди людей, живущих с ВИЧ, и представителей наиболее уязвимых к ВИЧ групп населения существовали барьеры к прохождению вакцинации, главным образом связанные с недостатком информации по данному вопросу. В статье представлены результаты онлайн-опроса, направленного на выявление барьеров и предубеждений, препятствующих прохождению вакцинации против коронавируса COVID-19 среди людей, живущих с ВИЧ, и представителей наиболее уязвимых к ВИЧ групп населения. Онлайн-опрос проводился с привлечением консорциумов и форумов, работающих в рамках проекта «Каскад». В исследовании приняли участие 324 респондента, преимущественно из трех регионов РФ (Санкт-Петербург, Москва, Челябинск). В результате опроса была проведена оценка распространенности коронавируса COVID-19 в обследуемых группах, охарактеризованы установки респондентов в отношении вакцинопрофилактики COVID-19, проведено описание специфических барьеров и предубеждений, препятствующих вакцинации от COVID-19 среди людей, живущих с ВИЧ, и представителей ключевых групп населения, а также выявлены другие факторы, оказывающие влияние на их готовность прививаться.

Ключевые слова: вакцинация, COVID-19, пандемия, ключевые группы населения, количественное и качественное исследование.

Введение

Угроза распространения ВИЧ-инфекции по-прежнему сохраняет высокую актуальность, несмотря на смену глобальных эпидемиологических тенденций, произошедшую в период 2019–2023 гг. По данным объединенной программы ООН

по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС), в 2022 г. общемировое число людей, живущих с ВИЧ, составило в среднем 39 млн человек¹. При этом, согласно данным Роспотребнадзора, Российская Федерация по темпам распространения ВИЧ демонстрирует высокие показатели роста².

Эпидемиология ВИЧ-инфекции характеризуется своими медико-социальными последствиями, порождающими в обществе сопутствующие негативные явления, такие как стигматизация людей, живущих с ВИЧ (далее ЛЖВ), вызванная недостатком информации о заболевании, распространенностью мифов о способах передачи ВИЧ [1], а также повышенной уязвимостью определенных групп населения, имеющих в восприятии общественности маргинальный статус [2]. Наиболее быстро ВИЧ распространяется среди представителей групп риска, к которым, в соответствии с классификацией, принятой во Всемирной организации здравоохранения [3], относятся мужчины, практикующие секс с мужчинами (далее МСМ), люди, употребляющие инъекционные наркотики (далее ЛУИН), секс-работники (далее СР), трансгендерные люди (далее ТГЛ), а также лица, содержащиеся в местах лишения свободы или других условиях изолированного пребывания.

Причины быстрого распространения ВИЧ среди ключевых групп риска носят комплексный характер и в разной степени свойственны каждой из них. Так, основными факторами ВИЧ-риска среди МСМ считаются высокая травматичность анального секса (повышенная вероятность повреждения слизистых оболочек) и рискованное сексуальное поведение, выраженное в частой смене сексуальных партнеров, игнорирование средств барьерной защиты (презервативов), эффективно защищающих от ВИЧ и инфекций, передаваемых половым путем [4]. Повышенный риск инфицирования среди ЛУИН связан прежде всего с распространенной в данной группе практикой использования нестерильных инструментов при парентеральном (инъекционном) введении наркотиков, как правило, в результате совместного использования инъекционного оборудования [5]. Основными факторами ВИЧ-риска среди секс-работников являются рискованное сексуальное поведение, а также инъекционное употребление наркотиков, распространенное среди представителей данной группы [6].

Среди ТГЛ повышенный риск инфицирования осложняется распространенной в российском обществе трансфобией и дискриминацией, препятствующими тестированию, профилактике и лечению ВИЧ [7]. Из-за общественного неприятия и распространенной стигматизации (в том числе среди медицинских работников) ТГЛ оказываются изолированными в социальном плане, что негативно сказывается на их доступе к социальным услугам, а также затрудняет проведение ВИЧ-профилактики. В то же время, сталкиваясь с сильной дискриминацией, ТГЛ испытывают проблемы с трудоустройством, в результате чего нередко обращаются к коммерческому сексу. В официальных источниках отсутствует статистика, характеризующая популяцию ТГЛ в РФ, однако некоторые исследования позволяют сделать заключение о высокой степени распространения ВИЧ в данной группе [8; 9].

¹ Информационный бюллетень — Глобальная статистика по ВИЧ: [раздел сайта] // ЮНИЭЙДС: [офич. сайт]. 2022. URL: <https://www.unaids.org/ru/resources/fact-sheet> (дата обращения: 15.01.2024).

² ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2022 г.: [раздел сайта] // Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом: [офич. сайт]. 2022. URL: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2023/09/Spravka-VICH-v-Rossii-na-31.12.2022.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

Вспыхнувшая в 2019 г. пандемия коронавируса COVID-19 и вызванные ею институциональные изменения системы здравоохранения оказали существенное влияние как на ЛЖВ, так и на представителей ключевых групп населения (далее КГН). Так, многие инфекционные государственные клиники и лаборатории были перепрофилированы для работы с COVID-19³. Большой поток тестирования на COVID-19 сократил объем обследований по другим заболеваниям, в том числе по ВИЧ. Низкий размер оплаты труда⁴ и высокие риски⁵ привели к массовому оттоку медицинского персонала и огромным перегрузкам оставшихся сотрудников системы здравоохранения. В некоторых регионах России из-за нехватки медицинского персонала инфекционисты СПИД-центров были перепрофилированы исключительно на работу с пациентами, инфицированными COVID-19, что привело к нарушениям доступа к диспансерному наблюдению в связи с ВИЧ [10]. Помимо этого, пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на экономическую уязвимость представителей ключевых групп, физическую безопасность в связи с ростом случаев насилия, а также на психическое здоровье (что особенно подчеркивается Всемирной организацией здравоохранения).

Главным способом борьбы с пандемией COVID-19 считается вакцинирование и достижение 80 % коллективного иммунитета. В августе 2020 г. была зарегистрирована вакцина Sputnik-V, в сентябре 2020 г. Правительством РФ была утверждена стратегия развития иммунопрофилактики, а в январе 2021 г. запущена массовая вакцинация от COVID-19, которая осуществлялась препаратами, зарегистрированными в РФ. В то же время, согласно данным Санкт-Петербургского благотворительного фонда (СПб БФ) «Гуманитарное действие», полученным в ходе оценки потребностей в период пандемии COVID-19, среди ЛЖВ и представителей ключевых групп существовали барьеры к прохождению вакцинации, главным образом связанные с недостатком информации по данному вопросу. Несмотря на то что проблематика нерешительности относительно вакцинации от COVID-19 довольно подробно освещена в мировой исследовательской литературе, большинство опубликованных материалов описывают результаты исследований среди ЛЖВ, в них редко затрагиваются представители наиболее уязвимых к ВИЧ групп населения.

Таким образом, проблематика данного исследования обусловлена, с одной стороны, высокой уязвимостью ЛЖВ и КГН для негативных последствий пандемии COVID-19, с другой — отсутствием исчерпывающей информации о существующих в РФ барьерах и предубеждениях, препятствующих вакцинации ЛЖВ и КГН против COVID-19. Важность изучения основных барьеров и предубеждений против вакцинации от COVID-19 продиктована необходимостью совершенствования системы профилактической работы среди ЛЖВ и КГН в отношении неспецифических

³ Приказ Министерства здравоохранения Свердловской области от 27 марта 2020 г. № 491-п «Об организации лабораторной диагностики новой коронавирусной инфекции в лабораториях учреждений здравоохранения Свердловской области».

⁴ О ситуации в здравоохранении: диагноз и лечение. Экспертное мнение: [раздел сайта] // Фонд Роскогнресс — информационно-аналитическая система Роскогнресс: [официальный сайт]. 2021. URL: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2023/09/Spravka-VICH-v-Rossii-na-31.12.2022.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

⁵ Risk of COVID-19 among front-line health-care workers and the general community: A prospective cohort study: [раздел сайта] // The lancet. Public Health: [официальный сайт]. 2020. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(20\)30164-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(20)30164-X/fulltext) (дата обращения: 15.01.2024).

угроз эпидемиологического характера. Эмпирический анализ барьеров и предубеждений, препятствующих вакцинации против COVID-19 среди ЛЖВ и КГН, позволяет обосновать необходимость преобразования профилактических методик, направленных на противодействие распространению пандемии в данных группах.

В данной статье представлены результаты опроса, проведенного благотворительным фондом «Гуманитарное действие» с целью выявления основных барьеров и предубеждений против вакцинации от COVID-19 среди ЛЖВ, а также КГН (ЛУИН, СР, МСМ, ТГЛ). Для достижения поставленной цели были выполнены следующие исследовательские задачи: произведена оценка распространенности коронавируса COVID-19 среди ЛЖВ- и КНГ-респондентов; охарактеризованы установки ЛЖВ- и КГН-респондентов в отношении вакцинопрофилактики COVID-19; выявлены наиболее значимые барьеры и предубеждения, препятствующие принятию решения о вакцинации среди ЛЖВ и КГН; проанализирована субъективная оценка целевой группой различных аспектов пандемии коронавируса COVID-19 как медико-социального явления.

Методология исследования

Для изучения личного опыта респондентов в области диагностики и лечения ВИЧ/COVID в анкету были добавлены вопросы, использованные Роспотребнадзором в исследовании, направленном на изучение распространенности коронавирусной инфекции COVID-19 среди инфицированных ВИЧ пациентов в России и влияния эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19 на оказание медицинской помощи при ВИЧ-инфекции [11]. В рамках исследования был сформулирован ряд гипотез, направленных на поиск барьеров и предубеждений, препятствующих вакцинации против COVID-19 среди ЛЖВ и КГН.

ЛЖВ и КГН ввиду своего положения сталкиваются со специфическими барьерами перед вакцинацией (структурными, социальными, институциональными, индивидуальными)⁶. Основная гипотеза исследования: решающее влияние на решение о вакцинации против COVID-19 оказывают структурные барьеры и личные предубеждения, обусловленные медико-социальными аспектами статуса ЛЖВ и КГН, их представлениями о состоянии собственного здоровья. Для проверки данной гипотезы респондентам задавали вопрос: что станет проблемой для респондента, если он решит вакцинироваться?

Дополнительные гипотезы исследования были выдвинуты на основании следующих положений.

- Необходимость преодоления пандемии COVID-19 поставила перед российским обществом задачу мобилизации своих интеграционных ресурсов для построения гражданско-солидаризационной структуры, направленной на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции. Однако в процессе ее формирования обнаружились характерные для российского общества интеграционные проблемы, обусловленные формализацией гражданской солидарности, символической отчужденности ее микросоциальных практик в сфере обществен-

⁶ Типология идентична той, которая использовалась при исследовании барьеров при доступе к тестированию и лечению ВИЧ-инфекции для ключевых групп населения [8].

ной безопасности [12]. На фоне возросшей угрозы повышенного риска заражения в крупных мегаполисах социологами отмечалось снижение уровня солидарности [13, с. 141] и межличностного доверия (данные представлены организацией, признанной в РФ иностранным агентом) [14]. Несмотря на то что пандемия COVID-19 закрепились в общественном восприятии как национальная угроза, гражданская солидарность, направленная на противостояние ей, по прошествии периода «нерабочих дней», так и не обрела в обществе абсолютного характера. К тому же наблюдался рост индивидуалистских настроений, некоторая избирательность со стороны граждан в отношении соблюдения мер профилактики коронавируса [15]. По прошествии периода «нерабочих дней» значительная часть социума не поняла и не приняла жизненного смысла ограничений и противоэпидемиологических мер, в том числе вакцинации [16, с. 435].

Таким образом, в основе второй гипотезы лежит предположение, что отношения гражданской солидарности, направленные на противодействие пандемии COVID-19, сформировались среди ЛЖВ и КГН лишь частично, в результате чего образовались альтернативные области пандемической солидаризации, оказывающие определяющее влияние на противоэпидемиологические установки и готовность пройти вакцинацию от COVID-19. Для проверки данной гипотезы производился анализ вовлеченности ЛЖВ и КГН в отношении гражданской солидарности, направленной на противодействие пандемии, в связи с чем респондентам задавались следующие вопросы: «Как Вы считаете, что станет главным условием завершения эпидемии коронавируса?»; «В случае начала очередной новой волны эпидемии, что из перечисленного Вы готовы будете ответственно соблюдать или делать?»; «При появлении у Вас симптомов заболеваний в каких случаях Вы будете обращаться за помощью врачей?»⁷; «С каким суждением о вакцинировании от коронавируса COVID-19 Вы согласны?»

- Оказавшись в ситуации пандемии, с одной стороны, россияне одновременно столкнулись с угрозой смертельного заболевания и невозможностью придерживаться привычного образа жизни, с другой стороны, они оказались в ситуации слабого общественного консенсуса в восприятии пандемических рисков, недостатка веры в общественные ценности и цели, обусловленные необходимостью противостоять распространению коронавируса. Все это создало условия, необходимые для формирования в обществе классического кризиса социальной аномии, характеризующейся утратой «эффективности нормативных и нравственных рамок, регулирующих коллективную (индивидуальную) жизнь» [18, с. 31]. Социальная аномия, образовавшаяся в результате развития пандемии COVID-19, выразилась в повышенной тревожности россиян [19], ухудшении их социально-экономического самочувствия [20; 21]. При этом, как отмечалось во введении, существенные последствия ощутили ЛЖВ и КГН, что могло сказаться и на их вакцинационных установках.

В соответствии с третьей гипотезой, отношение ЛЖВ и КГН к COVID-19, а также их готовность следовать противоэпидемиологическим рекомендациям, определяются дезорганизирующими последствиями пандемической аномии. Нарушение

⁷Формулировка вопросов частично соответствует инструментарию, использованному при проведении общероссийских мониторингов, результаты которых представлены в аналитическом докладе НИУ ВШЭ «Черный лебедь в белой маске», приуроченном к годовщине начала COVID-19 [16].

привычного хода повседневной жизни, ускоренное внедрение дистанционных форм социальных практик, ухудшение материального благосостояния и социального самочувствия могли предопределить дистанцирование ЛЖВ и КГН от института официальной медицины, спровоцировать отказ соблюдать ограничительные и профилактические меры, в том числе в отношении вакцинации. Проверка данной гипотезы в рамках проведенного исследования осуществлялась посредством оценки влияния пандемии на повседневную жизнь обследуемых групп, для чего респондентам задавались следующие вопросы: «С какими трудностями столкнулись Вы, а также Ваши близкие (члены семьи) за более чем два года жизни в условиях пандемии коронавируса?»; «С каким чувством Вы смотрите в будущее в связи с ростом заболеваемости COVID-19?»

- Как показали исследования, направленные на изучение институционального доверия, его значимости как части социального капитала в современной России, уровень доверия к власти оказывает влияние на лояльность людей как к вакцинации, так и к прочим ограничительным мерам (см.: Латов [22, с. 170], ВШЭ [17, с. 15]). В условиях пандемии институциональное доверие ложится в основу социального капитала, актуализируя внутрисетевые нормы здоровьесберегающего поведения. Ввиду своего социального положения характеристика институционального доверия среди представителей КГН может отличаться от данного показателя среди общей популяции российского общества.

В соответствии с четвертой гипотезой исследования, доверие к социальным институтам, формирующим и координирующим официальную пандемическую повестку, определяет готовность человека следовать противоэпидемиологическим мерам. Представители КГН и ЛЖВ, имеющие более низкий социальный капитал (в меньшей степени доверяющие власти и здравоохранению), будут реже беречь здоровье и болеть чаще. Проверка данной гипотезы производилась с использованием следующих вопросов: «Каким источникам информации о коронавирусе Вы доверяете?»; «Доверяете ли Вы государственным и общественным институтам?»⁸

При разработке исследовательского инструментария учитывалась информация, предоставленная кейс-менеджерами проекта, о предубеждениях против вакцинации от COVID-19, с которыми им приходится сталкиваться в своей работе с ЛЖВ и КГН. Впоследствии анкета для проведения интернет-опроса прошла пилотирование с участием обследуемых групп населения.

Методика проведения исследования. Онлайн-опрос проводился с привлечением ресурсов консорциумов и форумов, работающих в проекте «Каскад». Проект реализуется в трех городах РФ (Санкт-Петербург, Москва, Челябинск) и направлен на противодействие распространению ВИЧ среди уязвимых и ключевых групп населения. В каждом регионе проекта «Каскад» действуют консорциумы, включающие ВИЧ-сервисные социально-ориентированные НКО и инициативные группы, работающие с ключевыми группами населения с учетом их целевых потребностей, в частности в сфере профилактики, тестирования, сопровождения ВИЧ-положительных клиентов до постановки на диспансерный учет и поддержания приверженности лечению.

⁸Формулировка вопросов частично соответствует инструментарю, использованному ФНИСЦ РАН при проведении общероссийского мониторинга, направленного на изучение различных аспектов институционального доверия в РФ [22].

При проведении исследования применялся метод интернет-опроса, в процессе которого респонденты с помощью сервиса Google Forms анонимно заполняли онлайн-анкету. Ссылка на анкету вместе с сопровождающим текстом размещалась на информационных ресурсах форумов ключевых групп, а также распространялась координаторами консорциумов проекта. Заполнение анкет производилось в режиме онлайн с компьютера или мобильного устройства. Тип выборки — случайная, отсеянная, с применением методики локального ривер-семплинга.

География исследования. В опросе приняли участие жители различных населенных пунктов РФ. Ссылки для участия в исследовании размещались на ресурсах, охватывающих представителей КГН регионов проекта «Каскад» (Москва, Санкт-Петербург, Челябинск).

Алгоритм обработки данных. Для обработки и последующего анализа полученных данных использован прикладной статистический пакет SPSS. Описание результатов исследования производилось с помощью дескриптивной статистики. Дезагрегация данных о барьерах и предубеждениях против вакцинации была осуществлена посредством кросс-анализа в соответствии с возрастом, принадлежностью респондента к обследуемым группам, его статусом в отношении ВИЧ и COVID-19 (болел / не болел). Выявление факторов, оказывающих наибольшее влияние на готовность ЛЖВ и представителей КГН пройти вакцинацию, выполнено с использованием коэффициентов корреляции Пирсона/Спирмена, рассчитанных программным образом.

Социально-демографическая характеристика респондентов. В исследовании приняли участие 466 респондентов с возрастным распределением в диапазоне от 17 до 61 года. Основную часть выборки составили молодые люди в возрасте 17–29 лет (44,4 %), а также респонденты зрелого возраста, входящие в возрастной диапазон от 30 до 44 лет (42,6 %). Доля средневозрастных и пожилых участников опроса (45–60 лет и старше) составила 12,6 %. В выборочную совокупность исследования вошли жители 54 субъектов РФ. Двое респондентов указали, что они проживают за пределами РФ, еще двое при заполнении анкеты отказались указывать сведения о регионе своего жительства. Наибольшую долю участников опроса составили респонденты, проживающие в регионах проекта «Каскад»: Санкт-Петербург — 34,9 %; Москва — 21,6 %; Челябинск — 5,8 %.

В ходе опроса 69,7 % (324 респондента) опрошенных отнесли себя к ЛЖВ или представителям КГН. Наиболее широко в выборочной совокупности представлены ТГЛ (28,4 % от всех опрошенных), а также МСМ (14,2 % от всех опрошенных). Наименьшее число респондентов отнесли себя к ЛУИН (6 % от всех опрошенных) и СР (4,7 % от всех опрошенных). Доля респондентов, отнесших себя к ЛЖВ, составила 16,4 %. Применение метода локального ривер-семплинга обусловило значительное присутствие в полученной выборке анкет, заполненных респондентами, не относящими себя ни к ЛЖВ, ни к одной из КГН. По итогу полевого этапа их доля составила 130 человек (28 % от всех опрошенных). Доля респондентов, указавших свой вариант ответа в графе «другие», составила 2,2 %. В соответствии с отсеянным принципом построения выборки, люди, не отнесшие себя ни к одной из КГН, будут далее исключены из анализа.

Диагностика ВИЧ и приверженность лечению

Среди представителей КГН, принявших участие в исследовании, 74,2 % ранее проходили тестирование на ВИЧ-инфекцию. Практически все ВИЧ-инфицированные респонденты состояли на диспансерном учете по поводу ВИЧ-инфекции (96,8 %) и получали АРВ-терапию (96,8 %), что существенно превышает среднероссийский охват лечением⁹. Следовательно, обеспечить полноценное участие ЛЖВ, не приверженных диспансерному наблюдению и лечению, в рамках проведенного исследования не удалось. По всей видимости, смещение выборки произошло вследствие того, что люди, избегающие лечения, не являются посетителями задействованных при проведении исследования информационных ресурсов.

Диагностика и лечение COVID-19

Как показало исследование, коронавирусная инфекция COVID-19 значительно распространена среди ЛЖВ и представителей КГН. Из числа ЛЖВ/КГН 149 респондентов (48,7 %) ответили, что они переболели в 2020–2022 гг. COVID-19, что было подтверждено наличием соответствующих маркеров. В то же время официально диагноз «коронавирусная инфекция» был поставлен врачами только 103 из них (79,2 % от переболевших ЛЖВ/КГН-респондентов). Как показал кросс-анализ, чаще остальных COVID-19 болели МСМ (60,3 % от МСМ, против 52 % от ЛЖВ, 44,7 % от ТГЛ, 40,7 % от ЛУИН, 33,3 % от СР).

Вакцинация против COVID-19

Представители КГН и ЛЖВ в большинстве своем проходят вакцинацию против COVID-19 (привилось 62 % от ЛЖВ/КГН-респондентов). Высокий показатель вакцинации среди КГН/ЛЖВ-респондентов, выявленный в рамках данного исследования, также может объясняться смещением выборки в сторону респондентов, ответственно относящихся к своему здоровью. Как показал кросс-анализ, чаще остальных против COVID-19 прививаются МСМ (86,4 % от МСМ). Наиболее редко прививаются СР (36,4 % от опрошенных СР), ЛУИН (46,4 % от опрошенных ЛУИН) и ТГЛ (56,1 % от ТГЛ). Из числа ЛЖВ вакцинировалось 64,5 % респондентов.

Как показало исследование, осенью 2022 г. ЛЖВ и представители КГН в большинстве своем не имели твердой решимости прививаться против COVID-19. Отвечая на вопрос о том, собираются ли они прививаться от коронавируса в будущем, лишь 39,8 % ЛЖВ/КГН-респондентов ответили утвердительно. При этом 30,2 % от ЛЖВ/КГН-респондентов не собирались вакцинироваться, а 29,9 % не определились по данному вопросу. Наиболее часто установки на вакцинацию воспроизводятся среди МСМ (готовы привиться 59,1 % от МСМ-респондентов) и ТГЛ (готовы привиться 40,9 % от ТГЛ-респондентов). Наименее всего на прохождение вакцинации ориентированы СР (готовы привиться 13,6 % от СР-респондентов) и ЛУИН (готовы привиться 25 % от ЛУИН-респондентов). Среди ЛЖВ готовы

⁹ ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 30 сентября 2021 г. / ФБУН Центральный научно-исследовательский институт эпидемиологии Роспотребнадзора. 2021. URL: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2021/11/Spravka-VICH-v-Rossii-9-mes-2021-g..pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

пройти вакцинацию 34,2 % респондентов. Также в рамках исследования удалось установить, что готовность прививаться в будущем связана с опытом прохождения вакцинации ($r = 0,33$; $p \leq 0,01$). Тем не менее установки на прохождение вакцинации от COVID-19 носят неустойчивый характер. Среди вакцинировавшихся ЛЖВ или представителей КГН лишь 58 % ответили, что собираются привиться повторно. В то же время из числа непривитых представителей КГН и ЛЖВ 61,5 % респондентов ответили, что не собираются вакцинироваться в будущем.

Большое значение при принятии решения о вакцинации против COVID-19 имеет согласие респондента с государственной позицией в отношении пандемии и целесообразности вакцинации (табл. 1). Как показало исследование, значительная доля ЛЖВ/КГН-респондентов прошли вакцинацию под угрозой увольнения или по формальным поводам, в связи с необходимостью получить сертификат, требуемый для международных поездок или при госпитализации. Соответственно, по мере снятия карантинных ограничений и ослабления механизмов социального контроля число ЛЖВ и представителей КГН, вакцинировавшихся от COVID-19, будет уменьшаться. Результаты корреляционного анализа также показали, что респонденты, переболевшие коронавирусом, реже выражают готовность вакцинироваться от COVID-19 ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы ранее привились от коронавируса, то почему Вы это сделали?», множественный выбор (% от ЛЖВ/КГН-респондентов, вакцинировавшихся от COVID)

Причины, по которым респондент прошел вакцинацию	% от привитых ЛЖВ/КГН-респондентов
Верю, что вакцинация поможет мне не заболеть или перенести COVID-19 легче	74,1
Сделал(а), потому что опасаясь за здоровье и жизнь своих близких	49,3
Справка о вакцинации требовалась для посещения другой страны	12,4
Сделал(а) прививку под угрозой увольнения	17,4
Из-за просьб/требований близких	4,0
Требовалась справка для госпитализации в связи с другим заболеванием	2,5
Требовалась справка для реабилитационного центра	0,5
Требовалась справка для санаторно-курортного лечения, дневного стационара	2,5
Не помню	7,0
Другое	6,0

Причины, лежащие в основе отказа представителей ЛЖВ/КГН от вакцинации против COVID-19, связаны с неуверенностью в эффективности и безопасности применяемых для этого препаратов, опасениями тяжелых побочных эффектов, а также страхом обострения хронических заболеваний (табл. 2). Среди специфических причин, побуждающих представителей обследуемых групп отказываться от вакцинации, следует выделить следующие: гендер ТГЛ не соответствует фактически имеющимся документам (17,2 % от ТГЛ); ЛЖВ не уверены, что вакцина безопасна для ВИЧ-инфицированных (57,7 % от ЛЖВ), или убеждены,

что антиретровирусная терапия (АРТ) эффективно действует не только на ВИЧ, но и на COVID-19 тоже (15,4 % от ЛЖВ).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы не делали прививку от COVID-19, то почему?», множественный выбор (% от ЛЖВ/КГН-респондентов, не вакцинировавшихся от COVID)

Причины, по которым респондент не прошел вакцинацию	% от привитых ЛЖВ/КГН-респондентов
Не хочу	36,9
Я уже переболел(а) COVID-19, собираюсь привиться	6,6
Я уже переболел(а) COVID-19, не собираюсь прививаться	30,3
У меня есть официальный медотвод (обострение хронических заболеваний)	13,9
Я против любых прививок	10,7
Не верю в то, что вакцина эффективно защищает от COVID-19	55,7
Вакцинация против COVID-19 — это эксперимент, а я не хочу быть подопытным кроликом	33,6
Не уверен, что вакцинация безопасна для людей с ВИЧ	15,6
Меня это не коснется, так как я никогда не болею	2,5
От вакцины можно заболеть COVID-19, а я этого не хочу	14,8
Из-за прививки могут обостриться мои хронические заболевания	40,2
Я принимаю АРТ, которая эффективно действует не только против ВИЧ-инфекции, но и против COVID-19	4,9
Боюсь тяжелых побочных эффектов после вакцинации	50
Непонятно, как вакцина будет взаимодействовать с сильными препаратами или веществами, которые я принимаю, поэтому лучше не рисковать	23,8
Не верю в COVID-19	4,1
Не было необходимых документов	2,5
Документы не соответствуют гендеру	8,2
Другое	2,5

Барьеры перед вакцинацией против COVID-19

Как показало исследование (табл. 3), ЛЖВ и представители КГН часто сталкиваются с барьерами перед вакцинацией от COVID-19 (не ожидают проблем 44,4 % от всех ЛЖВ/КГН-респондентов). Наиболее всего вакцинация от COVID-19 доступна для МСМ (63,6 % от МСМ-респондентов не ожидает никаких проблем), СР (54,5 % от СР-респондентов не ожидает никаких проблем) и ЛЖВ (53,9 % от ЛЖВ-респондентов не ожидает никаких проблем). С трудностями при вакцинации чаще остальных сталкиваются ЛУИН (25 % ЛУИН-респондентов не ожидают проблем) и ТГЛ (31,8 % ТГЛ-респондентов не ожидают проблем).

В результате кросс-анализа удалось выявить наиболее специфические барьеры, препятствующие вакцинации против COVID-19. Среди индивидуальных барьеров

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Что сегодня станет для Вас проблемой, если Вы решите вакцинироваться?», множественный выбор, (% от ЛЖВ/КГН-респондентов)

Проблемы	% от привитых ЛЖВ/КГН-респондентов
Никаких проблем не ожидаю	44,4
Опасаясь, что медики не сохранят конфиденциальность данных обо мне	7,1
У меня отсутствуют документы, необходимые для прохождения вакцинации	3,4
Мой организм ослаблен приемом сильнодействующих препаратов	12,3
У нас в городе/районе дефицит вакцины	4,9
Вакцинация недешево стоит	3,7
В медучреждениях большие очереди на вакцинацию	10,2
Не знаю, куда обращаться, чтобы получить вакцину	5,2
Боюсь, что могу заразиться в медучреждении	14,5
Опасаясь, что придется заявить о своем хроническом заболевании	4,3
Вообще избегаю государственных учреждений	21,0
Мне сложно сохранить трезвость	4,0
Нет возможности оторваться от работы	10,5
Моя гендерная идентичность не совпадает с документами	9,9
Опасаясь осуждения со стороны медицинского персонала из-за моего образа жизни	8,3
Другое	7,4

необходимо выделить такой, как «ослабленность организма приемом сильнодействующих препаратов (АРТ, ПАВ, ЗГТ¹⁰)», что в большей степени характерно для ЛУИН (28,6 % от ЛУИН-респондентов), СР (18,2 % от СР-респондентов), ЛЖВ (13,2 % от ЛЖВ-респондентов) и ТГЛ (12,9 % от ТГЛ-респондентов). Для ЛЖВ большую значимость имеют проблемы самостигматизации и принятия своего статуса. Так, каждый десятый из ЛЖВ ответил, что для него проблематично раскрывать информацию о своем заболевании при вакцинации (9,2 % от ЛЖВ-респондентов). В свою очередь ЛУИН трудно сохранять трезвость, что является обязательным условием для вакцинации (10,7 % от ЛУИН-респондентов). Значимым препятствием при вакцинации ТГЛ против COVID-19 являются расхождение имеющихся документов с гендерной идентичностью, из-за чего ТГЛ часто избегают государственных учреждений (23,5 % от ТГЛ-респондентов), нехватка информации о том, куда можно обратиться для прохождения вакцинации, а также отсутствие необходимых для этого документов (9,8 % и 6,8 % от ТГЛ-респондентов соответственно).

Структурные барьеры наибольшее значение имеют для ТГЛ и ЛУИН, что связано с необходимостью посещать медицинские учреждения для прохождения вакцинации (35,6 % от ТГЛ-респондентов избегают государственных учреждений). Представители данных групп опасаются осуждения со стороны медицинского персонала

¹⁰ Антиретровирусная терапия (АРТ), психоактивные вещества (ПАВ), заместительная гормональная терапия (ЗГТ).

из-за образа жизни, который ведут (14,3 % от ЛУИН-респондентов и 13,6 % от ТГЛ-респондентов), а также того, что медики не сохраняют конфиденциальность данных о них (11,4 % от ТГЛ-респондентов и 10,7 % от ЛУИН-респондентов). Характерных барьеров, препятствовавших вакцинации преимущественно среди МСМ и СР, выявлено не было.

Произведенный анализ позволяет утверждать, что пандемический опыт не оказывает определяющего влияния на готовность ЛЖВ и представителей КГН пройти вакцинацию от COVID-19. Люди, переболевшие ранее коронавирусом, в меньшей степени готовы вакцинироваться, что связано с представлениями об эффективности приобретенного естественным образом иммунитета. Барьеры и предубеждения, наиболее интенсивно препятствующие вакцинации среди ЛЖВ и представителей КГН, связаны в основном с отношением к собственному состоянию здоровья. Иначе говоря, страдающие хроническими заболеваниями респонденты опасаются их обострения после вакцинации, в том числе поскольку не уверены, что вакцину безопасно принимать с другими сильнодействующими препаратами. Представители КГН и ЛЖВ сталкиваются преимущественно с индивидуальными и структурными трудностями, возникающими в процессе вакцинации от коронавируса COVID-19. Характер выявленных барьеров различается в соответствии с медико-социальными аспектами обследуемой группы, что подтверждает основную гипотезу исследования.

Противоэпидемиологические установки гражданской солидарности

Оценка респондентами различных факторов преодоления пандемии позволяет констатировать, что гражданская солидарность, направленная на противодействие пандемии, не приобрела среди ЛЖВ и представителей КГН всеобщего характера. Результаты исследования указывают на отсутствие единства в оценках эпидемиологической угрозы, целесообразности и эффективности мер сдерживания COVID-19. Иначе говоря, пока одни представители КГН возлагают надежды на соблюдение мер профилактики (26,2 %) или массовую иммунизацию населения (52,8 %), в том числе посредством массовой вакцинации (39,8 %), другие убеждены, что коронавирус никуда не денется, а станет новой сезонной болезнью (66 %), или в принципе отрицают его существование (3,7 %). Помимо этого, часть респондентов убеждена, что коронавирус мутирует и станет еще опаснее (18,2 %), в то время как 11,4 % считают, что он отступит сам. Среди КГН больше всего на вакцинацию от COVID-19 надеются МСМ (51,5 % от МСМ-респондентов) и ТГЛ (49,2 % от ТГЛ-респондентов), а менее всего — СР (18,2 % от СР-респондентов). Значимость массового соблюдения мер профилактики (маски, антисептики, дистанция) выше остальных оценили респонденты из числа ТГЛ (32,6 % от ТГЛ-респондентов).

Последующий корреляционный анализ показал, что готовность прививаться от COVID-19 связана с представлением о том, что должно стать решающим фактором в преодолении пандемии: постепенное ослабление коронавируса ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$); выработка коллективного иммунитета ($r = -0,16$; $p \leq 0,01$); ответственное массовое соблюдение мер профилактики ($r = -0,18$; $p \leq 0,01$), массовая вакцинация ($r = -0,24$; $p \leq 0,01$).

Естественным образом проблемы в области гражданской интеграции негативно сказались на практиках пандемической солидаризации, воспроизводящихся среди ЛЖВ и представителей КГН неравномерно, с высокой долей формализации (табл. 4). Как показало исследование, наиболее полно интернализация противоэпидемиологических норм произошла в отношении мер профилактики, несущих минимальные издержки для человека. Иначе говоря, большинство ЛЖВ/КГН-респондентов готовы в случае ухудшения эпидемической обстановки соблюдать наиболее распространенные меры профилактики (ношение масок, использование антисептиков, соблюдение социальной дистанции), в эффективности которых сами же и сомневаются.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «В случае начала очередной новой волны эпидемии что из перечисленного Вы готовы будете ответственно соблюдать или делать?», множественный выбор (% от общего числа ЛЖВ/КГН-респондентов)

Варианты ответа	% от ЛЖВ/КГН
Соблюдать меры профилактики (маски, антисептики, дистанция)	75,9
Отказаться от посещения баров, ресторанов, кинотеатров	57,4
Сделать прививку от коронавируса	54,0
Перейти на удаленную работу	42,0
Отказаться от поездок в другие регионы	38,0
Отказаться от посещения торговых центров и крупных магазинов	36,1
Отказаться от использования общественного транспорта	18,8
Перевести детей на удаленное обучение в школе (вузе)	18,2
Ничего из этого	10,2

Для того чтобы описать предубеждения представителей ЛЖВ/КГН в отношении вакцинации против COVID-19, всех участников опроса попросили оценить ряд суждений, характеризующих их отношение к различным аспектам вакцинации. Как показало исследование, большинство ЛЖВ/КГН эмпатически включено в официальный противоэпидемиологический дискурс. Из них 67,9 % считают, что прививка от коронавируса помогает человеку не заболеть или перенести заболевание в легкой форме и лишь 18,5 % с этим не согласны (13,6 % затруднились с ответом). Тем не менее вне зависимости от опыта вакцинации многие представители ЛЖВ/КГН сочли прививку против COVID-19 малоизученной и выразили беспокойство о том, как она будет взаимодействовать с другими сильнодействующими препаратами в будущем (48,5 % согласны с существованием таких рисков; 27,2 % с этим не согласны; 24,4 % затруднились с ответом).

Другие два суждения характерны для людей, скептически настроенных относительно целесообразности вакцинации как таковой, сомнеющихся в искренности субъектов противоэпидемической мобилизации. Так, среди ЛЖВ/КГН распространено убеждение, что эффективной вакцины против COVID-19 на сегодняшний день не существует и она вряд ли появится, поскольку коронавирус постоянно

мутирует (44,4 % согласны с суждением; 27,8 % не согласны с суждением; 27,8 % затруднились с ответом). Помимо этого, часть ЛЖВ/КГН разделяют убеждение, что программа вакцинации — коммерческий проект, лоббируемый представителями фармацевтических компаний (27,5 % согласны с суждением; 48,5 % не согласны с суждением; 24,1 % затруднились с ответом). Распространенность обоих суждений свидетельствует о существовании среди ЛЖВ/КГН альтернативных интеграционных векторов, объединенных единым когнитивным стилем.

Следующие суждения характеризуют опасения респондентов в отношении действия, оказываемого вакциной против COVID-19 на здоровье человека. Как показало исследование, среди представителей КГН широко распространено мнение, что в результате прививки ослабленный иммунитет человека может не справиться с частицами вируса, содержащимися в вакцине против COVID-19 (42,3 % согласны с суждением; 34,9 % не согласны с суждением; 22,8 % затруднились с ответом). Среди представителей КГН также не сложилось единого мнения относительно безопасности вакцины, в том числе для людей с хроническими заболеваниями, беременных женщин и детей (32,1 % согласны с суждением; 36,1 % не согласны с суждением; 31,8 % затруднились с ответом). При этом 31,8 % убеждены, что хронические заболевания после прививки от COVID-19 обостряются (44,4 % не согласны с суждением, 23,8 % затруднились с ответом).

В числе прочих суждений участникам опроса предлагалось оценить и такие, которые характеризуют неблагоприятные последствия от вакцинирования против COVID-19. Как показало исследование, каждый третий представитель КГН считает, что вакцинация приводит к тяжелым побочным эффектам, в том числе долгосрочным (29,6 % согласны с суждением; 44,1 % не согласны с суждением; 26,2 % затруднились с ответом), а каждый четвертый уверен, что после прививки велика вероятность заболеть коронавирусом (25,9 % согласны с суждением; 48,5 % не согласны с суждением; 25,6 % затруднились с ответом). Следует также отметить, что в числе людей, разделяющих данное убеждение, немало респондентов, прошедших ранее процедуру вакцинирования против COVID-19.

Как показал кросс-анализ (см. рисунок), среди обследуемых групп сформировались альтернативные области пандемической солидаризации, характеризующиеся различным отношением к целесообразности вакцинации и пандемии COVID-19 в целом. Среди КГН наблюдается существенная поляризация суждений в отношении различных аспектов вакцинации от COVID-19: большинство ЛУИН и СР сомневаются в ее целесообразности, соглашаясь с суждениями, характеризующими прививку как небезопасную и малоизученную меру, несущую скрытые угрозы; МСМ и ТГЛ преимущественно характеризуют прививку как эффективную и безопасную меру борьбы с эпидемией; среди ЛЖВ радикализация мнений отсутствует.

Последующий корреляционный анализ подтвердил высокую взаимосвязь между согласием респондентов с суждениями о вакцинации и их готовностью сделать прививку от COVID-19 (табл. 5). Помимо этого, была выявлена высокая степень внутренних связей между суждениями, характеризующими разные аспекты вакцинации. Следовательно, в понимании респондентов оцениваемые суждения обладают комплементарным характером, что позволяет говорить о существовании в этой области нескольких когнитивных стилей.

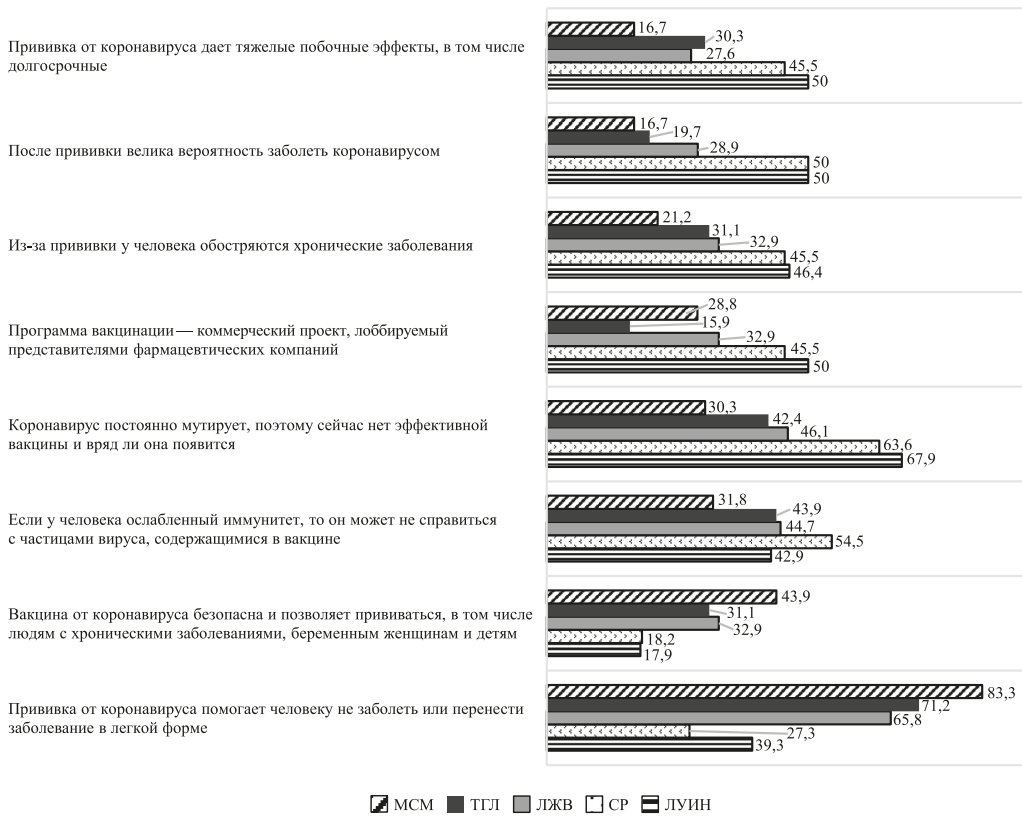

Рис. Доля респондентов из обследуемых групп, согласных с суждениями, характеризующими различные аспекты вакцинации

Результаты исследования обнаружили слабое принятие представителями КГН и ЛЖВ противоэпидемиологических норм, выраженное в их неготовности обращаться за помощью к врачам при появлении характерных для COVID-19 симптомов (табл. 6). Как показал кросс-анализ, наиболее часто придерживаются здоровьесберегающего поведения ЛЖВ (32,9 % от ЛЖВ-респондентов), ЛУИН (28,6 % от ЛУИН-респондентов) и МСМ (24,2 % от МСМ-респондентов). Наименьшая готовность немедленно обратиться за помощью к врачам характерна для СР (9,1 % от СР-респондентов) и ТГЛ (7,6 % от ТГЛ-респондентов). В результате исследования удалось установить, что уровень институционального доверия и нормативной интернализации в сфере противоэпидемиологической солидарности тесно связаны с установками на вакцинацию против COVID-19. Чем сильнее респондент доверяет системе здравоохранения, тем сильнее выражена его готовность пройти вакцинацию против COVID-19, что подтверждается наличием соответствующей корреляционной связи ($r = 0,22$; $p \leq 0,01$).

Таблица 5. Корреляционные связи между оценкой различных суждений относительно вакцинации и ответом «Сделать прививку от коронавируса» на вопрос: «В случае начала очередной новой волны эпидемии что из перечисленного Вы готовы будете ответственно соблюдать или делать?»

С каким суждением о вакцинировании от коронавируса COVID-19 Вы согласны?	Значение
Вакцина от коронавируса безопасна и позволяет прививаться, в том числе людям с хроническими заболеваниями, беременным женщинам и детям	-0,275
Прививка от коронавируса помогает человеку не заболеть или перенести заболевание в легкой форме	-0,150
Вакцина от коронавируса мало изучена и непонятно, как она будет взаимодействовать с другими сильнодействующими препаратами	0,157
Коронавирус постоянно мутирует, поэтому сейчас нет эффективной вакцины и вряд ли она появится	0,158
Прививка от коронавируса дает тяжелые побочные эффекты, в том числе долгосрочные	0,217
Если у человека ослабленный иммунитет, то он может не справиться с частицами вируса, содержащимися в вакцине	0,247
Из-за прививки у человека обостряются хронические заболевания	0,293
После прививки велика вероятность заболеть коронавирусом	0,344
Программа вакцинации — коммерческий проект, лоббируемый представителями фармацевтических компаний	0,374

Примечание: Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Некоторые симптомы коронавируса схожи с симптомами сезонного гриппа. При появлении у Вас симптомов заболеваний в каких случаях Вы будете обращаться за помощью к врачам?» (% от ЛЖВ/КГН-респондентов)

Варианты ответа	% от ЛЖВ/КГН
В случае продолжительного заболевания (многодневная высокая температура, кашель)	35,8
Только при появлении отличительных симптомов (тяжесть при дыхании, отсутствие вкуса и обоняния)	22,5
Только в критическом случае (затруднение дыхания, угроза жизни, критическое состояние)	20,1
Сразу при появлении первых симптомов заболевания (повышенная температура, кашель, недомогание)	18,8
Другое	1,5
Не буду обращаться за помощью к врачам никогда	1,2

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что интернализация норм, определяющих отношения гражданской солидарности в части противодействия пандемии COVID-19, была произведена среди ЛЖВ и представителей

КГН неравномерно. Формальное отношение к наиболее распространенным мерам профилактики COVID-19, а также значимость мер социального контроля, побуждающих ЛЖВ и представителей КГН вакцинироваться, свидетельствуют об эмпатической отчужденности многих из них от официального противоэпидемиологического дискурса. Представители КГН и ЛЖВ включаются в альтернативные области пандемической солидаризации, образовавшиеся вокруг специфических когнитивных стилей, неоднозначно интерпретирующих угрозу, исходящую от коронавирусной инфекции COVID-19, и целесообразность вакцинации от нее.

Последствия пандемии COVID-19

Как показало исследование, пандемия оказала значительное влияние на обследуемые группы населения. Большинство ЛЖВ и представителей КГН столкнулись с социальной аномией, что связано прежде всего с нарушением привычного образа жизни, ухудшением психоэмоционального состояния, а также финансовыми трудностями (табл. 7). Сильнее всего финансовые проблемы отразились на материальном положении СР (72,7 % от СР-респондентов столкнулись с финансовыми трудностями, а 18,2 % потеряли работу), что обусловлено снижением спроса на предоставляемые ими услуги ввиду ограничительных мер. Исследование также показало: представители обследуемых групп за время пандемии часто сталкивались с ограничением доступа к медицинским услугам.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «С какими трудностями столкнулись Вы, а также Ваши близкие (члены семьи) за более чем два года жизни в условиях пандемии коронавируса?», множественный выбор (% от ЛЖВ/КГН-респондентов)

Трудности	% от ЛЖВ/КГН
Переболели	67
Нарушился привычный образ жизни	62,3
Ухудшилось психоэмоциональное состояние	58,6
Денежные проблемы	43,8
Пришлось отменить запланированные поездки	39,2
Потребовалось освоить новые формы работы/обучения	34
Не попасть на прием к врачу	32,7
Не всегда удавалось получить необходимые лекарства для лечения других заболеваний	20,7
Невозможно было вовремя сдать анализы	17,6
Не было возможности лечь в больницу по основному заболеванию	17
Ухудшились взаимоотношения с близкими и родными	14,5
Потеря работы	10,5
Другое	3,1

Несмотря на вызванные пандемией трудности, большинство ЛЖВ и представителей КГН спокойно или с безразличием относятся к перспективе роста заболеваемости COVID-19 (табл. 8), что говорит о нормативации кризисного состояния, эмпатической отчужденности обследуемых групп населения, мобилизуемых для противостояния общественной угрозе. При этом наиболее положительно (с надеждой и оптимизмом) на будущее в связи с ростом заболеваемости коронавирусом COVID-19 смотрят ЛЖВ (32,9 % от ЛЖВ-респондентов) и ЛУИН (25 % от ЛУИН-респондентов). Усталость и безразличие чаще всего испытывают ТГЛ (41,7 % от ТГЛ-респондентов).

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «С каким чувством Вы смотрите в будущее в связи с ростом заболеваемости COVID-19?» (% от ЛЖВ/КГН-респондентов)

Эмоциональное отношение	Частота	%
С надеждой и оптимизмом	59	18,2
Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	124	38,3
С усталостью и безразличием	98	30,2
С тревогой и неуверенностью	36	11,1
Со страхом и отчаянием	7	2,2

В соответствии с представленными данными можно заключить, что вследствие пандемии COVID-19 среди ЛЖВ и КГН образовался кризис социальной интеграции. Противоречивость образовавшихся в обществе партикулярных солидарностей свидетельствует об образовании в этой области «рефлексивной» аномии [23, с. 204]. В рамках данного исследования не удалось выявить прямую связь между готовностью обследуемых групп сделать прививку и их подверженностью негативным последствиям аномии. Однако отсутствие общего интегрированного пространства в сфере пандемической коммуникации, разобщенность в отношении к пандемической угрозе, неприемлемость вакцинации среди людей, разделяющих COVID-диссидентские, радикально-скептические или антивакцинаторские взгляды, а также доступность, комплексность и привлекательность перечисленных позиций для части ЛЖВ и представителей КГН подтверждают предположение о негативном влиянии такой аномии на противоэпидемиологические установки. Таким образом, можно утверждать, что третья гипотеза подтвердилась лишь частично.

Институциональное доверие

Как показало исследование, из числа общественных институтов ЛЖВ и представители КГН доверяют преимущественно некоммерческим/общественным организациям, Российской академии наук, а также Министерству здравоохранения (табл. 9). При этом в отношении обследуемых групп к религиозным (среди ЛЖВ доверяет 26,3 %, среди СР — 13,6 %, среди МСМ — 6,1 %, среди ТГЛ — 0 %) и государственным институтам наблюдаются существенные различия. Максимальное недоверие к президенту РФ испытывают ТГЛ (1,5 % доверяют) и МСМ (12,1 % доверяют), что объясняется спецификой общественно-правового положения в РФ

ЛГБТ-сообщества. В то же время большинство ЛЖВ (доверяют 42,1 %; затруднилось ответить 34,2 %) и ЛУИН (доверяет 35,7 %; затруднилось ответить 50 %), напротив, склонны доверять высшему государственному должностному лицу. Помимо этого, корреляционный анализ позволил выявить существующую связь между готовностью ЛЖВ/КГН-респондентов сделать прививку с их доверием к институтам церкви ($r = 0,16; p \leq 0,01$) и Министерству здравоохранения РФ ($r = -0,16; p \leq 0,01$).

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы следующим государственным и общественным институтам» (% от ЛЖВ/КГН-респондентов)

Государственные и негосударственные структуры	Затрудняюсь с ответом	Доверяю	Не доверяю
Государственная дума России	11,4	5,6	83
Российская академия наук	26,2	36,4	37,3
Президент России	11,7	17,9	70,4
Судебная система	10,8	4,9	84,3
Некоммерческие, общественные организации (экологические, благотворительные, правозащитные и др.)	15,7	69,8	14,5
Министерство здравоохранения РФ	17,9	21,3	60,8
Политические партии	12,7	4,6	82,7
СМИ (печатные газеты и журналы, радио, телевидение, интернет)	23,1	13,6	63,3
Церковь	9,6	9,3	81,2

Сопоставление результатов интернет-опроса с данными общероссийских исследований показало (табл. 10), что структура институционального доверия среди ЛЖВ и представителей КНГ имеет значительные отличия в части отношения россиян к церкви (среди ЛЖВ/КГН доверяет 9,3 %, в рамках общероссийской выборки — 44 %) и президенту РФ (среди ЛЖВ/КГН доверяет 17,9 %, в рамках общероссийской выборки — 52 %) [22, с. 165].

Таблица 10. Динамика в 2019–2022 гг. доли испытывающих доверие к различным институтам, %

Государственные и негосударственные структуры	2019 июль	2020 сентябрь	2021 март	2022 ноябрь
	общероссийская выборка			ЛЖВ/КГН
Государственная дума РФ	20	19	21	6
Российская академия наук	48	45	46	36
Президент России	57	51	52	18
Некоммерческие, общественные организации	36	37	36	70
Политические партии	12	12	17	5
Церковь	44	42	44	9

Структура институционального доверия, характерная для ЛЖВ и представителей КГН, также воспроизводится и в их отношении к источникам информации о коронавирусе (табл. 11). Как показал интернет-опрос, ТГЛ и МСМ предпочитают новые медиа (интернет-СМИ, телеграм-каналы/мессенджеры, социальные сети), в то время как ЛЖВ чаще доверяют традиционным СМИ (телевидение, пресса). Последующий корреляционный анализ показал, что доверие к источникам информации о коронавирусе связано с институциональным доверием. ЛЖВ/КГН-респонденты, доверяющие информации о коронавирусе, транслируемой по телевидению, чаще других верят таким структурам, как президент РФ ($r = 0,36$; $p \leq 0,01$); церковь ($r = 0,30$; $p \leq 0,01$); Государственная дума РФ ($r = 0,28$; $p \leq 0,01$); судебная система ($r = 0,27$; $p \leq 0,01$); политические партии ($r = 0,23$; $p \leq 0,01$); Минздрав РФ ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$). Помимо этого, корреляционный анализ позволил установить наличие связи между готовностью прививаться в случае ухудшения эпидемиологической обстановки и доверием к новым медиа (интернет-СМИ: $r = 0,19$; $p \leq 0,01$, и телеграм-каналам/мессенджерам: $r = 0,14$; $p \leq 0,01$).

Таблица 11. Доля респондентов, доверяющих различным источникам информации о коронавирусе (% от респондентов из указанной группы)

Источник информации о коронавирусе	СР	ЛУИН	МСМ	ТГЛ	ЛЖВ
Телевидение	4,5	21,4	9,1	5,3	11,8
Печатные СМИ (газеты, журналы)	4,5	7,1	6,1	5,3	13,2
Интернет-СМИ	27,3	39,3	45,5	46,2	32,9
Социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники» и др.)	18,2	10,7	3	15,2	13,2
Блогеры (в том числе YouTube)	9,1	25,0	21,2	27,3	14,5
Информация от друзей и знакомых	22,7	28,6	31,8	39,4	28,9
Телеграмм-каналы и мессенджеры	27,3	35,7	42,4	47	25

Сопоставление результатов опроса с данными общероссийских исследований [17, с. 15] выявило некоторые особенности в вопросах доверия ЛЖВ/КГН-респондентов различным источникам информации о коронавирусе. Исследование показало, что респонденты из числа ЛЖВ/КГН намного реже, чем россияне в целом, обращаются к массовым источникам информации (среди ЛЖВ/КГН телевидению доверяет 8,9 %, в рамках общероссийской выборки — 21,5 %), за исключением телеграм-каналов и блогеров. Представители КГН и ЛЖВ преимущественно доверяют информации из телеграм-каналов и мессенджеров (среди ЛЖВ/КГН доверяет 38,6 %, в рамках общероссийской выборки — 25,9 %). В соответствии с полученными результатами можно утверждать, что готовность ЛЖВ и представителей КГН пройти вакцинацию против COVID-19 связана с уровнем их институционального доверия. При этом доверие к структурам, выполняющим функции государственного управления, не оказывает значительного влияния на принятие установок в отношении вакцинации. Представители обследуемых групп, по-разному относящихся к Госдуме или президенту РФ, прививаются

в сопоставимых пропорциях. Дело в том, что общественно-политический дискурс, формирующийся вокруг пандемии COVID-19, формировался и координировался преимущественно международными институтами, отношение к которым не измерялось в рамках данного исследования. Мы предполагаем, что ввиду своего общественно-правового положения представители КГН (преимущественно ТГЛ и МСМ) чаще всего не доверяют традиционным СМИ, а обращаются за альтернативной информацией к новым медиа. Тем не менее риторика государственной власти в РФ по вопросам борьбы с COVID-19 соответствует международным нарративам, исходящим преимущественно от ВОЗ, в результате чего КГН смогли восполнить ресурсно-доверительный вакуум институционального доверия. Выражаясь словами Роберта Патнэма (R. Putnam) [24], можно предположить, что в структуре социального капитала среди наиболее стигматизированных групп населения произошло замещение (воспроизводство) доверительного ресурса, позволившее им достичь интеграционного равновесия. Представители КГН, не доверяющие субъектам, организующим профилактику COVID-19 на национальном уровне, выбрали в качестве источника противоэпидемиологических ценностей (экспрессивных символов) международные институты, что позволило им получить/сохранить выгоду от социальной включенности.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование позволило выявить основные барьеры и предубеждения, препятствующие вакцинации среди ЛЖВ, а также представителей КГН. Выявленные барьеры были условно разделены на четыре типа:

1. Индивидуальные барьеры: низкая информированность о том, куда обращаться, чтобы получить вакцину; потребление ПАВ (сложность в сохранении трезвости); наличие хронических заболеваний; ослабленность организма ввиду приема сильнодействующих препаратов (АРТ, ПАВ, ЗГТ); невозможность оторваться от работы (образ жизни); фатализм; заниженная ценность своего здоровья; отсутствие необходимых документов (несоответствие имеющихся документов гендеру).

2. Структурные барьеры: дефицит вакцины в городе/районе, пропущенный срок действия; отсутствие документов, необходимых для вакцинации; отсутствие уверенности в защищенности конфиденциальных данных в медучреждениях; очереди в медучреждении; недоверие к государственным структурам в целом, что влияет на наблюдаемое низкое доверие к врачам среди КГН.

3. Социокультурные барьеры: социальная аномия (нормативация пандемической угрозы, формальное отношение к мерам профилактики COVID-19); распространенность альтернативных областей пандемической солидаризации (включая COVID-диссидентство, конспирологические теории о пандемии, антивакцинаторство); стигматизация, распространенная среди ЛЖВ, ЛУИН, СР, ТГЛ, МСМ.

4. Институциональные барьеры: институциональное недоверие к субъектам официального пандемического дискурса, выраженное в COVID-скептицизме и предубеждениях к вакцинации против COVID-19; отсутствие доступа к широкому спектру препаратов для вакцинации, очереди в поликлиниках.

Результаты интернет-опроса прошли обсуждение с сотрудниками учреждений здравоохранения и представителями консорциума в Санкт-Петербурге, в итоге были разработаны методические рекомендации, включающие описание барьеров и предубеждений к вакцинации против COVID-19 в форме: барьер/предубеждение — текст по нивелированию предубеждения или рекомендации по преодолению барьера.

В заключение необходимо отметить, что наличие в обществе барьеров и предубеждений, препятствующих сберегающему здоровью поведению ЛЖВ и КГН в условиях неспецифических угроз пандемического характера, делает их более уязвимыми в отношении диагностики, лечения и профилактики ВИЧ-инфекции. Проведенное нами исследование позволило описать структуру барьеров, препятствующих вакцинации ЛЖВ/КГН от коронавируса COVID-19, а также определить факторы, оказывающие наибольшее влияние на противоэпидемиологические установки исследуемых групп. Все гипотезы, вынесенные в начале исследования, подтвердились.

Основными недостатками, снижающими достоверность данных, полученных в ходе проведенного исследования, являются: малочисленность отдельных подгрупп, представленных в выборочной совокупности (МСМ, ЛУИН, СР), что накладывает определенные ограничения на сравнительную интерпретацию полученных результатов; отсутствие среди респондентов ЛЖВ, не приверженных диспансерному наблюдению и лечению. Проверка выдвинутых гипотез на более обширных данных поможет получить более взвешенные результаты и точнее определить их статистическую значимость. Тем не менее в статье приведена общая характеристика барьеров и предубеждений, препятствовавших вакцинации ЛЖВ и КГН против COVID-19, в связи с чем поставленную цель можно считать достигнутой.

Литература

1. Звоновский В. Б. ВИЧ и стигма // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 4. С. 505–522.
2. Маркова Д. П., Сутурина Л. В. Проблема стигматизации ВИЧ-инфицированных пациентов со стороны медицинских работников: литературный обзор // Acta biomedica scientifica. 2018. № 3 (3). С. 160–164.
3. Сводное руководство по профилактике, диагностике, лечению и помощи в связи с ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами и инфекциями, передаваемыми половым путем, для ключевых групп населения // Всемирная организация здравоохранения. 2023. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/365489/9789289058568-rus.pdf?sequence=2> (дата обращения: 15.01.2024).
4. Радзиховская М. В., Москвичева М. Г., Кремлев С. Л., Магадеев Х. Д., Батин К. О., Ахлюстин И. А., Клепиков С. В., Авдеев Ю. А. Эпидемиологическая и медико-социальная характеристики мужчин, имеющих однополый секс // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2019. Т. 11, № 1. С. 103–108.
5. Султанов Л. В., Ясевич П. Е., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Поведенческие риски потребителей инъекционных наркотиков в контексте эпидемии ВИЧ/СПИД // Известия АлтГУ. 2004. № 2. С. 96–101.
6. Голоднова С. О., Фельдблюм И. В., Юркова Л. В., Сармометов Е. В., Николенко В. В. Факторы инфицирования и распространения ВИЧ среди лиц из групп социального риска // Анализ риска здоровью. 2020. № 4. С. 130–136.
7. Кирей-Ситникова Я. Социальные барьеры и фасилитаторы в доступе к тестированию, профилактике и лечению ВИЧ для трансгендерных женщин: тематический обзор // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко. 2022. № 4. С. 57–64.

8. Исследование барьеров в доступе к тестированию и лечению ВИЧ-инфекции для ключевых групп населения в трех регионах Российской Федерации (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Челябинск) // #Каскад. 2022. URL: https://kaskad.haf-spb.org/wp-content/uploads/2023/06/issledovanie_barerov_v_dostupe_k_testirovaniyu_i_lecheniyu_vich_infekczii-1.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

9. Демедецкая Я. А., Денисов Б. П., Лапицкая А. В. ВИЧ в транс-популяции: local case study // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 3. С. 85–97.

10. Средства, которые затрачивают люди, живущие с ВИЧ, для получения медицинского наблюдения в России: [раздел сайта] // Перебой.ру: [официальный сайт]. 2020. URL: <https://pereboi.ru/2020/12/25/rezultaty-oprosa-sredstva-kotorye-zatrachivayut-lzhv/> (дата обращения: 15.01.2024).

11. Результаты исследования «Изучение распространенности коронавирусной инфекции COVID-19 среди инфицированных ВИЧ пациентов в России и влияния эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19 на оказание медицинской помощи при ВИЧ-инфекции» // ИТРСЕЕСА. 2022. URL: <https://itpc-eeesa.org/2020/11/27/rezultaty-issledovaniya-izuchenie-rasprostranennosti-koronavirusnoj-infekczii-covid-19-sredi-inficzirovannyh-vich-pacziентов-v-rossii-i-vliyaniya-epidemii-koronavirusnoj-infekczii-covid-19-na/> (дата обращения 21.03.2023).

12. Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11, № 2. С. 172–189.

13. Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143.

14. Гражданское общество в самоизоляции // Левада-Центр*. 2020. 03.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshhestvo-v-samoizolyatsii/> (дата обращения: 06.03.2022).

15. Сердюков Б. В. Гражданская солидарность в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15, № 4. С. 340–365.

16. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.

17. Плаксин С. М., Жулин А. Б., Фаризова С. А. (ред.). «Черный лебедь» в белой маске: аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / [Г. И. Абдрахманова и др.]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

18. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2 т. Т. 1. / пер. с англ. Н. Н. Марчук. М.: Вече; АСТ, 1999.

19. Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В., Макаревич О. В., Незнанов Н. Г., Лугова Н. Б., Мазо Г. Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 87–94.

20. Фадеева Е. В., Великая Н. М., Белова Н. И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2. С. 58–71.

21. Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П. А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. 2021. № 4. С. 329–340.

22. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.

23. Мецзякова Н. Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 201–207.

24. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / пер. с англ. А. Захарова. М.: Ad Marginem, 1996.

Статья поступила в редакцию 19 июля 2023 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Сердюков Борис Владимирович — serd_bv@mail.ru

Ежова Любовь Вениаминовна — lve17may@gmail.com

* Признан в Российской Федерации организацией, выполняющей функции иностранного агента.

COVID-19 and HIV: Prejudices and barriers to getting vaccinated

B. V. Serdyukov¹, L. V. Yezhova²

¹ Centre for Social Technologies and Applied Research “SPHERE”,
47, ul. Blagodatnaya, Saint Petersburg, 196105, Russian Federation

² Charitable Foundation “Humanitarian Action”,
63, Kamennooostrovskiy pr., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation

For citation: Serdyukov B. V., Yezhova L. V. COVID-19 and HIV: Prejudices and barriers to getting vaccinated. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 232–256. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.207> (In Russian)

The threat of HIV transmission remains high in both the Russian Federation and the world, even though global epidemiological trends have changed. The COVID-19 pandemic that broke out in 2019 and the institutional changes in the health system caused by it had a significant impact on people living with HIV and on representatives of the most vulnerable groups of the population to HIV, exacerbating the problem of unequal access to medical services. The large flow of testing for COVID-19 has reduced the number of tests for other diseases, including HIV. AIDS control centers have been redesigned exclusively to work with patients infected with COVID-19 in some regions of Russia due to a shortage of medical personnel. It led to a violation of access to dispensary monitoring of HIV-infected people. According to Charitable Foundation “Humanitarian Action”, there were barriers to vaccination among people living with HIV and those most vulnerable to HIV, mainly due to lack of information on this issue. The article presents the results of an online survey aimed at identifying barriers and biases that prevent vaccination against COVID-19 coronavirus among people living with HIV and representatives of the most vulnerable groups of the population to HIV. The online survey was conducted with the involvement of consortiums and forums working within the project “Cascade”. The study involved 324 respondents, mainly from three regions of the Russian Federation (St. Petersburg, Moscow, Chelyabinsk). As a result of the survey, the prevalence of COVID-19 coronavirus in the surveyed groups was assessed, the attitudes of respondents regarding COVID-19 vaccination were characterized, specific barriers and biases preventing COVID-19 vaccination among people living with HIV and representatives of key population groups were described, and other factors influencing their willingness to be vaccinated.

Keywords: vaccination, COVID-19, pandemic, key populations, quantitative and qualitative research.

References

1. Zvonovskij, V. B. HIV and stigma. *Journal of Social Policy Research*, 2008, vol. 6, no. 4, pp. 505–522. (In Russian)
2. Markova, D. P., Sutturina, L. V. The problem of stigmatization of HIV-infected patients by medical professionals: A literary review. *Acta biomedica scientifica*, 2018, vol. 3 (3), pp. 160–164. (In Russian)
3. *Consolidated guidelines on HIV, viral hepatitis and STI prevention, diagnosis, treatment and care for key populations: Policy brief*, World Health Organization. Available at: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/365489/9789289058568-rus.pdf?sequence=2> (accessed: 15.01.2024).
4. Radzihovskaya, M. V., Moskvicheva, M. G., Kremlev, S. L., Magadeev, H. D., Batin, K. O., Ahlustin, I. A., Klepikov, S. V., Avdeev, Yu. A. Epidemiological and medico-social characteristics of men having same-sex sex. *VICH-infektsiia i immunosupressii*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 103–108. (In Russian)
5. Sultanov, L. V., Yasevich, P. E., Omelchenko, D. A., Goncharova, N. P. Behavioral risks of injecting drug users in the context of the HIV/SPID epidemic. *AltGU News*, 2004, no. 2, pp. 96–101. (In Russian)
6. Golodnova, S. O., Fel'dblyum, I. V., Yurkova, L. V., Sarmometov, E. V., Nikolenko, V. V. Factors of HIV infection and spread among people from social risk groups. *Health risk analysis*, 2020, no. 4, pp. 130–136. (In Russian)

7. Kirej-Sitnikova, Ya. Social barriers and facilitators in access to HIV testing, prevention and treatment for transgender women: A case study. *Bulletin of the N. A. Semashko National Research Institute of Public Health*, 2022, no. 4, pp. 57–64. (In Russian)
8. *The research of barriers in access to HIV testing and treatment for key population groups in three regions of the Russian Federation (Moscow, St. Petersburg, Chelyabinsk)*, CASCADE. 2022. Available at: https://kaskad.haf-spб.org/wp-content/uploads/2023/06/issledovanie_barerov_v_dostupe_k_testirovaniyu_i_lecheniyu_vich_infekczii-1.pdf (accessed: 15.01.2024). (In Russian)
9. Demedeckaya, Ya. A., Denisov, B. P., Lapickaya, A. V. HIV in the trans-population: A local case study. *Demographic overview*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 85–97. (In Russian)
10. Funds spent by people living with HIV to receive medical supervision in Russia. *Pereboi.ru*, 2020. Available at: <https://pereboi.ru/2020/12/25/rezultaty-oprosa-sredstva-kotorye-zatrachivayut-lzhv/> (accessed: 15.01.2024). (In Russian)
11. The results of the study “Studying the prevalence of COVID-19 coronavirus infection among HIV-infected patients in Russia and the impact of the COVID-19 coronavirus epidemic on the provision of medical care for HIV infection”. *ITPCEECA*, 2022. Available at: <https://itpc-eeca.org/2020/11/27/rezultaty-issledovaniya-izuchenie-rasprostranennosti-koronavirusnoj-infekczii-covid-19-sredi-inficirovannyh-vich-pacientov-v-rossii-i-vliyaniya-epidemii-koronavirusnoj-infekczii-covid-19-na/> (accessed: 21.03.2023).
12. Serdyukov, B. V. Civil solidarity in the sphere of public security. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 172–189. (In Russian)
13. Reshetnikov, A. V., Prisyazhnaya, N. V., Pavlov, S. V., Vyatkina, N. Yu. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sociological research*, 2020, no. 7, pp. 138–143. (In Russian)
14. Civil society in self-isolation. *Levada-center*,* 2020, 03.04. Available at: <https://www.levada.ru/2020/04/03/grazhdanskoe-obshchestvo-v-samoizolyatsii/> (accessed: 06.03.2022). (In Russian)
15. Serdyukov, B. V. Civic solidarity in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 340–365. (In Russian)
16. Makusheva, M. O., Nestik, T. A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*, 2020, no. 6, pp. 427–447. (In Russian)
17. Plaksin, S. M., Zhulin, A. B., Farizova, S. A. (eds). “*Black Swan*” in a white mask. Analytical report to the anniversary of the pandemic COVID-19. Moscow, HSE Press, 2021. (In Russian)
18. Jary, D., Jary, J. *Dictionary of Sociology: in 2 vols.*, transl. from eng. by N. N. Marchuk, vol. 1. Moscow, Veche Publ., AST Publ., 1999. (In Russian)
19. Sorokin, M. Yu., Kas'yanov, E. D., Rukavishnikov, G. V., Makarevich, O. V., Neznanov, N. G., Lutova, N. B., Mazo, G. E. Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic. *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2020, no. 2, pp. 87–94. (In Russian)
20. Fadeeva, E. V., Velikaya, N. M., Belova, N. I. Social well-being of Russians during the spread of coronavirus. *Bulletin of the Russian State University. Ser. Philosophy. Sociology. Art Criticism*, 2021, no. 2, pp. 58–71. (In Russian)
21. Chekmarev, O. P., Lukichev, P. M., Konev, P. A. Factors of changes in the Russian labour market under the influence of the COVID-19 pandemic and employer adaptation strategies. *Labor economics*, 2021, no. 4, pp. 329–340. (In Russian)
22. Latov, Yu. V. Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2021, no. 5, pp. 161–175. (In Russian)
23. Meshcheryakova, N. N. Anomie in the complex socium. *Bulletin of MGIMO*, 2014, no. 2 (35), pp. 201–207. (In Russian)
24. Putnam, R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, transl. from English by A. Zakharova. Moscow, Ad Marginem Publ., 1996. (In Russian)

Received: July 19, 2023
Accepted: April 28, 2024

Authors' information:

Boris V. Serdyukov — serd_bv@mail.ru
Lyubov V. Yezhova — lve17may@gmail.com

* Recognized in the Russian Federation as an organization performing the functions of a foreign agent.